

Альманах выпуск
XXXIV
библиофила

**Международный союз
общественных объединений книголюбов**

Альманах АБ библиофила

Альманах библиофила

Выпуск XXXIV

Москва
2010

УДК 002.(47+57)(082)

ББК 76.106(100)

А70

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.В. Шустрова

РЕДАКЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

*Бакуменко В.М., Быков И.В., Дегтярев А.Я., Жартицкий Е.П.,
Ласунский О.Г., Петрицкий В.А., Толстяков А.П., Чертков Л.И.*

Альманах библиофила

Выпуск тридцать четвертый

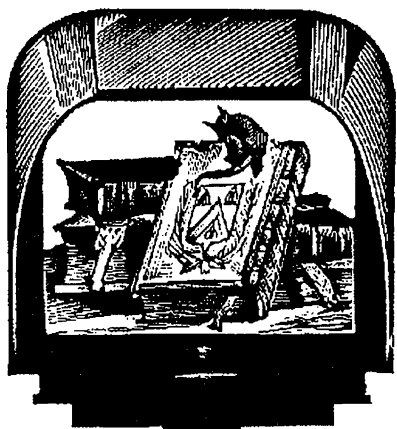
ISBN 978-5-93863-023-6

© Международный союз общественных
объединений книголюбов, 2010

ИДИТОДИТНУЖУ

КОЛО

КНИГОЛЮБО

Если вам удалось найти какие-либо действительно интересные и редкие издания, у вас не может не появиться желания показать их и рассказать о них другим. Иначе вы не настоящий книголюб, не настоящий «болельщик» книги.

Н.П. Смирнов-Сокольский

КАКОВО ЖЕ НАШЕ БУДУЩЕЕ?

2010 год войдет в историю книжной культуры как века официального признания так называемой «электронной книги». В своем выступлении на заседании Госсовета 22 апреля 2010 Президент России Дмитрий Медведев, говоря о новых тенденциях развития культуры чтения, сказал: «Мы должны поддержать чтение в самых разных его формах. Мне кажется, что, если молодежи приятнее, например, читать с использованием так называемых букридеров, ничего в этом плохого нет». В сентябре 2010 года в рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки состоялась отраслевая конференция «Книжный рынок 2010: стабилизация или стагнация?». Большой интерес на ней вызвал доклад Председателя Московской городской Думы, Председателя филиала «РКС-Москва» В.М. Платонова «Современные тенденции цифрового книгоиздания в России». В нем были подняты актуальные проблемы поддержки и развития чтения с учетом начинающегося наплыва электронной книги. Эта тема активно обсуждалась на Всероссийских конференциях «Национальная программа поддержки и развития чтения: итоги и перспективы», «Библиотеки, издательство, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения», многих региональных форумах разного масштаба.

В связи с этой пассионарной активностью, встает закономерный вопрос: каково будущее традиционной бумажной книги и библиофильства, и есть ли оно вообще, особенно у последнего?

Невольно вспоминаются многие культурологические споры прошлого века. Просвещенный читатель помнит горячую дискуссию первой трети XX века – рождение кино есть смерть театра! Спустя полвека новые витии вещали нам – рождение телевидения есть смерть кино!

Каков итог этих умозрительных противостояний? Театр обрел новые способы живого общения со зрителем и не потерял полные залы почитателей. Кинематограф в борьбе с телевизионным монстром нашел невиданные ранее новые формы своего бытования (широкоформатность, стерео-, кадро-, 3D и т. д.) и не только прочно держит завоеванные позиции, но и расширяет их, впечатляя мир перманентным фейерверком всемирных фестивалей.

Ныне (буквально за последнее десятилетие) электронная техника добралась до книги. Очередные «могильщики» формул культурного бытия человека подняли громкий гвалт, предрекая гибель традиционной книжной формы в электронной пучине букридерства.

Хочется заранее их огорчить – пророчества не сбудутся! Когда-то Антуан де Сент-Экзюпери назвал роскошь человеческого общения высшей ценностью. Общение с книгой в ее традиционной форме стоит в том же ряду. Достославный Иоганн Гутенберг и славный Иван Федоров, чье 500-летие мы отметили в этом году, пребудут с нами вовеки!

Мы продолжаем популяризировать публикации наших библиофилов, рассказывать о книжных находках и замечательных людях, посвятивших свою жизнь служению Книге.

Людмила Шустрова, гл. редактор

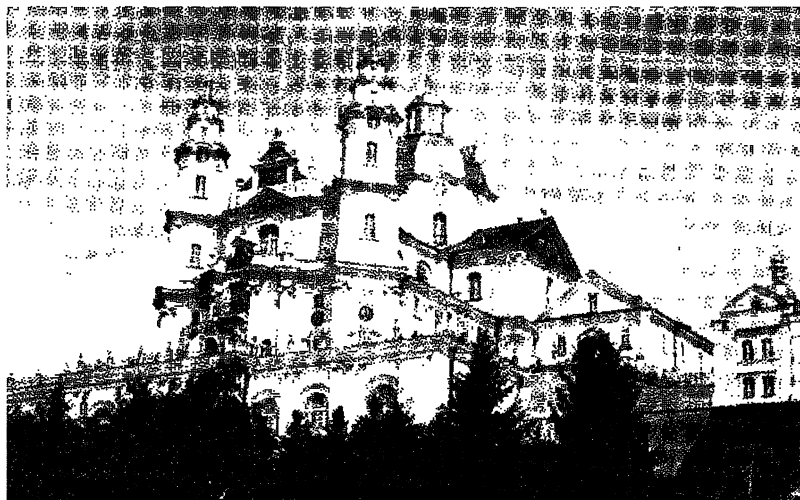
ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Владимир Колупаев

ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО ИОВА ПОЧАЕВСКОГО И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РОДИНЕ И В ЗАРУБЕЖЬЕ

*«Трудолюбного жития богомудрый наставник», –
из богослужебного текста в честь преподобного Иова*

Главным святым, чьё имя особо почитается в пределах Юго-Восточной Руси и для поклонения мощам которого в Свято-Успенскую Почаевскую лавру Украинской православной церкви Московского патриархата на Волыни ежегодно прибывали и прибывают тысячи богомольцев из разных мест, населённых православными восточнославянскими народами, является преподобный Иов. К сожалению, его персоналия недостаточным образом представлена в научных исследованиях по истории отечественного книговедения, однако у нас есть все основания рассматривать его именно в связи с контекстом книжного дела, с тем, как оно развивалось в юго-западных пределах Руси. Направлением для научного поиска здесь могут служить формы отражения образа преподобного Иова, как книгоиздателя, в виде

Свято-Успенская Почаевская Лавра, главный собор монастыря

информации, зафиксированной в монастырской устной и письменной традиции, в житийной литературе, посвящённой самому святому, и памятниках агиографического свойства эпохи, богослужебных текстах, в формах иконографического изображения.

Будущий церковный и общественный деятель родился в семье, носившей фамилию Железо, в крещении был назван Иоанном, место жительства – Галиция, так традиционно называется территория, объединяющая три нынешние западно-украинские области: Львовскую, Тернопольскую и Ивано-Франковскую. Годом его рождения условно принято считать 1551-й. Семья оказала основное нравственное влияние на формирование характера юноши. Анализ круга семейного чтения того времени, обзор книг, которые входили в обиход грамотных людей и влияли на уровень и

качество образования средневекового человека, позволяют воссоздать картину жизни святого. Составитель жития преподобного Иова, монах Досифей, оставил основные сведения, на которые опираются позднейшие исследователи. Согласно одной из версий жития известно, что едва будущий святой под руководством своих родителей выучился читать, он стал знакомиться с высокими образцами нравственной жизни на доступных примерах

*Икона преподобного
Иова Почаевского*

книжности. В кругу его чтения были образцы почитаемых святых, тезоименитого ему Предтечи Господня Иоанна, преподобных Саввы Освященного и Иоанна Дамаскина, а также творения преподобного Иоанна Лествичника. Всё это не могло не повлиять на выбор жизненного пути юноши. Он поступил в Угорницкий Спасо-Преображенский монастырь, находившийся там же в Галиции, в Карпатских горах. Живя в монастыре, Иов, углубляет своё погружение в мир древней книги, здесь он «почувствовал, что... попал в ту среду, куда влекли его духовные стремления, и вот он дал им полную волю, с увлечением начав проходить первые ступени подвижнической жизни»¹.

В возрасте 30-и лет, как это регламентировалось традицией и нормами канонического права, Иов принимает сан священника. Духовенство древности

*Князь Константин
Острожский*

было не только сугубо культовой корпорацией, в информационном мире той старой Руси церковные категории составляли основной спектр данных. Богослужбные тексты и песнопения, формы проповеди, книжный мир – всё это формировало сознание в определённых базовых понятиях. Вскоре, благодаря своим интеллектуальным способностям, иеромонах Иов «стал известен не только в западной Руси, но и в стране Польской», – продолжает житие святого. «Между тем в западной Руси... последовало тяжкое испытание для православной церкви. В 1566 г. в Польше и Литве появились иезуиты...»² Внутренняя политика Речи Посполитой использовала церковные

формы идеологической работы среди многонационального и многоконфессионального населения. Латинизация, т.е. перевод, по крайней мере, основной массы жителей в официальную доминирующую форму христианства, принятую в государстве в виде западной, т.е. католической веры, служила задаче колонизации восточных территорий. Эти земли были заселены потомками тех людей, которые составляли Киевскую Русь

и продолжали традицию византийского православия в вопросах исполнения культа. Выразителем русской оппозиции в Польско-Литовском государстве был поборник православия, видный аристократ Константин Константинович Острожский (1526–1608), носивший княжеский титул и владевший обширными землями. Род Острожских вёл своё происхождение от святого Владимира киевского, крестителя Руси. Константин Константинович был женат на Софии Тарновской, представительнице знатнейшего графского рода, что позволило князю сосредоточить огромные богатства и быть влиятельнейшим магнатом Польско-Литовского королевства. Помимо того, Острожский был воеводой Киевским и маршалом Земли Волынской. Известно покровительство этого мецената деятелям церкви, культуры, искусства, он был руководителем многих культурно-просветительских проектов в крае. Один из крупнейших феодалов королевства «желал сделать православные монастыри, находящиеся в его обширных владениях, рассадниками таких истинных представителей православного монашества, и противопоставить их, с одной стороны, протестантским общинам, с другой – католическим монашеским орденам и в особенности иезуитскому...»³

Князь Константин Константинович был видным книгоиздателем и просветителем, его инициативе обязана своим появлением «Острожская академия», где трудились Герасим и Мелетий Смотрицкие и будущий Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис. Библиотека в Остроге обладала богатейшим собранием книг. Переводческий, литературно-редакционный и

Собор в городе Остроге

издательский центр, сформировавшийся здесь, готовил к публикации полемические, богословские и исторические сочинения.

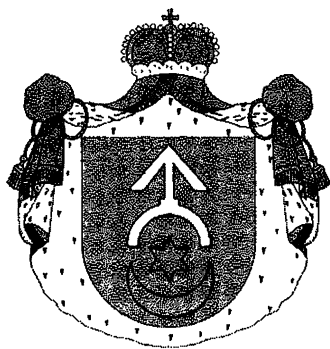
Вклад князя К. Острожского в созидание русской государственности, национальной и культурной идентичности колоссален, неслучайно его образ помещён в композиции, среди фигур известных деятелей памятника «Тысячелетие

России», установленного в 1862 г. в Великом Новгороде напротив собора Святой Софии. Авторами проекта памятника были скульпторы М.О. Микешин, И.Н. Шредер и архитектор В.А. Гортман. Князь К. Острожский стоит рядом с печатным станком, указывая на него перстом. На князя К.К. Острожского с 1575 г. работал Иван Фёдоров (ок. 1510–1583). Его типография с 1578 по 1582 гг. была местом активных трудов русского первопечатника, здесь в 1578 г. вышла его «Азбука». В 1580 г. И. Фёдоров напечатал в Остроге Псалтырь и Новый Завет и самое главное издание – свою первую полную славянскую т.н. «Острожскую Библию» 1580 и 1581 гг. издания.

Об основании в конце 70-х гг. XVI столетия в Остроге типографии и привлечении к этой работе Ивана Фёдорова в отечественном книговедении существует обширная литература. Достаточно только указать на имя Е.Л. Немировского, посвятившего изучению этой

тематики многие годы своей плодотворной работы⁴.

Князь Константин Острожский был знаком с монахом Иовом Железо, о чём сообщается в житии святого. Зная о том, что подвижник с детства любил заниматься книжным чтением и старался подражать в своей жизни высоким образцам древнего монашества, воевода земли Волынской не раз обращался к игумену Угорницкого Преображенского монастыря с просьбой отпустить Иову в Крестовоздвиженскую обитель, находившуюся в городе Дубене. В XVI веке город Дубен принадлежал князьям Острожским, они же покровительствовали и Крестовоздвиженскому монастырю. Богатейшая библиотека обители была в то время информационным банком интеллектуальных знаний, её значение далеко выходило за пределы регионального центра. Помимо собирания и хранения книг, в обители действовал также скрипторий, известно, что из-под пера монахов выходили новые рукописные книги. Так, например, в середине XVI века здесь трудился книгописец иеромонах Арсений. Его именем названо «Арсеньевское Евангелие», происходящее из Дубенской обители Честного Креста. Книга хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, её научное описание дано И.В. Левочкиным⁵, он же пишет о том, что в монастыре «имелось весьма представительное собрание книг. Здесь хранились и несомненно использовались Евангелия, Апостол, Псалтырь, Октоихи, Минеи, Служебники и некоторые другие книги, необходимые в повседневной жизни православного монастыря. Интересно, что иеромонах Арсений передал в монастырскую библиотеку целых 14 книг»⁶.

*Герб рода князей
Острожских*

Под руководством преподобного Иовы выполнялись переводы трудов отцов церкви. По данным, почерпнутым из житийных и литургических источников, воссоздаём дальнейшую картину событий. Вскоре, под руководством преподобного Иовы, Дубенский монастырь превратился в значительный региональный центр духовного просвещения.

«Крестовоздвиженский монастырь находился возле самого города, одного из видных центров тогдашней общественной жизни, и по необходимости долженствовал быть светильником для окрестного населения»⁷.

Житие святого поясняет, что «наплыв иноверцев, еретиков и сектантов, волновавших современное... православное русское общество, указывал ему на новое поприще для его деятельности, которое он не считал для себя чуждым... более усилий направил преподобный Иов к обличению протестантствующих сект, стараясь предохранить от них православное общество»⁸.

В течение двадцати лет Иов управлял монастырём в Дубене, затем мы видим, что он удаляется на Почаевскую гору. В истории русского монашества подобные перемены не редкость, известно, что преподобный Сергей Радонежский несколько раз покидал свой Троицкий монастырь, основывая ряд других обителей. Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий и другие

подвижники средневековой Руси, не находя взаимопонимания с братией, либо оказываясь в обстоятельствах непонимания со стороны владельцев-феодалов, вынуждены были уходить из монастырей, оставляя настоятельские посты, и основывать новые обители в новых местах. Очевидно, подобное расхождение во взглядах с местным князем, также послужило основанием к уходу Иовы из Дубена в Почаев, в ту обитель, которая теперь известна под именем Почаевской Лавры, где уже жила группа иноков.

Новый игумен, приняв руководство, «позаботился также о прочном обеспечении средств на содержание монастыря, выхлопотав приписку к нему различных земель и угодий. Кроме того, прилагал старание к устройству в монастыре колодцев, прудов, огородов, садов и т. п. Во всех этих работах он сам с любовью принимал деятельное участие. Собственными руками насаждал он плодовые деревья, прививал их, окапывал. Устроенный им сад и до сего времени существует у подножия Почаевской лавры. Сам же копал он и озеро, обнося его плотинами. Озеро это также существует и теперь за оградой монастыря Почаевской Лавры». Спустя некоторое время, преподобный Иов столкнулся с новой проблемой, скончалась давняя благотворительница монастыря Анна Гойская, которая передала в своё время на сохранение в обитель чудотворную икону Богоматери. В наследство после смерти Гойской вступил её родственник Бельский каштелян, будущий Сандомирский воевода Андрей Ферлей. Новый хозяин исповедовал лютеранство, что определяло его политическую позицию и ориентацию в среде поль-

Острожский замок

ских влиятельных людей. Ферлей затеял несколько процессов по возвращению ранее пожертвованных монастырю угодий, земель, другого имущества. Более того, 19.6.1623 г. по его приказу Почаевский монастырь был разграблен вооружёнными лицами, находившимися на службе у магната. Из храма похитили чудотворную икону Богоматери и вместе с ней церковные ценности. Конфессиональное противостояние в государстве явилось следствием социально-экономических и межэтнических разногласий. Каждая из партий в этих условиях старалась использовать имевшиеся в резервах информационные возможности. Умы и ча-

яния народа были объектом острого противостояния, где успех духовно-просветительской деятельности актуальным образом отражался на выживаемости и существовании нации, форм этнического бытия и национально-культурной идентификации. Православная церковь, как участник процесса, проводила ряд мероприятий. Так, среди участников Киевского собора 1628 г. мы видим почаевского игумена Иову, осуждавшего Мелетия Смотрицкого, пытавшегося в угоду королевской польской власти синтезировать вопросы конфессиональных разногласий.

По этому поводу в литургических источниках имеется следующее свидетельство. Текст акафиста преподобному Иове передает: «Бурю еретических находений отгнати желая, был еси в богоспасаемом граде Киеве со освященным Собором Православных, идеже неврежденную веру дерзновенно исповедал еси и к тому же вся люди увещевал еси» (Кондак 4)⁹. Прямым следствием событий стала работа игумена Иовы над организацией в Почаеве типографии для дела православного просвещения. Согласно монастырской легенде «эта Почаевская Церковная Типография основана была преподобным Иовом Почаевским на

*Памятник Ивану Федорову
во Львове*

средства, данные ему владелицей Анной Гойской»¹⁰. Богослужебный текст, в этой связи, продолжает: «...тем же и священныя книги тиснением предавати во обители Почаевстей не преставал еси, яко всем чтущим сия истинную веру содержати и православно пети Богу...» (Кондак 4)¹¹. Авторству преподобного Иовы принадлежит работа «Книга Иова Железа, игумена Почаевского, властною его рукою написанная». В 1889 г. она была издана под названием «Почаевская Пчела». Деятельность собственно исторической типографии в Почаеве изучается в отечественном книговедении и не входит в задачу настоящей статьи¹².

Связь же самого преподобного Иовы с книгопечатной работой находит своё подтверждение в данных иконографического анализа, которые дополняют наши знания. В Почаеве до наших дней сохраняется стойкая традиция изображать преподобного на иконах в момент типографского послушания, среди рукописей, касс со шрифтами, печатных станков. Наиболее известная из исторических икон святого, запечатлевшая описанный сюжет, висела до начала Первой мировой войны в типографии в Почаеве.

Преподобный Иов умер в глубокой старости, его память отмечается в Почаевской лавре трижды в год, соответственно: 19 мая – в день памяти Иовы Многострадального (в честь которого Иоанн Железо получил имя в монашеском постриге); 10 сентября – в день обретения честных мощей; 10 ноября – в день кончины (даты указаны по новому стилю).

Ученики святого продолжили типографское дело, и монастырь прочно вошёл в историю книжного дела,

как наиболее активный центр западнорусского и далее, после вхождения в состав Российской империи, всероссийского просветительского центра. Работа Почаевской типографии наибольшего расцвета достигает при управлении Волынской епархией владыкой Антонием (Храповицким) (1863–1936), пригласившем в 1902 г. на должность руководителя типографского братства архимандрита Виталия (Максименко) (1873–1960).

Интересно, что упомянутая выше икона преподобного Иовы непосредственным образом продолжила свою связь с историей типографской работы почаевских монахов. В связи с угрозой австрийской оккупации в 1915 г., когда оборудование типографии было эвакуировано, икона также была перемещена в безопасное место. После возвращения имущества из Одессы и Киева работа Почаевской типографии возобновилась, образ святого печатника вернулся на своё место.

События гражданской войны, ставшей следствием революций 1917 г., сменились в Украине сепаратистским движением, инициированным генерал-лейтенантом императорского конвоя – гетманом П. Скоропадским (1873–1945), и немецкой оккупацией, затем власть перешла к главе Директории С.В. Петлюре (1879–1926). Петлюровцы разграбили типографию, после небольшого перерыва её остатки достались большевикам, вскоре после этого Почаев стал зоной украинско-польской войны 1918–1919 гг.

В 1920 г. западные области вошли в состав Польши и часть монахов из Почаева вынуждена была эмигрировать, в результате взятого реванша, жесточайшим террором польская власть «победоносно» утвердилась

в своих некогда урезанных амбициях. Архимандрит Виталий (Максименко) в отчёте, составленном для Духовного собора Лавры, писал: «...я и сам видел, что восстановить историческую Типографию... при тог-
дашней власти невозможно. Поэтому я начал искать способа выехать самому и вывезти всё, оставшееся от Типографии преподобного Иовы, из Польши»¹³. Максименко, покинув Польшу, после недолгого нахождения в Югославии, в 1921 г. переехал в Чехословацкую республику, где обосновался на сельском приходе в Восточной Словакии. Здесь, в селе Ладомирова, которое русские монахи называли на свой манер – Влади-
мирова, недалеко от Пряшева, он в 1923 г. возобновил работу Типографского братства преподобного Иовы Почаевского. Деятельность монастырской типографии стала основой всезарубежной церковной журналистики и конфессиональной книгоиздательской работы в русской православной традиции¹⁴. Почаевские монахи, узнав о работе русской типографии в Карпатах, прислали в знак своего благословения и признания преемственности духовной просветительской традиции знаменитый образ преподобного Иовы. Духовный собор старцев решил послать икону преподобного Иовы с частичкой его святых мощей в Карпаты. Образ был доставлен в село Ладомирова в 1929 г., с 1932 г. икона находилась на центральном месте в новом помещении типографии. Просмотр типографской продукции, хранящейся в отечественных и зарубежных собраниях¹⁵, показывает, что гравированный рисунок с этого образа можно встретить в качестве иллюстративной заставки на некоторых изданиях братства, наиболее

характерно он представлен в оформлении книги «Великий сборник»¹⁶.

«Alma-mater, Почаевская Лавра, – писал в 1933 г. отец Виталий (Максименко), – тем передавала нам и право, и благословение продолжать во Владимировой великое дело преподобного Иова – служение Церкви и народу русскому печатным словом»¹⁷.

Типографщики вынуждены были оставить свой монастырь на Пряшевской Руси в 1944 г. и эвакуироваться в Германию, где возникли филиалы братства в Мюнхене и Гамбурге. Икона преподобного Иова в настоящее время хранится в одноимённом монастыре в Мюнхене (Kloster des Hl. Niob von Pochaev), где сложилась собственная богатая издательская традиция, сохраняющаяся до наших дней, работает типография, заслуживающая особого всестороннего изучения, как часть книжного дела Русского Зарубежья¹⁸.

С 1946 г. Типографское братство преподобного Иова Почаевского действует в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, штат Нью-Йорк (США), обладая собственным редакционно-издательским комплексом, типографией и системой распространения, аккумулировав просветительские и книгопечатные инициативы Русской православной церкви за границей. На всех изданиях этого центра присутствует сигнет, т.е. издательская марка типографии преподобного Иова Почаевского. Этот фирменный знак издателя-типографа, в нашем случае коллективного юридического лица, каковым стало братство, встречается на различных видах продукции. Образ преподобного Иова, ставший фирменным знаком типографии и встречающийся в

*Виталий Максименко,
основатель типографского
братства*

примерах книжной иллюстрации, глубоко символичен. Его автор – архимандрит Киприан (Пыжов) (1904–2001), известный представитель книжно-типографского дела, иллюстратор и иконописец зарубежья. Родился он в Санкт-Петербурге, далее семья переехала в г. Бежецк Тверской губернии, после Октябрьской революции, в возрасте пятнадцати лет он вступил добровольцем в Белую армию, участник эвакуации в Константинополь, был в Галиполи, жил в Болгарии, учился живописи в Париже, затем переехал в Ниццу, летом 1932 г. – поступил в монастырь во Владимировой, расписывал здесь храм, с 1946 г. возглавил иконописную мастерскую в Джорданвилле¹⁹.

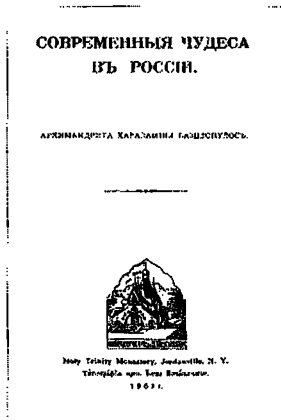
Мы имеем возможность рассмотреть сигнет на примере издания «Владимировского календаря» на 1938 г. Эта марка будет повторяться на многих последующих книгах, на обложке, авантитуле, титульном листе и т.д., выходявших не только во Владимировой, но и в Гамбурге. Таким образом, издательская марка становится своеобразной говорящей эмблемой, раскрывающей в данном случае принадлежность к единой монашеской фамилии, традиционной семье, преемственно передающей от своего основателя преподобного Иова Почаевского книжный феномен. Сигнет представляет собой рисунок, изображающий монаха в скуфье,

по замыслу художника – это и есть сам преподобный Иов, игумен Почаевский, в этом нет сомнений, хотя никакие дополнительные надписи не говорят об этом. Монах стоит, обращённый лицом к наборной кассе со шрифтами, зритель смотрит на него сзади, рядом изображены элементы печатных станков, в центре композиции на аналое лежит раскрытая книга. Венчает композицию восьмиконечный крест-голгофа без фигуры распятого, украшенный терновым венцом. На переднем плане – раскрывающийся с вала лист бумаги, похожий на свиток, на нём славянская надпись: «Книгопечатня пр. Иова Почаевского». Помимо этого знака, размещённого в нижней части обложки, между заглавием и выходными данными на плоскости листа есть ещё изображение, которое собственно и является основной иллюстрацией. Оно сделано на сюжет Вербного воскресения, которое в символике церковного года отмеряет время Страстной седмицы, – период предательства, страданий, безвременья и оставленности. За голгофой наступит Пасха.

Образ преподобного Иова и другие символические изображения, подобранные в иллюстративном ряду изданий русской типографии, глубоко символичны. Наверное, главным лейтмотивом в их передаче являет-

*Сигнет – издательская марка
типографии братства
Преподобного Иова
Почаевского*

*Издание монастыря
в Джорданвилле, США*

ся тема ожидания страждущей Россией часа своего возрождения. Вслед за Голгофой приходит Воскресение. К примеру, обратимся к рассмотрению рисунка иллюстрирующего обложку календаря на 1938 г. На ней мы видим простую сцену: из храма после богослужения возвращается народ – скорбная старушка и двое детей, мальчик и девочка, возможно, сироты, сзади есть ещё две фигуры – это женщина и ребёнок.

В руках у персонажей веточки вербы и свечи, огонёк высвечивает лицо мальчика, вселяя оптимистические нотки, даря надежду.

Титульный лист этого календаря оформлен следующим образом. Текст дан в центре листа, который обрамлён художественной рамкой. По древнерусским мотивам нарисованы резные столбы, увенчанные церковками, какие встречаются в книжной миниатюре, три купола с восьмиконечными крестами. На фоне этого символического небесного храма, на облаках коленопреклонённые ангелы держат Почаевскую икону Божией Матери в резном киоте. Клубы облаков спускаются к середине страницы. Чуть ниже ангелов, обернувшись к иконе с молитвенным взором и согбенными руками, стоят старцы, справа – преподобный Сергей Радонежский, слева – преподобный Иов Почаевский. Внизу страницы – обычное изображение храма

и монастыря во Владимировой.

В подборе материалов и дальнейшем иллюстративном оформлении календарь отражал юбилейную тематику, связанную с 950-летием Крещения Руси.

Обложка календаря на 1939 г. воспроизводит рисунок, в центре которого находится православный храм характерного русского архитектурного облика, стилизованный под московский тип, с пятью луковичными куполами. Настежь открыты двухстворчатые двери в притворе, приглашая, тем самым, войти внутрь. На переднем плане – композиция из четырех фигур, слева мальчик в подпоясанной русской рубахе на выпуск и девочка с косой. Они внимают словам монаха-схимника, который стоит справа, рядом с ним молодой послушник – отрок в монашеском чёрном подряснике, подпоясан широким иноческим ремнём, обут в сапоги. Послушник стоит у аналоя с раскрытой книгой, в левой руке держит четки, перебирая зёрнышки, отсчитывая молитвы. Взоры послушника, также как и двух других фигур, устремлены в сторону храма. На храм указывает и правая рука строгого монаха. Рука поднята из-под мантии, закрывающей всю фигуру старца. Левую свою руку схимник положил на плечо послушнику. Нимб над головой, на которую одет капюшон-куколь, расшитый

*Архимандрит Киприан
Пыжов, книжный
иллюстратор*

*Православный Русский
Календарь на 1938 год*

крестами-гольгофами, позволяет предполагать, что это сам преподобный Иов. Капюшон закрывает плечи старца, лицо его обрамлено бородой.

Титульный лист календаря на 1939 г. украшает заставка, которая охватывает всё поле страницы, вверху расположена центральная вишетка, она увенчана луковичками с восьмиконечными крестами, в ней образ Иисуса Христа. Спаситель держит в руках раскрытую книгу, на стариницах которой читается фраза:

«Блажени слышавши Слово Божие». По бокам, также в вишетках воспроизведены в рост фигуры монахов – слева преподобного Иова Почаевского и справа – преподобного Сергия Радонежского. Оба старца стоят в молитвенной позе с простёртыми руками, направленными к центру. Они одеты в полное монашеское облачение, мантии и капюшоны, вокруг голов – нимбы и надписи. В нижней вишетке – изображение храма и монастырских построек во Владимировой, под рисунком указано место издания «Владимирова Ч.С.Р.»

Другой пример, это книга «Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго», на титульном листе издания даётся пояснение: «Напечатана с Синодального Почаевского издания по благословию преосвященнейшаго Савватия, архиепископа Пражска-

го и всего Чехословенска», тут же приведены выходные данные: «Типография Сенатора Георгия Лажо. Вышний Свидник, на Словенску. 1924 год». Любопытно, что в качестве иллюстративного материала в этом издании помещены гравированные изображения иконы «Не рыдай Мене Мати» и вид Соборного храма в городе Остроге, связанном с именем князя К.К. Острожского. Ныне город Острог – это районный центр Ровенской области в Украине.

Изображение Соборного храма на титульном листе помещено, на наш взгляд, с претензией, вполне обоснованной и законной, с целью показать преемственность зарождающегося русского церковного книгоиздания в зарубежье с древнерусской книжностью, подчеркнуть единство русской книжной традиции. В этой связи, справедливы слова отечественного книговеда М.М. Панфилова: «Историческая миссия книжности... – ду-

*Обложка календаря
на 1939 год*

*Титульный лист
календаря на 1939 год*

Гравюра из книги «Божественная литургия... Иоанна Златоустаго» (Вышний Свидник, на Словенску. 1924 год)

ховное собрание земли, рода, народности (нации). Это устремление к соборности домостроительства национальной культуры зародилось в межсословной среде монастырских подвижников»²⁰. Почаевские монахи, продолжившие в пространстве Русского Зарубежья традиции своего основателя, оставили богатейший пласт национального историко-культурного печатного книжного наследия, изучение которого, без сомнения, обогатит отечественную науку новыми открытиями.

Примечания

1. Житие преподобного Иова игумена Почаевского // <http://www.pochaev.org.ua/?p=akafist/5>
2. Там же.
- 3 Там же.
4. См.: Немировский Е.Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Фёдоров. М.: 1974.; Иван Фёдоров и его эпоха. М.: ИНФРА-М, Энциклопедия, 2007.; По следам первопечатника. М.: Современник 1983.
5. См.: Левочкин И.В. Арсеньевское Евангелие из собрания рукописей Н.П. Румянцева // Записки отдела рукописей. Вып. 52. М.: Пашков дом, 2004. С. 590-594.
6. Там же. С. 592.
7. Житие. Указ. соч.
8. Там же.

9. Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Иову, Почаевскому чудотворцу // <http://www.pochaev.org.ua>
10. Виталий (Максименко), архиепископ. Мотивы моей жизни. Изд. 2, доп. Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, 1955. С. 136.
11. Акафист преп. Иову. Указ. Соч.
12. См.: Каталог почаевских изданий XVIII – первой трети XIX вв. из фондов Отдела редкой книги и Славянского фонда БАН и издательский проект «Почаевский сборник» представлен: http://www.rasl.ru/e_resours/Lavra_pochaev/spisok.html
13. Виталий (Максименко). Указ. соч. 185.
14. См.: Шкарковский М.В. Монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии // <http://www.krotov.info/history/20/1930/slovakia.htm>; Seide G. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland unter besonderer Berücksichtigung der Deutschen Diözese. München, 2001.; Harbulova L. Ladomirovske reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej 1923-1944. Preshov, 2000.
15. Автор работал с собраниями РГБ, ВГБИЛ, фонд «Русское Зарубежье» в Москве и библиотеках Папского Восточного института в Риме и «Бетти Амбивери» в Сериате (Италия).
16. Великий сборник. В 4-х ч. Владимирова: Типографское братство преподобного Иова, 1932-1944.
17. Виталий (Максименко). Указ. Соч. С 193.
18. См.: Нафанаил (Львов), архимандрит. Страничка из жизни обители преподобного Иова // Православная жизнь. 1996. № 7. С. 21-27.
19. См.: Православная Русь. Джорданвилль. 2001, № 7.
20. Панфилов М.М. Феномен книжности в мировоззрении славянофилов. М.: Пашков дом, 2004. С. 162-163.

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

Елизавета Розенталь

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА И ЕЁ ЧИТАТЕЛИ

*(о круге чтения творческой интеллигенции
Москвы в начале XX века)*

Круг чтения, интересов и предпочтений читателей свидетельствует о состоянии и настроениях в обществе. Люди с образованием, высшим и средним, составляют т.н. читательскую элиту, особую категорию читателей, определить круг чтения которых значительно сложнее.

Читатели этой категории зачастую имеют собственные собрания книг, иногда и библиотеки, сформированные в соответствии с их вкусами и профессиональными интересами. Тем не менее, и они обращались в общественные библиотеки, пользуясь их новинками, раритетами, научными и периодическими изданиями.

Попытку изучения читательского спроса творческой интеллигенции предприняли в 1910-х годах сотрудники библиотеки Московского литературно-художественного кружка¹.

*Виньетка с вензелем (эмблемой) библиотеки
Московского литературно-художественного кружка*

Кружок, возникший в Москве в 1898г., в течение почти двух десятилетий пользовался популярностью в среде московской творческой интеллигенции. Он стал одним из центров культурной и общественной жизни Москвы.

Кружок объединял артистов, музыкантов, художников, писателей, журналистов, учёных, коллекционеров, меценатов. Первые десять лет его возглавлял князь А.И. Сумбатов-Южин, известный драматург и актёр Малого театра. В 1909 г. на посту председателя Кружка его сменил В.Я. Брюсов, признанный поэт и литератор, вождь московских модернистов.

В соответствии с Уставом Кружка его основу неизменно составляли 300 действительных членов¹, состав которых ежегодно ротировался за счёт кандидатов в действительные члены. Кроме того, в Кружке (без

В.Я. Брюсов

права голоса) состояло 300 членов-соревнователей, главным образом, состоятельных лиц, имевших возможность способствовать укреплению материального положения Кружка. В развлекательной, просветительной и благотворительной деятельности Кружка своеобразно отразилась сама эпоха «серебряного века» с его идейными и художественными исканиями, дискуссиями, спорами, общественно-политическими

потрясениями и богатой духовной жизнью.

С первых шагов в жизни Кружка значительное место заняла задача формирования собственной библиотеки. Начало книжному фонду Кружка положили приобретения произведений русских и зарубежных классиков. Тогда же среди членов Кружка сложилась традиция дарить библиотеке собственные произведения, переводы и другие издания, а среди редакций газет и журналов – безвозмездные подписки на периодические издания.

Формированием библиотеки и её работой ведала т.н. Библиотечная комиссия Кружка. В разные годы в неё входили литераторы, учёные, историки, библиофилы, коллекционеры, издатели. В их числе были известные историки Ю.В. Готье и А.К. Дживелегов, писатель М.П. Арцыбашев, коллекционер А.А. Бахрушин, издатель И.Н. Кнебель. От дирекции Кружка

Москва, ул. Большая Дмитровка

в Библиотечной комиссии работали В.Я. Брюсов и В.В. Вересаев. Председателем комиссии был один из учредителей Кружка А.А. Федотов, актёр и режиссёр Малого театра, преподаватель театрального училища. После его смерти в 1909 г., комиссию возглавил историк литературы, профессор Московского университета С.К. Шамбинаго.

Дирекция Кружка определяла направление работы комиссии, щедро финансировала её расходы на приобретение книг, выписку газет и журналов, а также на обеспечение сохранности книжного фонда, прежде всего на переплётные работы.

Главной своей задачей члены Библиотечной комиссии считали приобретение книг. Учитывая вкусы читателей, особое внимание обращали на новинки в области беллетристики и истории. Одновременно члены комиссии, каждый по своей специальности, наблюдали за ходом систематического подбора книг по истории литературы и изящных искусств, поль-

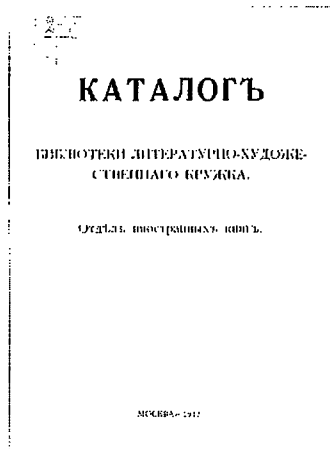
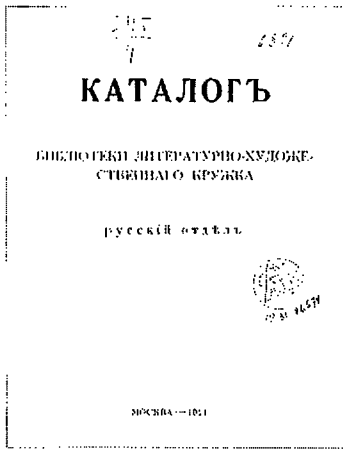
Общияк Р.Д. и Б.Д. Востряковых на Б. Дмитровке, 1909 г.

зовались консультациями и советами компетентных лиц из числа членов Кружка. Не отказывались они и от приобретения специальных научных и художественных изданий, а также раритетов, учитывая широту интересов членов Кружка и возможность использования в их творческой работе этих изданий.²

С учётом спроса читателей увеличивалось количество экземпляров особо популярных в их среде журналов «Вестник Европы», «Русская Мысль», «Современный мир», а также «Русское Богатство» и «Иностранный вестник».

Книжный Фонд библиотеки неуклонно возрастал: с 15 520 в 1909/10 гг. число томов в ней к 1918 году удвоилось (около 30 тысяч томов).

Именно библиотека привлекала многих посетителей Кружка. Высоко оценивал её В.А. Гиляровский. Иронизируя над обилием всевозможных залов и гостиных в помещении Кружка, которое в 1904–1918 гг. он арендовал в особняке Востряковых на Б.Дмитровке (ныне

Каталоги библиотеки Московского литературно-художественного кружка, 1911–1912 гг. т. 1. Русский отдел. т. 2. Отдел иностранных книг

Генеральная прокуратура Российской Федерации), В.А. Гиляровский особо отмечал прекрасную библиотеку и читальню Кружка³. В.В. Вересаев, с 1903 года неизменный действительный член Кружка, вспоминал «чудесную библиотеку с редчайшими дорогими изданиями», «огромный тихий читальный зал с мягкими креслами и турецкими диванами, с электрическими лампами под зелёными абажурами, держащими в тени потолок; на столе – всевозможные русские и иностранные газеты и журналы».⁴

Библиотека Кружка не была общедоступной; ею, как и читальней, могли пользоваться члены Кружка и их ближайшие родственники. В 1911–1915 годах число читателей колебалось от 391 до 466. С начала 1912 года право пользования библиотекой получили и служащие Кружка. К 1916 г. читальный зал посещало в год до 1250 человек.

Библиотека и читальный зал работали ежедневно. Наибольшее число посетителей отмечалось в дни, когда в помещении Кружка проходили концерты и спектакли (т.н. исполнительские собрания/ и литературные собеседования и дискуссии /литературные «вторники»)⁵.

Повседневное общение с читателями, выдача и установка книг, а также взимание штрафов за нарушение сроков возврата книг ложились на плечи служащих библиотеки. Они же участвовали в составлении каталогов, в подготовке списков новых поступлений и аннотаций к наиболее интересным новинкам, которые публиковались в очередных выпусках «Известий Московского литературно-художественного кружка».

Текущую работу библиотеки направлял её заведующий М.П. Бойков и его помощница – молодая артистка Н.А. Федотова, дочь основателя библиотеки и внучка легендарной актрисы Малого театра Г.Н. Федотовой.

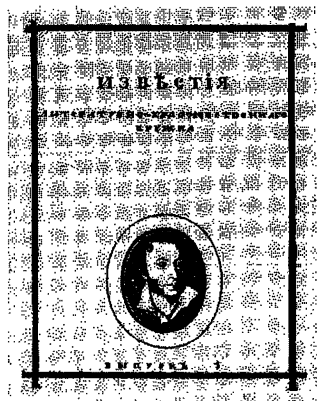
В своих отчётах работники библиотеки, не имевшие специальной подготовки, делали попытки учёта и анализа круга чтения и предпочтений своих читателей. По их подсчётам в течение 1911/12г. из библиотеки было выдано 14 794 книги, подавляющее число которых – 74% – составляла беллетристика. «Из отдельных писателей-беллетристов, – говорится в Отчёте, – наибольшим спросом пользовался Амфитеатров, произведения которого были выданы 301 раз; второе место занимает Мопассан (267 выдач), третье – Толстой (237 выдач). За ними следуют в нисходящем порядке: Вербицкая (175), Вилли (157), Ибаньес (145), Мережковский

(136), Достоевский (127) и Немирович-Данченко (118 выдач). Из прочих авторов можно отметить: Банг (98), Прево (94), Куприн (85), Конан-Дойль (80), Фёдоров (66), Островский (57), Мясницкий (50), Л. Андреев (41), Чехов (31) и Короленко (23 выдачи).»⁶

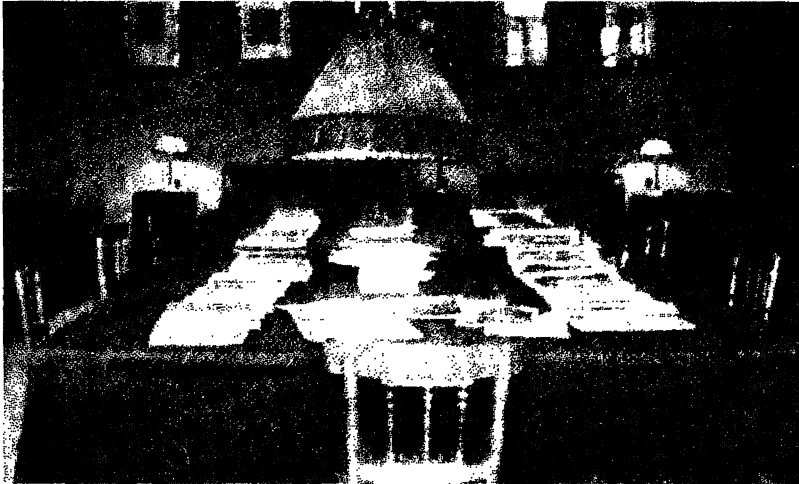
Приведенный перечень 19 авторов, пользовавшихся популярностью у читателей в 1911/12 г., разделён авторами Отчёта по числу выдач их произведений на три группы: – с числом выдач более 200, – с числом выдач более 100, – менее 100.

Несколько неожиданно выглядит первая лидирующая тройка авторов (Амфитеатров, Мопассан, Л.Толстой).

Беллетристические произведения А.В. Амфитеатрова (1862–1938) – «любимца публики», в 1905–1913 гг. вызывали живой интерес. В каталоге библиотеки Московского литературно-художественного кружка значатся его на шумевшие романы, в том числе «Восьмидесятники» и «Девятидесятники» и их продолжение, многочисленные рассказы, повести, пьесы из жизни современного общества и о людях творческих профессий, в частности, острые и остроумные фельетоны, политические памфлеты. Они издавались и переиздавались в Петербурге и Москве издательствами «Прометей», «Просвещение», «Общественная польза»

«Известия литературно-художественного кружка», выпуск 1, 1913 г.

Читальня при библиотеке МЛХК, 1909 г.

и другими. Прочное лидерство по востребованности читателями библиотеки Кружка А.В. Амфитеатров сохранял и в последующие годы, лишь в 1914/1915 году на время уступив его Джеку Лондону.⁷

Всплеск интереса к творчеству Ги де Мопассана (1850–1893), возможно, был связан с завершившимся в 1909–10 гг. изданием Полного собрания сочинений этого популярного в России автора, известного остротой социального анализа, противопоставлением духовному убожеству, корыстолюбию, лживой морали правде естественных чувств человека. Как и более ранние, новые тома сочинений Мопассана, изданные в 1909/10 гг./ (тт. IV, VIII, X) издательством «Пантеон», и (тт. XIX–XXX) издательством «Шиповник», были представлены в библиотеке Московского литературно-художественного кружка.

Особый спрос в 1911/12 г. на издания Л.Н. Толстого (1828–1910) естественен. Личность Л.Н. Толстого и его творчество неизменно привлекали внимание членов Кружка. К его художественным произведениям и публицистике, к его авторитету апеллировали участники литературных вечеров и диспутов, обсуждая философские и социальные аспекты жизни общества, проблемы нравственного совершенствования человека и т.п. В 1902 году Л.Н. Толстой стал первым почётным членом Кружка. Известия о болезни и смерти писателя в 1910 г. остро переживали в Кружке. На похоронах Л. Толстого Кружок представлял В.Я. Брюсов. В стенах Кружка обосновалось Правление общества Толстовских музеев, комитет по подготовке выставки, посвящённой памяти Л. Толстого; в адрес Кружка поступали экспонаты будущей выставки.

Естественно, что библиотека Кружка располагала всеми изданиями собрания сочинений Л.Н. Толстого. Получено было и 12-ти томное собрание, издание которого было завершено в 1911 г. Библиотека получила и посмертное издание драм «Живой труп» и «Власть тьмы», осуществлённые А.Л. Толстой,

Востребованность трёх лидирующих авторов свидетельствует, может быть, не столько о читательском спросе на беллетристику, сколько об интересе читателей к новым последним изданиям. Интерес к современности в её проблематике выдвинул на первый план А.В. Амфитеатрова. Однако признать его первенство абсолютным было бы ошибочным. С ним, как свидетельствуют данные Отчёта, по числу выдач 1911/12 г, сопоставима была востребованность литературно-

художественных альманахов и сборников, в первую очередь «Знание», «Шиповник», «Земля» /296/.⁸

Достаточно перечня опубликованных в этих сборниках произведений, чтобы убедиться в интересе читателей к авторам, которые определяли лицо литературы начала XX века.

Наиболее известными и популярными были сборники «Знание», издававшиеся в Петербурге с начала 90-х годов и достигшие наибольшего успеха в 1905–1906 гг., когда в них были опубликованы все ранние рассказы М. Горького (№6, 7, 11, 13, 17, 21, 27, 28, 32), а также произведения С.Г. Скитальца (№41, 42, 43), Л. Андреева (№55, 56, 57), А.С. Серафимовича (№72, 77, 78) и др. Выход каждого сборника становился событием в литературной жизни. Об их успехе свидетельствовали небывало большие тиражи сборников, воспоминания современников о предварительной записи в книжных магазинах на очередной выпуск. Известно, что отъезд А.М. Горького за границу, его разногласия и разрыв с И.А. Пятницким привели к ликвидации издания в 1913г. Однако в среде читателей библиотеки Кружка старые выпуски продолжали и в 1911/12 г. пользоваться наибольшим спросом. (146 выдач).

На смену сборникам «Знание» пришёл литературно-художественный альманах издательства «Шиповник», издававшийся в Петербурге в 1907–1916 гг. по 3–5 книг ежегодно. В альманахе публиковались произведения Л. Андреева, И. Бунина, А. Куприна, Б. Зайцева, А. Серафимовича, С. Сергеева-Ценского, А. Толстого, стихи А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, С. Чёрного и многих других писателей и поэтов

той поры. В 1912–1914 гг. в очередных выпусках альманаха появились публикации М. Пришвина, Тэффи, Л. Рейснер, В. Шишкова, К. Чуковского. Из западных авторов в 1908–1910 гг. «Шиповник» опубликовал пьесы М. Метерлинка «Синяя птица» и «Мария Магдалина» (кн.6,10), А. Франса «Из рассказов Жака Турмборм» (кн.7), Г. Флобера «Простое сердце» (кн.12).

Московское книгоиздательство «Земля» в 1907–1917 гг. издало 17 литературных сборников. Ведущее место в них в 1909–1912 гг. заняли произведения М. Арцыбашева, А. Куприна, Б. Зайцева, А. Федорова (кн.1–10)

Литературно-художественные сборники и альманахи были полно представлены в библиотеке Кружка и могли бы быть отнесены к первой группе востребованных изданий.

Во второй группе авторов (более 100 выдач в течение года) первенствует писательница А.А. Вербицкая. Интерес к её повестям и романам, посвящённым проблемам семьи, любви, отношениям полов, по-видимому, совпал с пиком её творческой активности. В каталоге библиотеки Кружка фигурируют как ранние (1904–1905гг.) её произведения, так и многочисленные, в том числе и московские, их издания и переиздания 1907–1909 гг.: повести «Горе идущим», «Горе ушедшим», романы «Дух времени», «Ключи счастья», «Преступление Марии Ивановны», комедия «Миражи», драма «Рассвет» («Дети века») и др.

Из новинок западноевропейской литературы значительным спросом в 1911/12 г. в библиотеке Кружка пользовались французский писатель Вилли (очевидно

Готье Виляр, Анри) и испанский беллетрист Ибаньес (Ибаньес, Бланко). В 1911 г. столичное книгоиздательство начало издавать собрание сочинений Вилли, автора романов «Старичок», «Царица сцены», «Бродяжка», «Конец любви» и др. в переводах с французского Л. Зиновьева. Одновременно, в 1910–1912 гг. в Москве были изданы одиннадцать романов и рассказы Ибаньеса в переводах З. Венгеровой, В. Кошелевича, В. Фриче и др. Все эти издания значатся в каталоге библиотеки Кружка.

С творчеством Д.С. Мережковского, одного из зачинателей русского декадентства, не печатавшегося в известных литературно-художественных сборниках, читатели библиотеки Кружка могли знакомиться по отдельным публикациям его поэтических произведений и литературной критики. В 1911 году в библиотеку начали поступать тома собрания сочинений Д.С. Мережковского, издававшиеся М.О. Вольфом в Петербурге; в них известная трилогия – «Павел I», «Александр I», «Николай I».

Д.С. Мережковский, как литературный критик, мог быть интересен членам Кружка в связи с его обращением к личности и творчеству Ф.М. Достоевского, оказывавшегося неоднократно в центре внимания многих дискуссий на «литературных вторниках». Приезжая в Москву, Д.С. Мережковский принимал в них живое участие.

Ф.М. Достоевский, по числу выдач его произведений из библиотеки Кружка, в 1911/12 г. следовал непосредственно за Д.С. Мережковским, а в 1915/16 г. значительно опередил последнего, заняв второе место в перечне

наиболее востребованных авторов. Библиотека Кружка располагала изданиями собрания сочинений Достоевского, начиная с посмертного (1882/83 гг.) до собрания сочинений, подготовленного в 1911 г. издательством «Просвещение» в Петербурге (тт. I–XXI).

Живой интерес, по-видимому, вызывали у читателей романы и повести В.И. Немировича-Данченко, писателя, старшего брата одного из основателей МХТа. Его произведения, издававшиеся в Петербурге и Москве в 1907–1909 гг., были полно представлены в библиотеке Кружка.

В эту же группу вошёл И.И. Мясницкий /И. Барышев/, писатель-юморист автор бесчисленных рассказов, фарсов, водевилей, комедий, очерков и повестей, издававшихся в Москве в начале 1900-х годов. Популярность его произведений среди читателей библиотеки Кружка, возможно, связана с их использованием в подготовке праздничных концертов и неизменных «капустников» в его стенах.

Третья группа особо востребованных в 1911/12 г. авторов оказалась самой многочисленной. В неё вошли 10 авторов, произведения которых в течение года были выданы до 100 раз, и их можно справедливо отнести к книгам массового, а не единичного спроса.

Из современных западноевропейских писателей в эту группу попали датский писатель Герман Бант, романы и рассказы которого в русском переводе издавались в 1908–12 годах московскими и петербургскими издательствами; французский писатель М. Прево, автор многочисленных повестей и романа «Любовь женщины», изданных в 1908–10 годах в Петербурге и

Москве; и английский писатель А. Конан-Дойл, известный автор захватывающих детективных рассказов, опубликованных в 1903–1908 гг. Все они были представлены в библиотеке Кружка.

Современниками читателей были русские писатели Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.М. Фёдоров, известные и по публикациям в литературно-художественных сборниках. Произведения Л.Н. Андреева, например, публиковались в 1909–12 гг. почти в каждом выпуске альманаха «Шиповник» (2, 7, 9, 11, 13, 14, 16 и др.) То же и в отношении А.И. Куприна и А.М. Фёдорова. Особое внимание к ним могли привлечь издававшиеся в 1911–13 годах собрания их сочинений, которые тотчас же появились в библиотеке Кружка.

А.П. Чехов и В.Г. Короленко оставались востребованными авторами, несмотря на то, что к 1910–13 гг. интерес к их творчеству, по-видимому, ослабел. Оба они были почётными членами Кружка, а А.П. Чехов являлся одним из его учредителей. Средства, полученные за вечер памяти А.П. Чехова, стали основой благотворительного фонда Кружка. Спросу на произведения А.П. Чехова и В.Г. Короленко могли способствовать юбилейные даты: в 1910 г. – 50-летие А.П. Чехова и завершение в 1911 г. издания полного собрания его сочинений; в 1913 г. – 60-летие В.Г. Короленко и публикация в 1909 г. журналом «Русское Богатство» повести «История моего современника».

Особо следует отметить отношение членов Кружка к творчеству А.Н. Островского, попавшего в эту группу авторов. Читатели библиотеки Кружка, среди которых было немало драматургов, актёров, режиссёров, ху-

дожников, тесные творческие узы связывали с Малым театром – Домом Островского.

Список наиболее востребованных авторов, приведенный в Отчёте библиотеки Кружка, свидетельствует об особом интересе читателей к художественным произведениям, прежде всего, отличающимся глубоким психологизмом, анализом философских и нравственных ценностей, а также к писателям-современникам, затрагивавшим социальные проблемы и идейные искания интеллигенции.

Следует отметить и безусловное внимание читателей библиотеки Кружка к новинкам как в русской, так и западноевропейской литературе, к новейшим изданиям, к новым переводам.

Наряду с подлинно художественными произведениями среди наиболее востребованных книг «мелькают» и книги-однодневки, модные романы, развлекательная литература.

Книги 19-ти особо востребованных читателями авторов составили менее 1/3 всей беллетристики и немногим более 1/4 всех выданных библиотекой в 1911/12 г. Они представляли собой как бы вершину огромного айсберга и лишь отчасти давали возможность судить о читательском спросе. Все они выданы из одного, вероятно, основного раздела библиотеки Кружка – раздела изящной словесности, куда кроме т.н. беллетристики, входили полные собрания сочинений и памятники народной словесности. Подавляющее количество всех выданных книг составляли издания из других разделов: литературной критики и истории литературы, театра и изобразительного искусства,

Члены Кружка. 1913 год

всеобщей и русской истории, социологии и философии истории, права и общественных вопросов, философии, психологии и истории религии, естествознания и медицины, географии и этнографии. В особые разделы входили сборники и альманахи, периодические издания, словари и справочная литература. Книги на иностранных языках, в свою очередь, имели разделы: по изящной словесности, по философии и искусству, по науке. Они также пользовались спросом, т.к. на французском, а также немецком, английском и итальянском языках читали 144 из 391 пользователя библиотеки. Следовательно, $\frac{3}{4}$ всех выдач представляли собой издания не массового, а единичного спроса, связанного с индивидуальными, чрезвычайно разнообразными познавательными, творческими, научными и прочими потребностями читателей.

На формирование читательского спроса известное влияние оказывала атмосфера жизни Кружка, общение между собой его членов и их гостей. Вечера и концерты, посвящённые извечным деятелям русской и западноевропейской культуры, новым течениям в ней, литературные «вторники» с докладами и диспутами на литературные, исторические, философские темы, т.е. вся литературно-художественная деятельность Кружка отражала интересы и запросы членов Кружка и не могла не влиять на круг их чтения.

В заключение короткая справка о судьбе библиотеки Московского литературно-художественного кружка.

После прекращения деятельности Кружка, в начале 1919 года была национализирована его богатейшая художественная коллекция. В разные годы и разными путями отдельные произведения из неё попали в крупнейшие музеи Москвы и других городов. Подобная участь ожидала и библиотеку. В.Я. Брюсов пытался сохранить целостность библиотеки, которой он чрезвычайно дорожил и гордился. Возглавляя Московское отделение библиотечного отдела Наркомпроса, летом 1919 г. он добился включения её в число научных библиотек, остававшихся в распоряжении частных обществ и частных лиц, и предоставления ей т.н. охранной грамоты.⁹ Ожесточённый спор разгорелся за библиотеку Кружка и переход её в ведение Литературного отдела (ЛИТО) Наркомпроса, куда В.Я. Брюсов перешёл в 1920 г. Против яростно выступил В.Ф. Ходасевич, также представлявший ценность библиотеки Кружка. Он считал правомерной передачу её Московскому союзу

писателей, членом Правления которого являлся.¹⁰ После перехода В.Я. Брюсова в основанный им Высший литературно-художественный институт (1922 г.), а затем болезни и смерти, судьба библиотеки осталась нерешённой. Никаких сведений о ней найти не удалось. По-видимому, как единое целое, она перестала существовать. Отдельные издания со штампами библиотеки Московского литературно-художественного кружка имеются в библиотеке Государственного литературного музея. Какая-то часть книг библиотеки Кружка оказалась в Российской государственной библиотеке, возможно, и в других книгохранилищах.

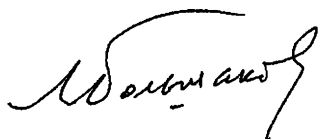
Примечания

1. Розенталь Е.И. Московский литературно-художественный кружок. (1898–1918) Исторический очерк. М.2008.
2. Московский литературно-художественный кружок. Каталог библиотеки. М. 1912–1914. тт.1-2. Предисловие, с.2
3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.1957. с.184,185
4. Вересаев В.В. Сочинения. М.1961. т.4, с.353
5. Отчёт Дирекции Московского литературно-художественного кружка за 1911/12 г. М.1912 ,с.32-33
6. Там же, с.32
7. Отчёт Дирекции Московского литературно-художественного кружка за 1914/15 г. М.1915, с.23
8. Отчёт Дирекции Московского литературно-художественного кружка за 1911/12г. ,с.32
9. ГАРФ, ф.2306, оп.30, д.52, л.23, д.53, л.106
10. Ходасевич В.Ф. Некрополь, Воспоминания, М.: 1996, с.48

Татьяна Большакова

**ПИСАТЕЛЬ В ЗЕРКАЛЕ БИБЛИОТЕКИ.
ПОИСКИ И ОБРЕТЕНИЯ ЛЕОНИДА БОЛЬШАКОВА**

«Искать – это прекрасно!»

Handwritten signature of Leonid Bolshakov in black ink, written in a cursive style.

«Большаков Леонид Наумович (1.01.1924, Сновск (совр. Щорс) Черниговской обл.) – писатель, литературовед, кандидат филологических наук (1969), профессор (1980), академик Международной Академии гуманизации образования (1995) и член-корреспондент Российской академии естественных наук (1997), Заслуженный работник культуры Украины (1992), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1994), лауреат государственных премий Украины им. П. Тычины «Чувство семьи единой» (1982) и им. Т.Г. Шевченко (1994), Почётный гражданин Оренбурга (1993).

С 1941 г. живёт и работает в Оренбуржье. В течение 30 лет занимался журналистикой, выпустил более двадцати книг о современниках, создавал и возглавлял областную студию телевидения. Основные произведения посвящены Т.Г. Шевченко, Л.Н. Толстому, Г.С. Винскому, декабристам. Основатель шевченковских музеев в Орске и Оренбурге, праздника «Шевченковский март» (1977), Оренбургского института Тараса

Фотопортрет Л.Н. Большакова работы оренбургского журналиста В. Верстукова

Шевченко (1993). Автор-составитель региональных энциклопедий – Оренбургской Шевченковской, Оренбургской Толстовской, Оренбургской Пушкинской (1997), Оренбургской биографической энциклопедии (2000)».

Эта лаконичная справка на обложке последней книги Л.Н. Большакова позволяет судить о масштабе и высокой оценке сделанного. Библиографический указатель трудов исследователя, вышедший уже после смерти писателя и учёного (скончался 9.08.2004 г. в Оренбурге – Т.Б.) бесстрашно подсчитывает: отдельными изданиями вышли 68 книг на русском, украинском, польском, армянском, чувашском, казахском, румын-

ском, греческом, словакском, языках пушту и дари¹.

«Это живой памятник Леониду Наумовичу, его многолетней, неутомимой, плодотворной деятельности, ... даёт Л.Н. Большакова в многозвучии, в многогранности его таланта. Это поистине целый мир, в котором представлены ценности нашей культуры»,

– отозвалась на выход библиографического издания московский учёный-литературовед Е.К. Дейч.²

Таким же живым памятником Леониду Наумовичу стала Библиотека Большакова (книжное собрание, которое учёный в конце жизни подарил родному для него Оренбургскому государственному университету – Т.Б.).

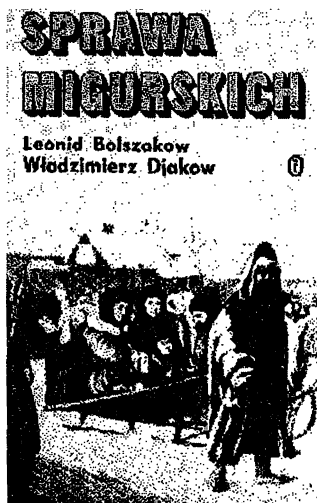
Сегодня более двух тысяч книг, собранных вместе, представляют мемориальный кабинет исследователя и с абсолютной достоверностью рассказывают о многообразии его интересов, отношении к работе, кругу друзей...

«Библиофилом себя не считаю, но без книги жить не могу. Ни жить, ни работать»³, – с этой фразы двадцать лет тому назад начал свой очерк в альманахе «Уральский библиофил» Леонид Наумович Большаков.

Нет, библиофилом он был. Его книжное собрание – лучшее тому подтверждение: стоят на книжных полках издания редчайшие – «Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год», «Известия Оренбург-

*Библиотека Л.Н. Большакова
в отделе редких и ценных
книг в Оренбургском
государственном
университете*

*Повесть «Дело Мизгурских»
на польском языке*

ского Отдела императорского Русского Географического Общества» 1912 года, «Труды оренбургской учёной архивной комиссии», изданные в 1917 году. Есть в книжном собрании Большакова прижизненное издание сочинений графа Л.Н. Толстого «Что такое искусство?» 1898 года, отпечатанное в московской типографии Ивана Кушнерёва; «Кобзарь» Т.Г. Шевченко 1900 г. в переводах русских писателей И. Белоусова, А. Плещеева, Н. Курочкина и других; труды,

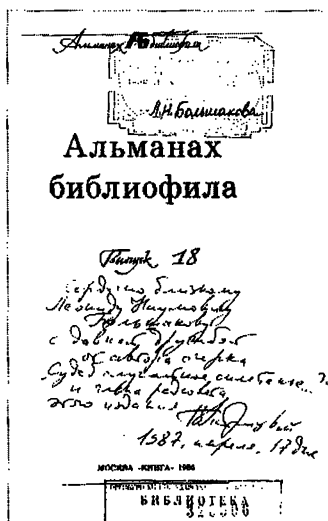
авторами которых являются крупнейшие учёные – Б. Мейлах, М. Нечкина, В. Дьяков; такие фундаментальные академические издания, как «Временник Пушкинской комиссии» за несколько лет, многотомная библиография литературы о Л.Н. Толстом, «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого, указатели личных архивных фондов в архивохранилищах СССР; собрания сочинений классиков отечественной литературы Ф. Достоевского, А. Чехова, А. Герцена, Н. Лескова и др., полная коллекция выпусков: «Альманах библиофила», «Яснополянский сборник», «Прометей», много литературоведческих изданий о судьбах книг, истории русского театра...

Восторг библиофила звучит и на страницах его книг! «Кому из книголюбов не ведом трепет души, когда

тебя всего, целиком, властно захватывает ничем, на первый взгляд, не примечательный старинный том или томик – и пристраиваешься к лесенке, на подоконнике, где попало, рассматриваешь переплёт, ласкаешь листы, а глаза жадно бегут по строчкам и мысли обгоняют одна другую?» – приведенные строки родились, когда Л.Н. Большаков обнаружил в отделе редких книг оренбургской областной библиотеки рукопись с длинным названием – «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 года и соприкосновенных оным обстоятельств». На её страницах описывались эпизоды борьбы греческого народа за свою свободу, причём не возникало сомнения в том, что автор был знаком с этими событиями не понаслышке, и, скорее всего, был их участником. Но фамилии автора на обложке рукописи не было, и исследователь взялся его «вычислить».

Множество трудов по истории освободительного движения Греции и России, вставшие на полки его библиотеки, свидетельствуют о буквально титаническом труде, проделанном учёным, прежде чем, он уверенно сказал: «Автор – П.И. Пестель». Результаты скрупулёзных поисков легли в основу исследовательской повести Л.Н. Большакова «Отыскал я книгу славную», которая вышла в Челябинске⁴. Книга стала настоящим открытием, вызвала множество споров⁵. Кроме того, Л.Н. Большакову удалось выяснить также и историю появления рукописной книги в Оренбурге.

Сегодня в Библиотеке Большакова хранится несколько любопытных изданий, связанных с этим книжным открытием. Можно увидеть «Отыскал я книгу

Автограф В. А. Петрицкого
– санкт-петербургского про-
фессора, редактора журнала
«Невский библиофил»

славную» на греческом языке с дарственной надписью: «На память автору кники тов. Леониду Болсакову от греков. 25. I. 73 г.» (сохранён текст оригинала –Т.Б.). Об истории этого издания рассказал читателям сам автор⁶. Стоят на книжных полках поэтические сборники, подаренные Леониду Наумовичу греческими коммунистами: томик стихов «Голос оливы», на котором надпись: «Другу и товарищу Леониду Наумовичу Большакову – знатоку и другу Греции с глубоким уважением и дружбой. Петрос Антеос. М., 15.01.72», и книга ещё

одного греческого патриота Костаса Сарафидиса с лаконичной авторской надписью: «Леониду Наумовичу, с уважением»⁷.

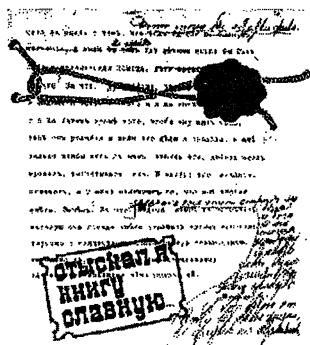
Счастливая находка, ставшая серьёзным открытием, надолго «повернула» автора к декабристской теме, о чём также свидетельствуют книги на книжных полках. Мемуары декабристов, труды М.В. Нечкиной, В.А. Дьякова, сборники материалов научных конференций, посвящённых жизни ссыльных декабристов в Сибири, – всё говорит о фундаментальном изучении проблемы. Продолжая заниматься декабристской темой, Л.Н. Большаков начал скрупулёзно изучать тесные связи участников декабристского движения с Уралом,

нашёл неизвестные материалы, проливающие свет на деятельность Оренбургского тайного общества и судьбы многих его участников.

Работа заняла несколько лет, и в канун 150-летия восстания декабристов Южно-Уральское книжное издательство выпустило триптих «Отечеству драгие имена» – «О гордой и горестной судьбе оренбургских декабристов»⁸. Сувенирное издание – три малоформатных томика в картонном футляре, почти сразу стало библиографической редкостью, так как практически весь тираж был отправлен делегатам очередного партсъезда.

Второй томик триптиха составила редчайшая находка: оренбургский исследователь впервые по автографу опубликовал рукопись одного из руководителей Оренбургского тайного общества В.П. Колесникова «Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату». И опять после публикации рукописи следует глава «Этюды о судьбе этой книги, её героях, авторах, читателях», в которой Л.Н. Большаков подробно рассказывает о декабристе Штейнгеле, благодаря которому «Записки Несчастливого...» стали произведением литературным, так как именно Владимир Иванович сделал литературную обработку рукописи, подготовил её к встрече с читателем, состоявшейся лишь спустя полтора столетия.

...Малоформатный томик в потёртом чёрном переплёте «Мысли мудрых людей на каждый день. Собр. гр. Л.Н. Толстым». Книга вышла в издательстве «Посредник» в 1903 году. На титульном листе книги – штамп-треугольник: «СПБ. Тюрьма. Проверено» и чернильная

Обложка первого издания книги «Отыскал я книгу славную»

строчка: «Из книг Н. Фельтена».

В далёкие 60-е гг. XX в. эта книга дала толчок к первому литературоведческому поиску, познакомившему читателей с судьбой Николая Евгеньевича Фельтена, которого Л.Н. Толстой называл своим другом⁹.

... 90-томное собрание сочинений Л.Н. Толстого. В 60-70-е гг. тома этого издания, в которых собрано эпистолярное наследие писателя, определили героев многих литературоведческих работ Л.Н. Большакова. Причём, отправляясь на поиск того или иного корреспондента Толстого, исследователь знал лишь его имя, а порой даже только первую его букву. Результатом же кропотливых поисков стали рассказы о многих интереснейших судьбах: Шильцова, Почуева, Чемоданова, Никитина¹⁰.

Эти поиски привели Леонида Наумовича в Государственный музей Л. Толстого и в его святая святых – «стальную комнату», в которой сосредоточены все рукописи великого писателя, а также письма, приходившие к нему. Тогда же состоялось знакомство начинающего исследователя с научными сотрудниками музея – бывшим секретарём Л.Н. Толстого, выдающимся знатоком литературного наследия великого писателя, автором многотомной научной биографии и летописи жизни и деятельности Л.Н. Толстого Нико-

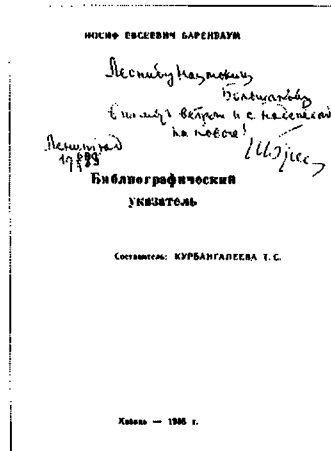
лаем Николаевичем Гусевым; учёным-филологом, заведующей Архивным отделом музея, (той самой «стальной комнатой») Екатериной Сергеевной Серебровской. Переписка с ними¹¹ позволяет проникнуть в лабораторию научного поиска, в полной мере ощутить, какой труд стоит за каждым, введенным в научный оборот фактом или именем.

До конца своей жизни Л.Н. Большаков с благодарностью вспоминал эту деятельную помощь и слова благодарности, адресованные Н.Н. Гусеву и Е.С. Серебровской, можно прочитать на страницах «толстовских» книг Леонида Наумовича.

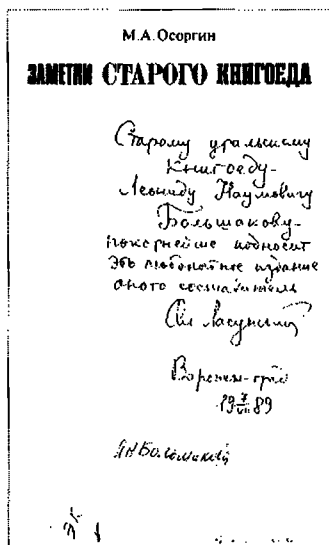
Возможно, именно благодаря этой благожелательной поддержке литературоведческие разыскания молодого исследователя не оказались замкнутыми областью литературного краеведения, а стали достоянием отечественного толстоведения, и ссылки на них можно найти в фундаментальных научных изданиях¹².

Толстовские исследования «познакомили» Л.Н. Большакова еще с одним замечательным учёным – И.Л. Андрониковым. Начинаящий исследователь отправил на его суд свой очерк о судьбе Афанасии Скутиной.

Эта женщина в 1906 году написала Л.Н. Толстому

*Автограф известного
русского книговеда,
академика И.Е. Баренбаума*

Автограф О.Г. Ласунского
— воронежского книговеда
и библиофила

письмо со стихами собственно-го сочинения, которое, судя по опубликованному ответному письму, Льва Толстого чем-то задело. Во всяком случае он не просто даёт отрицательный отзыв на присланные ею стихи («Всё это давно сказано и пересказано, и более искусно»), но и советует: «не презирать людей, окружающих вас, а постараться найти в них хорошее», «не выводить сына из крестьянской среды» и др. Вместе с письмом писатель отправил крестьянке несколько книг.

Л.Н. Большакова заинтересовала судьба Скутиной, и в результате настойчивого поиска перед ним, а затем и перед читателями развернулась жизнь яркой талантливой самобытной женщины, которая, как будто всей своей жизнью, спорит с Львом Толстым. Она много училась, после Октябрьской революции стала агитатором, побывала в белогвардейских застенках, была активной участницей строительства новой жизни на селе, уже шестидесятилетней организовала овощеводческую бригаду... И ещё Афанасия Скутина продолжала писать стихи и даже пьесы¹³.

Получив рукопись очерка, И. Андроников откликнулся многостраничным письмом, в котором были такие строки: «Вот так и надобно писать об исторических

Дорогому
 Леониду Наумовичу
 Большакову
 с дружбой и пожеланием
 дальнейших больших
 успехов в избранном
 вами жанре научного
 поиска или «благородного
 детектива»:
 4 IX. 1962
 Переделкино - Ираклий Андроников

Надпись на книге И.А. Андроникова «Я хочу рассказать вам...»

и литературных разгадках, – чтобы интересно было и специалисту, и человеку, равнодушному к историям и биографиям».

Через несколько лет в очерке «О новом жанре» маститый учёный, приводя в пример эту работу, называет Л. Большакова в ряду мастеров жанра научного поиска¹⁴. Позже автор очерка подарил молодому коллеге свою книгу, сопроводив ее дарственной надписью: «Дорогому Леониду Наумовичу Большакову с дружбой и пожеланием больших успехов в избранном нами жанре научного поиска или «благородного детектива» 4.IX.1962 Переделкино. Ираклий Андроников».

На полках книжного собрания Большакова стоят

произведения, написанные в жанре «благородного детектива», – работы Н. Эйдельмана, М. Бессараб, Ю. Курочкина. Многие из них – с дарственными надписями. Так, на книге «По следам Овода», о которой также писал И. Андроников в своём очерке, её автор написала: «Многоуважаемому Леониду Наумовичу с искренней симпатией и пожеланием успехов. Е. Таратута. Москва, 1971».

Верность избранному жанру Л.Н. Большаков сохранял до конца жизни, и слово «поиск» всегда оставалось для него ключевым, главным, определяющим.

«Искать – это прекрасно!» – закончил писатель одну из первых литературоведческих книг «По следам оренбургской зимы», и те же мысли находим в книгах последующих: «... Каждый поиск сам по себе становится если не главой, то страницей твоей собственной жизни». «Различны люди, годы, события, о которых я взялся рассказать... Но для меня, автора, всё это единое (выделено автором – Т.Б.), потому что в основе всего – поиск».

«Поисками нового, разведкой неизвестного живу... Мой бесконечный поиск – в истории давней и недавней, в судьбах личностей, великих и значительных (не значительные мне не встречались), в литературах разных времён и народов: от Льва Толстого до Ваана Терьяна, от Павла Пестеля до Тараса Шевченко и Мусы Джалиля.

Искать значит преодолевать, бороться, драться. Задумываться, ставить задачу, идти к её решению. Находить, проверять, перепроверять. Упирается в стену и возвращаться назад, чтобы тут же разыскать

тропу другую и выходить на путь повернее – без тупика в конце», – приведенные строки – из очерка-эссе «Я – однолюб», который «открывает» том избранных произведений Л. Большакова «Повести о поисках и обретениях» .

Описание напряжённых и радостных поисков находим на многих страницах произведений Л. Большакова:

«...Есть! Указатель к архиву Тургеневых, как отменно работающее справочное бюро, выдаёт лаконичный и предельно чёткий «адрес» Винского: фонд 309, дело № 1151. Ещё не веря в удачу, беру вскоре в руки книгу большого формата, в картонном Переплёте с кожаным корешком. «Рассказ малороссийского дворянина Григория Степановича Винского. Подарен Николаю Ивановичу Тургеневу 1858 года мая 29/17 Париж». Так начинается повествование ещё об одном книжном открытии, которое удалось сделать Л.Н.Большакову. Тогда в архиве Пушкинского Дома исследователь нашел рукопись главного труда видного общественного деятеля XVIII–начала XIX века Григория Степановича Винского «Моё время».

Собственно, открытием стали не только мемуары, а затем и переводческие работы, но даже само имя их автора. Из скупых строк в немногих справочниках

*Первая полная публикация
знаменитых записок
Г.С. Винского «Моя жизнь»*

следовало, что уроженец Украины (сегодня это Брянская обл. России - Т.Б.) Григорий Винский был сослан в Оренбургский край, является автором мемуаров «Моё время». Библиографические источники к статьям датировались 1877 годом.

Л.Н. Большакову удалось вернуть имя Винского из небытия, рассказать о жизни этого человека, «полной потерь и обретений, ошибок и решений, горя и борьбы...»¹⁵. Кроме того, учёный сумел найти два экземпляра полного текста мемуаров Винского «Моё время»¹⁶, его переводы работ К. Массона, посвящённые событиям российской истории¹⁷, и осуществить первую их публикацию. «Теперь специалистам по эпохе Екатерины II трудно будет обойтись без записок одного из её критиков и ненавистников...разжалованного российского офицера и русского писателя Григория Винского»¹⁸. Добавим: только очень жаль, что и «Моё время» и Переводы из Карла Массона изначально являются библиографической редкостью, так как вышли тиражом в сто (!) экземпляров.

И все же главной темой писателя являлась шевченковская, ею Леонид Наумович занимался более 60 лет. Материалы не только оренбургского, но и многих других архивов страны позволили ввести в научный оборот новые факты, связанные с пребыванием Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае, рассказать о людях, с которыми встречался ссыльный поэт, исследовать творческую историю многих его произведений.

Шевченкиана Л. Большакова – это более 20 книг, вышедших на русском, украинском, польском, румынском, армянском, даже на языках пушту и дари.

Без преувеличения можно сказать, что Л. Большаков являлся главным «добытчиком» сведений о жизни Шевченко в ссылке, и, благодаря его исследовательской деятельности, Урал стал одним из крупных центров шевченковедения, которое сегодня невозможно представить без трудов Леонида Наумовича. Неслучайно, в последние годы на Украине защищено несколько кандидатских диссертаций, исследующих творчество российского шевченковеда.

Первая книга Л.Н. Большакова о Кобзаре «По следам оренбургской зимы» вышла в 1968 г. Уже в ней автор показал себя настоящим следопытом, исследователем ранее не известных сторон жизни украинского поэта, в частности, дал характеристики людям, окружавшим Тараса Шевченко в период ссылки. После выхода книги само словосочетание «оренбургская зима» прочно вошло в научный оборот, стало термином.

Это исследование легло в основу кандидатской диссертации Л.Н. Большакова на тему: «Изучение окружения и связей Т. Шевченко как источник исследования его творчества периода ссылки (1847–1857 гг.)».

В домашнем архиве исследователя сохранилось письмо П.Н. Беркова. Учёный с мировым авторитетом, член-корреспондент АН СССР и Немецкой академии наук, известный своими трудами по русской литературе и её связям с зарубежными и национальными литературами, знаменитый библиофил Павел Наумович Берков пишет: «Глубокоуважаемый Леонид Наумович! Благодарю Вас за письмо и присланные материалы. Я только 7 февраля вернулся в Ленинград из санатория и завален нахлынувшей работой, поэтому мог прочесть

*Экслибрис художника
Н.С. Неймеша для книжного
собрания Л.Н. Большакова*

только Ваш автореферат, отзыв о котором прилагаю.

Желаю Вам всего доброго. Уважающий Вас П. Берков. Ленинград, 10.02.69».

Думаю, такое письмо – убедительное подтверждение значимости уже первых работ Л.Н. Большакова в области шевченковедения.

Затем в украинских издательствах появились книги Л.Н. Большакова «Годы невольничьи» и «Ехал поэт из ссылки».

В первой из названных работ был опубликован словарь окружения Т.Г. Шевченко, включивший в себя более 900 биографических справок о людях, встреченных поэтом в трудные годы ссылки и одиночества. Среди них – казахи, русские, поляки, туркмены, украинцы; политические ссыльные, учёные, солдаты, офицеры. Каждая фамилия, каждый инициал или псевдоним были раскрыты, благодаря чему читатель мог ясно представить картину социального окружения Т.Г. Шевченко в 1847–1857 годы. Новая книга была также замечена, получила высокую оценку учёных. Опять сошлюсь на домашний архив писателя и процитирую письмо доктора филологических наук, писателя-литературоведа, автора книг по истории зарубежных и национальных литератур, талантливого переводчика Александра Иосифовича Дейча: «Глубокоуважаемый

Леонид Наумович! Сердечно благодарю Вас за книгу «Літа невольничі», с которой рад буду ознакомиться в ближайшее время. Я узнал о выходе книги по «Книжному обозрению» (за 6 августа 1971) и хотел уже выписать книгу из Киева, так что она пришла кстати, украсив мою шевченкиану.

Ваше имя мне известно давно, с тем большим интересом отнесусь я к присланной Вами книге... Дружески Ваш А. Дейч. 25 августа 1971».

Книга «поисков, раздумий, исследований» «Ехал поэт из ссылки...» явилась первой в шевченковедении попыткой проследить путь возвращения Тараса Григорьевича из закаспийской ссылки – от Новопетровского укрепления к Астрахани, Нижнему Новгороду, Москве. Автор задался целью, как можно полнее и глубже показать роль, которую сыграли знаменательные месяцы 1857–1858 годов в жизни поэта, и читатель как бы разделяет горести и радости, надежды и разочарования, пережитые поэтом в дороге. В этой книге, кроме ряда «тетрадей» («Астраханской», «Волжских», «Тетради воспоминаний» и др.) также помещён «Словарь окружения и связей Тараса Шевченко периода возвращения его из ссылки». Этот словарь, как и ранее опубликованный, – кладёзь сведений, хотя содержит не так много персоналий (всего 187). Каждая справка – маленький очерк о том или ином спутнике поэта во время его путешествия – в то же время прибавляет какую-нибудь новую деталь к образу поэта.

О новизне и значимости разысканий оренбургского учёного свидетельствует и то, что двухтомный академический Шевченковский энциклопедический

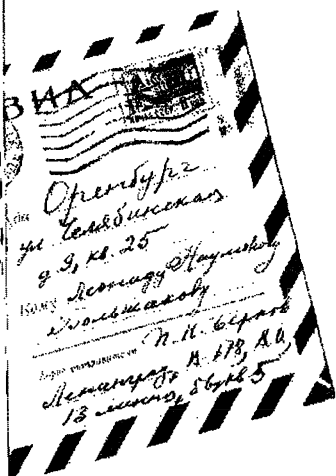
Ленинград,
10.2.69

Генерал-майору
Леониду Науменко!

Благодарю Вас. Я только и
присылал материалы. Я поспе-
хо 7 февраля вернулся в Ленин-
град из санатория и забвем
наследующей работы, поэтому
мою просят только Ваши ин-
тереснейшие, а также о кам-
раде прилагаете.

Желаю Вам всего доброго.
С уважением
Михаил К.

Отговора не заверять — ст.
Шаболовский жасей мой
когда-то

Письмо В.П. Беркова Л.Н. Большакову, 10.02.1969 г.

словарь, вышедший в Киеве в 1976 г., включает 168 статей Л.Н. Большакова.

Самое крупное произведение Л.Н. Большакова об украинском Кобзаре – трилогия «Быль о Тарасе»¹⁹. Произведение посвящено трём годам его ссылки – 1847–1850. В I томе – рассказывается о начале нелёгкой судьбы – каземате в Санкт-Петербурге, беспощадном приговоре, многотрудной дороге к месту службы, о днях, проведенных в Оренбурге, и годе в Орской крепости, во II-м – о жизни Тараса Шевченко на Аральском море, в III-м – «об оренбургской зиме»...

В 1994 г. трилогия была удостоена Государственной

премии Академии Наук Украины им. Т.Г. Шевченко. Высшая премия как бы подвела итог многолетней неутомимой работе Леонида Большакова. Но за последующее десятилетие вышли и пришли к читателям фундаментальная Оренбургская Шевченковская энциклопедия²⁰ и книга поисков «Там за Уралом, за Елеком».²¹

Оренбургская Шевченковская энциклопедия – издание уникальное. Л.Н. Большаков считал, что более полное воссоздание личностной, социальной, географической, исторической, политической, общественной среды, окружавшей Т. Шевченко в период ссылки в Оренбургском крае, «позволяет глубже вникнуть не только в жизнь выдающейся личности на определённом, безусловно, важнейшем этапе её деятельности, но и в историю, духовную жизнь края, с которым пересеклась судьба незаурядного человека». Поэтому ни одно имя, инициалы, географическое название, упомянутое на страницах произведений Т. Шевченко, в его дневнике или письмах, не выпали из поля зрения исследователя, не остались без пояснения.

Кроме произведений самого шевченковеда, на полках его книжного собрания – несколько томов готовящейся в Украине Шевченковской энциклопедии, в которой обязательно будет и статья о Леониде Наумовиче Большакове. (Гранки её я читала уже после смерти учёного – Т.Б.); тома произведений Т.Г. Шевченко, альбомы с его художественными работами, материалы Всесоюзных Шевченковских конференций, одна из которых проходила в 1977 году в Оренбурге.

Шевченковедческие разыскания снискали Л.Н. Боль-

шакову огромное уважение крупнейших российских и украинских шевченковедов, многих благодарных почитателей творчества Кобзаря. Их научные труды, художественные произведения, сборники стихов с дарственными надписями на украинском и русском языках занимают несколько книжных полок библиотечного собрания.

«Дорогому Леониду Наумовичу Большакову – нашему ведущему шевченковеду и доброму человеку – на память о двух ушедших авторах этой книги. Дружески», – такую надпись сделала на книге А. Белецкого и А. Дейча «Тарас Шевченко» московский учёный-литературовед Е.К. Дейч.

Словами уважения сопровождает своё исследование о Т. Шевченко известный шевченковед, петербуржец П.П. Жур, дарственные надписи читаем на книгах украинского академика Е.С. Шаблювского, более десятка автографов принадлежат перу П.П. Рогача.²² «С чувством признательности за помощь и понимание», «... объективному критику и помощнику», «... в знак огромной дружбы, длящейся не одно десятилетие», – пишет он на своих книгах.

О том, что в Украине хорошо известно имя Леонида Наумовича, свидетельствуют книги с автографами поэта, драматурга, автора многочисленных украинских песен Богдана Стельмаха; известного шевченковеда Юрия Ивакина; публициста Ивана Дзюбы и др.

Искренней симпатией проникнуты дарительные надписи, сделанные известным украинским поэтом Леонидом Николаевичем Вышеславским²³. На первом томе его избранных произведений читаем: «Леониду

Наумовичу Большакову – летописцу подвижничества великого Кобзаря, писателю, показавшему нам шевченковские дороги «в степи бескрайной за Уралом», учёному, прошедшему по следу Тарасовому вплоть до Аральского моря – с глубокой признательностью за его творческую деятельность, на добро и добрую память. Леонид Вышеславский. 9 мая 1984г., Киев». На втором томе того же избранного – надпись в стихах: «Косой столетья скошен Кос-Арал./А голос правды там же свеж и нов/– Он долговечней рек и островов».

В домашнем архиве Леонида Наумовича сохранилась поздравительная телеграмма, которую прислал Вышеславский к его шестидесятилетию:

*«С крутых днепровских берегов
Приветствую без лишних слов
Того, кто прошлое хранит
И нам о вечном говорит.
Кто много лет стоит не зря
На гауптвахте Кобзаря».*

Авторы многих подаренных книг были участниками ежегодных праздников «Шевченковский март», который проходил в Оренбуржье с 1977 г. Более четверти века Леонид Наумович был главным организатором придуманного им самим праздника, и по его приглашению в Оренбург приезжали украинские деятели искусства, учёные, поэты. Так появились на «шевченковских» полках сборники стихов Светланы Йовенко и Анны Чубач, литературоведческие труды профессора Луганского государственного педагогического уни-

верситета им. Тараса Шевченко Александра Галича, искусствоведческие работы Владимира Яцюка... О многих украинских участниках «Шевченковского марта» Л.Н. Большаков рассказал позднее в части третьей Оренбургской Шевченковской энциклопедии.

Не потерялись среди шевченковедческих работ и скромные издания с грифом «Институт Тараса Шевченко». Это уникальное научно-исследовательское учреждение в 1993 г. создал Л.Н. Большаков. В 1995-м НИИ вошёл в структуру Оренбургского государственного университета. За десять лет работы в Институте Тараса Шевченко были изданы шевченковедческие работы краеведа В. Дорофеева «Оренбург Шевченковский», исследовательские очерки краснодарца А. Банникова «Шевченко и Сапожниковы» и москвича С. Сапожникова «Шевченко, Бларамберги и Мавромихали», подготовлено два выпуска интернет-журнала «Оренбург–Шевченко–RU».

Глядя на корешки книг, стоящих сегодня на книжных полках Библиотеки Большакова, я вспоминаю пачки писем от их авторов, которые хранились в домашнем архиве исследователя, а сейчас находятся в личном архивном фонде Леонида Наумовича²⁴.

Многолетняя переписка связывала его с авторами фундаментальных исторических трудов по истории национально-освободительного движения России и пугачёвского восстания, известными учёными-историками В.А. Дьяковым и Р.В. Овчинниковым. Владимир Анатольевич Дьяков был соавтором вышедшей в Варшаве документальной повести Л. Большакова «Дело Мигурских». Судьба польского ссыльного Винцентия

Мигурского и его жены Альбины стала широко известна читателям, благодаря рассказу Л.Н. Толстого «За что?», однако Л.Н. Большаков обнаружил в оренбургском архиве реальное дело, позволившее в мельчайших подробностях рассказать о всех перипетиях этой трагической и в то же время романтической истории.

Р.В. Овчинников стал одним из авторов-составителей Оренбургской Пушкинской энциклопедии²⁵, в которой описаны все реалии (имена, населённые пункты и др.), нашедшие отражение в произведениях А.С. Пушкина «История Пугачёвского бунта» и «Капитанская дочка».

Неслучайно книги астраханского учёного-филолога Н.С. Травушкина и его земляка, писателя-краеведа А.С. Маркова, академика из Казахстана Нурмагамбетова, профессора из Ташкента Г.Н. Чаброва, крупного учёного-архивиста и искусствоведа И.Ф. Петровской, иркутского писателя-краеведа М. Секрета и многие другие издания содержат дарственные надписи, свидетельствующие не только о знакомстве, но и о дружеском расположении к адресату.

Изданий с автографами в книжном собрании Л. Большакова более двухсот, что само по себе, безусловно, свидетельствует о широчайшем круге знакомств учёного, многообразии его интересов, уважении, которым он пользовался у самых разных людей. Адреса на этих книгах рассказывают и о географической обширности литературных связей Л. Большакова: Иркутск, Пермь, Челябинск, Ташкент, Фрунзе, Алма-Ата, Уральск, Уфа, Казань, многие города Украины..., и об интереснейшем мире человеческих взаимоотношений.

Дарственные надписи на подаренных книгах красноречиво свидетельствуют и о дружеских отношениях, которые связывали Леонида Наумовича со многими известными библиофилами.

«Леониду Наумовичу Большакову в память встречи и надеждой на новые! Ленинград. 6.02. 1989 г.», (надпись на библиографическом указателе своих трудов сделана корифеем отечественного книговедения. И.Е. Баренбаумом).

В книжном собрании Л.Н. Большакова целая коллекция книг известного воронежского писателя-библиофила Олега Ласунского. Первая сделана ещё в 1968-м, последняя – в 2001 г. По ним можно судить о развитии взаимоотношений между автором и адресатом: «Л.Н. Большакову презентует сию книжицу её редактор Ол. Ласунский. г. Воронеж, 22.08.68»; «Леониду Наумовичу Большакову с превеликим почтением» (1971); «Дорогому Леониду Наумовичу Большакову – скромный воронежский вклад в его замечательную библиотеку. Дружески Ол. Ласунский»; «Литературному кладоискателю земли Уральской» (1980); «Со-бирюковцу, уралофилу, украйноведу, книголюбу и книгоделу – дорогому Леониду Наумовичу Большакову – с неподкупным дружеским чувством» (1988); «Старому уральскому книгоеду Леониду Наумовичу Большакову – покорнейше подносит это любопытное издание оного составитель Ол. Ласунский. Воронежград, 07.07.89»; «Старому литературному пешеходу – милейшему Леониду Наумовичу Большакову – от его воронежских братьев Ол. Ласунского, А. Акиншина» ((1995); «Человеку, проторившему уральский

большак в российской местнографии! С нежностью Ол.Ласунский» (1998); «Старому другу Леониду Наумовичу Большакову с самыми тёплыми чувствами! Ол. Ласунский. Воронеж.20.11.01.». Последняя надпись сделана на редком издании («отпечатано тридцать три нумерованных экземпляра», сообщается в книге «Закон парности»). Олег Григорьевич прислал Леониду Наумовичу экземпляр № 12.

О развитии взаимоотношений между дарителем и адресатом рассказывают и надписи на книгах, сделанные известным культурологом и библиофилом, собирателем рукописей Велимиром Петрицким:

«Дорогому другу Леониду Наумовичу в знак непреходящей любви и всё возрастающего(!) уважения от редактора и одного из авторов. 22.12.82, Ленинград»; «Сердечно близкому Леониду Наумовичу с добрыми пожеланиями в канун дня рождения его и предновогодья, преподносит любящий, строгий редактор и автор послесловия. 22 декабря 1982 г.»; «Давним и добрым друзьям Ирине Михайловне и Леониду Наумовичу Большаковым на светлую память о Человеке и Друге Ирине Григорьевне (покойная жена В. Петрицкого –Т.Б.), от составителя В. Петрицкого. 07.02.97»; « В память о светлом прошлом и надеждой на светлое будущее» (1998); «Дорогому больше чем Другу, духовному сородственнику, Леониду Наумовичу Большакову в день его славного 75-летия с пожеланием от всей души доброго здоровья, радостей в семье и в творчестве! Крепко обнимаю! Твой В. Петрицкий. 1 января 1999»; « ... В восторге от Вашего внука Серёжи (С.В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор

ОГПУ - Т.Б.) – да множатся очаровательные потомки Большаковых» («Невский библиофил», 2002).

Работа над каждым произведением множила ряды друзей, расширяла круг коллег. Об этом также свидетельствуют автографы.

Вот скромная книжечка – «Дом-музей Н. Островского в Сочи». На титульном листе лаконичная надпись: «Леониду Наумовичу. 3.07.61 г. Е. Островская.» Тогда приехавший отдохнуть журналист городской газеты отыскал в мемориальном музее, директором которого была вдова писателя, неопубликованные письма Н. Островского к оренбуржцам и написал на найденном материале книжку «Тетрадь Николая Островского».

Надпись на «Книге дружбы» народного писателя Чувашии Педера Хузангая трудно назвать автографом – это, по сути, письмо: «Л.Н. Большакову (подчёркнуто Хузангаем - Т.Б.) Дорогой Леонид Наумович! Наконец я имею удовольствие послать Вам эту книжку.

А неудовольствие моё Вы поймёте, сравнив последнюю вещь (очерк «Призвание – это одержимость» – Т.Б.) с вариантом в «В.Л.» (журнал «Вопросы литературы» – Т.Б.). В связи с (два слова неразборчиво – Т.Б.) (уже после вёрстки) пострадал кое-где стиль и ... больше! Всё это теперь видно. Даже мне.

Был бы рад Вашему мнению, буде в письме, буде в печати! (так в оригинале – Т.Б.)...

Завидую Вашей многосторонней деятельности, Вашей энергии, молодости (Л.Н. Большакову было тогда 42 года – Т.Б.). Эльгер (известный чувашский писатель – Т.Б.) мне сказал, что я должен пережить его на 13 лет. А там как знаете...(снова в больнице). А Вы, выходит,

должны пережить меня на 17 лет. А там – Вам будет видно... Желаю самого-самого... Пусть исполнятся Ваши лучшие сокровенные мечты. Так говорят чувашши: (несколько слов на чувашском языке, вероятно, перевод предыдущей фразы – Т.Б.). С праздником Вас и Ваших близких! П. Хузангай. 4.11.66».

Дружба с Хузангаем началась в период работы над изданием в Чувашском издательстве книги Л. Большакова «Живые нити» – о судьбах трёх чувашских корреспондентов Л. Толстого²⁶.

Дважды – в 1986 и 1987 гг. Л.Н. Большаков был в Афганистане. Результатом поездки стала работа «Пойду на Аму и всюду... или Необыкновенное путешествие с Тарасом Шевченко (очерк-репортаж из Кабула)». В 1986 г. книга вышла на языке пушту и дари, и только в 2003 г. – на русском)²⁷. В библиотеке Большакова о поездке писателя в Афганистан напоминают не только его собственная книга, но и томик стихов на языке пушту и дари – подарок афганского поэта Сулеймана Лаека. (К сожалению, мы не смогли перевести текст надписи – Т.Б.).

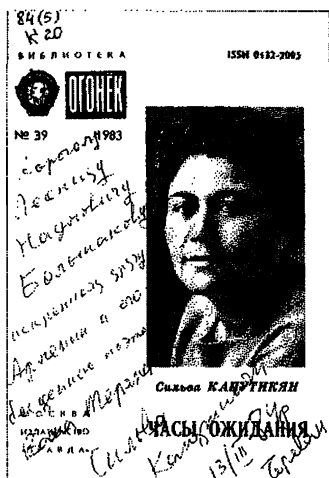
На полке с авторскими произведениями писателя стоит тоненькая книжечка «Сенатор от штата Сорочинск», изданная в популярной многотиражной серии «Библиотека журнала «Огонек»²⁸. В ней рассказывается о депутатской деятельности А. Фадеева, который два созыва представлял Оренбуржье в Верховном Совете СССР. За эту работу Л. Большаков был удостоен серебряной медали и стал лауреатом Всесоюзной литературной премии им. А. Фадеева. В том же году он в составе писательской делегации побывал на родине своего

героя, а ещё через некоторое время в «Политиздате» вышла новая книга об А. Фадееве²⁹. Об этой поездке также напоминает дарственная надпись исследователя творчества А. Фадеева Нины Дикушиной: «Дорогому Леониду Наумовичу – на память о Дальнем Востоке и озере Хасан и с самыми добрыми пожеланиями! 16 мая 1985».

В книжном собрании Л. Большакова много книг об Армении и поэтических сборников на армянском языке. Почти все – с автографами.

Небольшую книжку С.Т. Алиханяна «Ваан Терьян» сопровождает надпись: «Дорогому Большакову Леониду Наумовичу от Териан Нвард. Очень слабая и не всегда верная по фактам книга, но увы... других на русском языке нет. 19.11.66., Ереван». На листах этой книги есть пометы, сделанные рукой Нвард Ваановны: «неправда», «полная ерунда», «этого не было» и т.п. На книжной полке Большакова стоят также «Неизданные письма В. Терьяна» с дарственной надписью дочери поэта: «Большому моему другу, хорошему человеку Леониду Наумовичу Большакову».

Об оренбургском периоде жизни классика армянской литературы В. Терьяна, прошедшего последние дни и похороненного в Оренбурге, Леонид Наумович написал целый ряд работ, опубликованных в периодической печати Армении, Украины, Башкирии, Грузии. Не только в Ереване, но и в столичном «Политиздате» вышли книги об армянском поэте³⁰, а в библиотеке их автора появились исторические и литературоведческие работы армянских учёных – академика Г. Гарибджаняна, доктора филологических наук, известного армянского

Автограф известной поэтессы,
лауреата Ленинской премии
С. Капутикян

литературоведа А. Григоряна; сборники стихов Сильвы Капутикян, произведения Зория Баяна и др.

Все эти книги были подарены Л. Большакову в знак уважения и благодарности не только за то, что рассказал Армении о последних днях её Поэта, но и за то, что, благодаря разысканиям оренбургского исследователя, о Ваане Терьяне узнала вся страна. Трогательно звучит надпись, сделанная на книге «История Армении»: «Глубокоуважаемо-

му господину Леониду Большакову, большому другу и ценителю армянской культуры, армянину номер один г. Оренбурга, с пожеланием доброго здоровья, благополучия, успешной работы. Светлана Меликян. Ереван, 1992.09.22».

Л.Н. Большаков никогда не был «кабинетным учёным», талантливо сопрягал научно-исследовательскую деятельность с просветительской. Об этом также свидетельствуют книги, подаренные гостями и участниками масштабных конференций, чтений, праздников, инициатором и одним из организаторов которых являлся Л.Н. Большаков (Всероссийской Пушкинской конференции, научных толстовских чтений, дней армянской литературы и др.).

Обращает на себя внимание и то, что многие дари-

тели благодарят Л.Н. Большакова за помощь в работе над присланной книгой.

«Дорогому Леониду Наумовичу. В этой вещи есть частица и Вашего труда. Казахский Рахмет за дружескую поддержку и советы! Ваш Амантай. 5. февраля 1983-го. Алма-Ата», – читаем на книге А. Сатаева «В степи безлюдной и глухой...»

«Уважаемому профессору Л.Н. Большакову в благодарность за помощь в поисках исторических материалов автор. Владислав Едзевецкий. (Книга об украинско-польских связях вышла в Варшаве на польском языке. Леонид Наумович помог автору в сборе материалов о польском ссыльном Витковском – Т.Б.)

«Дорогому Леониду Наумовичу с благодарностью», – эту надпись сделал на своей книге «Река весны» будущий вице-премьер России, трагически погибший в Северной Осетии, В.П. Поляничко.

Начиная с 1959 и вплоть до начала 90-х, очерки и журнальные варианты почти всех значительных произведений оренбургского литературоведа регулярно публиковались на страницах журналов «Урал» и «Уральский следопыт», в альманахе «Уральский библиофил». Его книги почти ежегодно выходили в Челябинске, он был составителем нескольких выпусков литературно-краеведческих сборников «Рифей» и «Каменный пояс», являлся одним из инициаторов и первых организаторов «Бирюковских чтений».

Именно поэтому в библиотеке Л. Большакова большое место занимают книги с автографами уральских авторов. Пермский журналист Александр Никитин пишет своему коллеге: «Литературному следопыту

южной части Урала от литературного следопыта северной части Урала»; «Леониду Большакову – искателю, следопыту – от человека, желающего заслужить те же титулы. Ю. Курочкин.12.XI.64. Поезд. 100, вагон 8»; «Дорогому Леониду Наумовичу Большакову – автору чудесных книг о писателях, связанных с Оренбуржьем. Душевно.10.IX.1974. М.Д. Янко»; «Моему давнему другу, известному писателю и учёному – душевно и робко скромная работа моя. Л.Гальцева.21.12.83.»; «Леониду Наумовичу Большакову – уралознатцу и товарищу по литературным поискам. Ал. Шмаков. Апрель, 73»... Перечень имён уральцев, подаривших свои издания Л. Большакову, можно продолжать долго.

Порою автографы на книгах «воскрешают» события житейские. Дарственная надпись на книге черниговского литератора Иосифа Давыдова «Ноев Ковчег 1942-го» гласит: «Другу юности, другу жизни презентую эту маленькую повесть, в которой живут страницы нашей общей юности, безмятежной и тревожной». На другой книге того же автора читаем: «Другу моему Леониду Большакову сию энциклопедию про рідну Чернігівщину сердечно дарит один из многочисленных авторов (моих статей здесь более сорока). Иосиф Давыдов. Уф!... закончил официальный автограф. А теперь скажу: владей, Лёня, и помни родной край твой. 18.03.1991».

Все, знавшие Л.Н. Большакова, подтвердят, что он обладал талантом общения, притягивал людей, которые относились к нему с неизменной теплотой и симпатией.

Вот посвящение на томике избранных стихов из-

вестного поэта М. Львова, знакомство с которым, что становится понятным из текста надписи, состоялось в писательском доме творчества:

«Большакову Леониду,
дорогому земляку,
С просьбой помнить (не для виду...)
Хоть одну мою строку...
Для Галины (дочери – Т.Б.) – больше нормы,
Ей хотя бы десять строк
Знать на память – не для формы
Как урок,
Как опыт впрок...
М. Львов, Дубулты. Пляж, 29.08.76»

Того же «пляжного» происхождения несколько сборников произведений Эммануила Прага – писателя, журналиста, засл. артиста Киргизской ССР, – автора сатирических рассказов и фельетонов:

«Когда мы труды Большакова читаем
В Пицунде, вдали от мирской суеты,
Глядим мы на море, тай думку гадаем:
Якой же достигне він ще висоти?»

Эм. Праг. Пицунда. Дом творчества писателей. 23 авг.1982 г.»

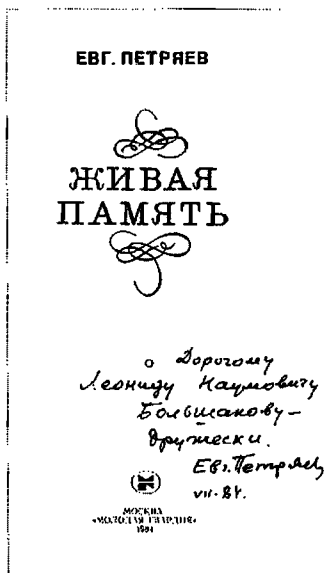
Некоторые надписи на книгах сделаны друзьями Леонида Наумовича, которые с удовольствием присылали издания, зная, что они будут ему полезны и интересны.

Например, страстный книжник-библиофил Е.Д. Петряев присылал Леониду Наумовичу не только собственные произведения, но и книги, которые сумел найти по просьбе друга. Так появилась в библиотеке Леонида

Наумовича книга «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне» с надписью: «Дорогому Леониду Наумовичу Большакову с благодарностью. Евг. Петряев. 26.04.74. Киров на Вятке». Много изданий с автографами В.Г. Уткова.

Дарительная надпись на книге, как правило, делается её автором, однако на повести Л. Большакова «Притяжение земли»³¹ читаем слова героя книги академика А.С. Хоментовского: «Дорогому Леониду Наумовичу Большакову, талантливому журналисту, сумевшему написать превосходную вещь на основе использования

того небольшого материала, который имелся в его распоряжении. 03.11.85, г. Оренбург». На книге «Літа невольничі» – трогательное пожелание неизменной переводчицы всех книг Большакова на украинский язык Н.К. Николенко: «Пусть эта первая ласточка не будет последней Н.К. 26.06.71.». А книгу очерков «Главы из жизни» неожиданно завершает восторженный отзыв оренбургского фотожурналиста В.В. Верстукова: «8–9 июня 1974 года прочитал (в больнице) этот маленький томик-гигант. Я знаю Леонида Большакова с 1960 года по сотрудничеству с телевидением. Литератор-«геолог» нашёл и подарил не только Родине, но

Автограф кировского писателя, краеведа, библиофила Е.Д. Петряева

и миру прекрасные драгоценности из жизни великих людей».

Сегодня, заходя в Библиотеку Большакова, читатели видят замечательный фотопортрет, на котором также есть дарительная надпись: «Удивительно талантливому и трудолюбивому Леониду Наумовичу, раскопавшему для себя и потомков огромный клад культуры, от автора этого портрета Владимира Верстукова. 2 ноября 1988 г., Оренбург». (именно этот фотопортрет видят и читатели «Альманаха библиофила» – Т.Б.)

«С моими читателями мне не придётся говорить. С ними будут говорить только мои книги», – сказал когда-то Валерий Брюсов³². Библиотека Большакова в полной мере помогла оценить, сколь значительное наследие оставил учёный, писатель, гражданин Леонид Наумович Большаков – наследие научное, литературное, человеческое.

Примечания

1. Леонид Наумович Большаков: библиографический указатель /Сост. Большакова Т.Л., Камскова Т.А., Ронжес В.В. – Уфа: Уфимский филиал ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова», 2009. – 96 с.

2. Учёный. Писатель. Гражданин: материалы Первых Большаковских чтений. – Оренбург: РИК ОГУ, 2005. – С. 54.

3. Большаков Л., Хотя раритетов и нет //Уральский библиофил: сборник/Ред-сост. Ю.Горбунов – Челябинск: Юж-Урал. кн.изд-во,1989. – С.21.

4. Большаков Л.Н., Отыскал я книгу славную...: Поиски и исследования. – Челябинск: Юж-Урал.кн.изд-во,1971 г. -214 с.

5. Борисов Р. Отыскал я книгу славную//Новый мир.- 1972.- №6.-

С.284; Александрова Г. Открытие // Уральский следопыт – 1972 - № 4. – С.32; Историческая наука в СССР // Вопр. истории - 1972. – № 9. – С.191; Лебедев Н.М. Пестель – идеолог и руководитель декабристов. - М.: Мысль, 1972.- С.117-118; Достян И. О рукописи в красном переплёте и её авторе // Вопр. истории -1975. – № 12. – С.110-125; автор выступал также на Симпозиуме в Институте славяноведения и балканистики АН СССР; на секции библиофилов в Ленинградском доме учёных (январь.1975).

6. Большаков Л.Н., Отыскал я книгу славную...: Поиски и исследования. -2-е доп.изд. - Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во. 1983. – 304 с.; Повести о поисках и обретениях - М.: Рус. книга, 2000. – 495 с.

7. Подробнее см.: Большакова Т. Отыскал он книги славные // Невский библиофил 2008. Вып.13. – Санкт-Петербург: изд-во «Сударыня», 2008. – С.28-36.

8. Большаков Л.Н., «Отечеству драгие имена»: Триптих о декабристах на Урале. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1975.

9. Об истории поиска рассказано в очерке Л.Большакова «Следы ведут к человеку» // Урал.следопыт. - 1960. - № 11. – С.18-22; см. также «Загадка старой книги» // Большаков Л.Н. Оренбургская Толстовская энциклопедия. Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. Оренбург: Печат. Дом «Димур», 1997.- С.339-341.

10. Л.Большаков. В поисках корреспондентов Льва Толстого. - Тула: Приок. кн. изд-во, - 222 с.; он же: Оренбургская Толстовская энциклопедия.

11. «Прочтётся с особенным интересом»: из переписки Н.Н. Гусева с Л.Н.Большаковым // Толстовский ежегодник 2003/Под общей ред. В.Б.Ремизова. –Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. – 552 с. - С.419 – 428.

12. Например, в библиографию к статье «Лазарев Егор Егорович» включена книга: Большаков Л. Ваш друг Лев Толстой.

Поиски. Находки. Исследования.- Челябинск, 1978. //Русские писатели. 1800-1917: Биограф.словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, - Т. 3.- 1994. – С.278.

13. Л.Большаков. Корреспондентка Льва Толстого /Предисл. И.Андроникова// Юность.-1962.- № 11.- С.90-96. / То же : Большаков Л.Н. Судьба Афанасии Скутипой //Оренбургская Толстовская энциклопедия. С. 339-341; То же: // Повести о поисках и обретениях // М.: Рус. книга, 2000. – С. 477 – 493.

14. Андроников И.Л. О новом жанре / Я хочу рассказать вам. М.: Советский писатель,1962. –С.491-492

15. Большаков Л.Н., Возвращение из прошлого: Роман-поиск. – Киев: Рад. письменник, 1988. - 379 с.; он же; Возвращение Григория Винского. –Оренбург:Димур,1999. -336 с., также прим. 21, С-109-410.

16. Записки Винского: первая полная публикация Л.Н.Большакова. – Оренбург: Оренб. губерния, 2001.– 129 с.

17. Большаков Л.Н. Я истины искал // Оренбургу – 260. Григорий Винский – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2003.- 128 с.-С.- 10.

18. Там же. С. 126.

19. Большаков Л.Н.,Быль о Тарасе. В 3-х книгах – Москва-Оренбург. 1993.

20. Оренбургская Шевченковская Энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет. 1847-1858. Оренбург: Печатный Дом «ДиМур».1997. 513с.

21. Л. Большаков Там за Уралом, за Елском... Оренбург: ИПКОГУ. 2003. 235 с.

22. Ротач П.П.(1925-2008)– украинский литературовед, автор книг о связях Шевченко с Полтавщиной.

23. Вышеславский Л.Н. (1914–2002) – украинский поэт, литературовед, участник Великой Отечественной войны, лауреат государственной премии Украины им. Т.Шевченко.

24. ГАОО, Ф. № 2919

25. Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Путешествие – 1833. Реалии «Истории Пугачёва». Прототипы «Капитанской дочки». – Оренбург: «Димур», 1997. – 519 с.

26. Большаков Л.Н. Живые нити: Л.Толстой и его чувашские корреспонденты. – Чебоксары: чуваш.кн.изд-во, 1965.-76 с.

27. Л. Большаков Там за Уралом, за Елеком... Оренбург: ИПКОГУ. 2003. 216–324 с.

28. Большаков Л.Н., Сенатор от штата Сорочинск: Повесть-хроника в эпизодах, письмах, документах, воспоминаниях и других непридуманных свидетельствах об Александре Фадееве. – М.: Правда, 1981. – 48 с. – (Б-ка «Огонек»); то же доп. и перераб. Сенатор от штата Сорочинск: [Изд. доп. и перераб.]. – Оренбург: «Оренб. губерния», 2001. – 59 с.

29. Большаков Л.Н., Александр Фадеев: Повесть-хроника боевой юности. – М.: Политиздат, 1988. – 158 с.

30. Большаков Л.Н. Встреча через годы //Главы из жизни.– Челябинск, 1974. –С.189-210; он же: 74 дня перед бессмертием, или Последняя командировка Ваана Терьяна. – Ереван, 1990; он же: Первые: Страницы из жизни одного р-на. – М.: Политиздат, 1985.

31. Большаков Л.Н., Притяжение земли: Худож.-докум. повесть. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. – 111 с.

32. Цит. по кн. Горбачевский Б. В стране книголюбов: Научно-худож. лит-ра - М.: Дет. лит., 1979. – С.75.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Александр Кузнецов

А БЫЛ ЛИ «ТОТЕМСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ»?

В нескольких номерах газеты «Ярославские губернские ведомости» за 1850 год публиковался с продолжением некий «Летописец»; как следовало из аннотации в библиографическом указателе – найденный в Тотьме [1]. Публикатор старинной рукописи скрылся за подписью Н...й, что ещё больше усиливало таинственность происхождения и содержания этого исторического источника.

До данной публикации пришлось добираться долго. Сначала я написал письмо в Ярославскую областную библиотеку, откуда получил ответ, что все номера «Губернских ведомостей» XIX века переданы в Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Переписка с руководством архива продолжалась три месяца. Пришлось предварительно заплатить определённую сумму денег. Лишь после этого я получил по почте пакет с ксерокопиями «Летописца»...

Город Тотьма расположен на реке Сухоне посередине между двумя древними русскими городами – Вологдой и Устюгом. И там, и там существовала устойчивая традиция местного летописания. Хорошо известен «Летопи-

Из книг Бакуменко. Из книг Кузнецовы, рисунок, 2009 г.

сец», составленный в начале XVIII века подьячим казённого приказа в Вологде Иваном Никитиным, сыном Слободским. Этот памятник археографии охватывает события с 1341 по 1676 год. При составлении рукописи автор использовал более ранние источники: «многие гранографы, летописцы, жития святых, сенодишные записки», – а также народные сказания и легенды [2]. В Устюге, в семье купцов Юринских хранился свой «Летописец», где были собраны сведения об истории этого города со дня основания до 1649 года [3]. Другие устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII веков опубликованы в 37 томе «Полного собрания русских летописей» [4]. Таким образом, логично было бы предположить, что и в Тотьме, всегда испытывавшей на себе вологодское и устюжское влияния во всех сферах

жизни, могло существовать какое-то летописание. Публикация «Летописца» из Тотьмы в «Ярославских губернских ведомостях» могла пролить свет на многие тёмные пятна в истории нашего города, поэтому излишне говорить, с каким интересом я принялся за изучение этого памятника письменности...

«Летописец» открывается небольшим предисловием публикатора Н...ского. Прочитав его почти полностью: «Назад тому года три, в Тотьме попалась нам старинная рукопись под заглавием «Русский летописец». Происшествия описаны в ней с Рюрика по 1668 год. Изложение краткое, самое письмо должно относиться к началу прошедшего столетия (т.е. XVIII века – А.К), разнообразие слога и приписки на полях и между строками показывают, что это выборка из нескольких разновременных летописцев. Первая половина рукописи включает в себе общеизвестные события русской истории, но в последней встречаются и местные заметки, касающиеся Вологды и Ростова, и это обстоятельство указывает на место происхождения как самой рукописи, так и оригиналов её; поэтому считаем не излишним сообщить читателям отрывок из неё, с 1534 по 1668 год».

Далее в трёх номерах газеты Н...й опубликовал выборочно события из найденного им в Тотьме рукописного Летописца. Действительно, в источнике довольно часто встречаются исторические сведения о городе Вологде и её окрестностях. Вот несколько характерных примеров:

«1537. Мая 19. Преставился преподобный Корнилий Комельский. Того ж году, мая 29, в Прилуцком

монастыре начата строиться церковь каменная соборная Происхождения честных древ игуменом того монастыря Мисаилом...

1571. Мор бысть великий. Сего лета, сентября 2 дня, явися образ знамения пресвятыя богородицы на Вологде в Дюдиковой пустыни и моровое поветрие преста...

1613. Сентября в 22 день польские и литовские люди были на Вологде и град Вологду пожгли весь и многих людей побили и в полон с собою увозили, о чем в Москву для известия в тож время писано...

1619. Декабря в 18 день, на Вологде и в Вологодском уезде у Спаса на Прилуке польские и литовские паны и казаки, атаман Баловень и Голеневский пан и гетман Шелковецкий с своими людьми были и воевали, и в монастыре трапезу пожгли со многими людьми, сёла и деревни разорили и людей мучили и убивали до смерти...

1626. Преставился в Вологде Нектарий, архиепископ Вологодский, июня в 3 день, а на его место освящен бысть архиепископ Варлаам.

1631. Заложен град Вологда деревянный, рубили, а совершился во 140 году (т.е. в следующем, 1632 году – А.К.) при государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всяя России...

Из книг Б.В., рисунок, 2009 г.

*Из книги Н.П. Сажина,
рисунок, 2009 г.*

1632. Того же лета вологодский воевода Леонтий Плещеев град Вологду пожегл, кроме посадов дальних.

1655. Октября 18 дня, надлежаше мору, на память святого апостола и евангелиста Луки поставили единокровный храм во имя всемилостивого Спаса Смоленского на Вологде на Старой площади. Начали рубить против 18 числа в 6 часу ночи, а клали с свечичи и зажигали скалы на батогах – светили светло. А срубили за 2 часа до дня, сомшили в 2 часа,

а святить начали в 5 часу дня, освятили в последнем часу дня и от того дня мор на Вологде преста.

1660. В том же году на Вологде был хлеб дорогой...»

Кроме исторических сведений, рукопись летописца содержит записи о необычных явлениях природы. Например, под 1654 годом сообщается, что «9 января в 6 часу дня наблюдалось затмение на небе: явилось солнце «светолунно», по обе стороны от него – два луча крестообразных, а вверх – луч дугою, как хвост». По всей видимости, люди наблюдали частичное солнечное затмение, подобное тому, что тотъмичи видели недавно – 1 августа 2008 года.

Интересное явление описано также под 29 ноября 1663 года. Случилось оно в Белозерском уезде, «в Кирилловской вотчине на Юрге». Можно предположить,

Из книги В.К. Дурова, рисунок, 2009 г.

что речь в данном случае идёт о современном селе Ерга (официальное название – Воскресенское), Череповецкого района, которое в старину (с 1566 года) принадлежало Кирилло-Белозерскому монастырю [5]. Что же так поразило местных крестьян? В летописце говорится, что «по захождении солнца от запада бысть знамение страшное и ужасное: явися на небеси яко звезда пресветлая долга и побеже скоростью яко молния, и расступися небо и стояло яко полчаса». На небе появилось светлое пятно, посреди которого «стоял яко человек огнен, глава и очи и руки и перси и ноги растяжены». Затем пятно закрылось и на землю начали падать огненные сгустки – на дороги, на дома, на людей. Мужики, бабы и дети от того огня в испуге бегали, а сгустки катались за ними, но никого не обожгли.

Выпавший огонь вскоре поднялся обратно вверх и на небе появился дым, а за ним послышался сильный шум или гром, от которого затряслась земля, да так, что люди не могли удержаться на ногах и падали. Вслед за этим «камение великое падало на землю с яростью и с шумом и в мерзлую землю глубоко уходило». По всей видимости, жители села Ерга наблюдали падение метеорита, который в нижних слоях атмосферы распался на мелкие части, выпавшие огненным каменным дождём на землю. Потом, оправившись от шока, монастырские крестьяне собрали часть этого «камения» и отвезли в Кириллов монастырь, где поместили космических «пришельцев» на паперти одного из храмов, сделав рядом соответствующее письменное сообщение. К сожалению, дальнейшая судьба этих метеоритов неизвестна.

Москва, Вологда, Ростов, Белозерский уезд – вот далеко не полный перечень географических названий из «Летописца», опубликованного в «Ярославских губернских ведомостях» в середине XIX века. Нет в этом списке только Тотьмы и Тотемского уезда. Следовательно, рукопись, обнаруженная Н...ским, создавалась совсем не в нашем городе. В Тотьму «Русский летописец» просто попал как книга, подаренная кому-то или купленная где-то на базаре, скорее всего, в Вологде. Производство подобных летописцев в XVII–XVIII веках в ряде центров книжности и культуры было поставлено на поток. Это был ходовой товар.

Итак, я вынужден констатировать, что собственно тотемской по происхождению летописи обнаружить пока так и не удалось. Скорее всего, летописание в

Тотьме не велось никогда. Косвенно это подтверждается и содержанием первой книги по истории Тотьмы, выпущенной в 1886 году краеведом В.Т. Поповым. Василий Тимофеевич за свою жизнь собрал большую библиотеку, интересовался он и древними рукописями, но даже ему ничего похожего на местную летопись не попало.

...Уже после того, как была написана основная часть этого очерка, мне удалось обнаружить новые интересные сведения о «Русском летописце» из Тотьмы. М.Н. Тихомиров, известный русский исследователь памятников письменности, одну из своих научных работ назвал «Начало книгопечатания в России». Вот что он писал в ней: «Однажды мною были куплены документы, раньше принадлежавшие угличскому собирателю древностей В.И. Серебренникову. Среди них оказалась тетрадь в четвёртку, в переплёте, обтянутом коленкором. На тетради наклеен ярлык с надписью «Сборник копий с разных старинных документов». Серебренников очень тщательно переписал эти документы карандашом и чернилами с неизвестных подлинников, по-видимому, в самом начале XX века. Под номером XVI в сборнике помещён летописец, который обозначен такими словами: «В 1847 году в г. Тотьме найдена старинная рукопись под заглавием «Русский летописец». Происшествия описаны в нём с Рюрика по 1668 год». В этом Летописце и встречаем запись: «1553. Начатся печатание книг в Москве при митрополите московском Макарии». Никаких добавлений и пояснений к тексту летописца В.И. Серебренников не сделал; дата начала московского книгопечатания его

не интересовала, и никаких оснований заподозрить подложность переписанного им Тотемского летописца нет» [6].

Что же так взволновало учёного М.Н. Тихомирова? Дело в том, что известны даты выхода в свет первой русской печатной книги: 19 апреля 1563 года Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец начали работу над «Апостолом», а закончили её 1 марта следующего года. Однако, печатный двор в Москве был выстроен по указанию царя Ивана Грозного через год после взятия Казани (1552). «Апостол» действительно был первой книгой, которую печатный двор дал «с выходом», т.е. с обозначением места и времени издания, но вполне вероятно, что за десятилетие, прошедшее с момента строительства казённого печатного двора книги уже издавались, но без выходных данных. И «Тотемский летописец», по мнению М.Н. Тихомирова, прямо подтверждает более раннюю дату начала русского книгопечатания – 1553 год! Вот в чём состоит значимость рукописи, найденной в Тотме! Тем более, что в других русских летописцах эта дата и этот факт вовсе не фигурируют.

Название «Тотемский летописец» рукописи дал сам Н.М. Тихомиров, в связи с распространённой научной практикой именовать летописные своды по месту их обнаружения или по имени (фамилии) последнего владельца. А коллекционер В.И. Серебренников из города Углича Ярославской губернии вполне мог переписать текст летописца в свою тетрадь прямо с газетной публикации, о чём свидетельствует предисловие, строка в строку совпадающее с тем, что дал в 25 номере «Ярославских губернских ведомостей»

публикатор Н...й. Сам Н.М. Тихомиров, судя по всему, не знал о том, что рукопись «Русского летописца» была обнародована ещё в 1850 году в «ЯГВ».

Иллюстрации к статье – экслибрисы автора.

Литература:

[1]. Н...й. Летописец. // Ярославские губернские ведомости. - 1850, часть неофициальная, № 25. - С. 250-253; № 26. - С. 256-260; № 27. - С. 272-275.

[2]. Малинина К.Н. К биографии вологодского летописца Ивана Слободского. // Послужить Северу.: Историко-художественный и краеведческий сборник. - Вологда: Ардвисура, 1995. - С. 79-84.

[3]. Непогодъев А.К. «Летописец города Устюга Великого» Петра Юринского. // Бысть на Устюзе...: Историко-краеведческий сборник. - Вологда: ЛиС, 1993. - С. 60-75, 132-151.

[4]. Полное собрание русских летописей: Устюжские и вологодские летописи XVI - XVIII вв. - Том 37. - Л., 1982.

[5]. Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области: Населённые пункты. - Вологда: Изд. ИПКиППК, 1993.

[6]. Тихомиров М.Н. Начало книгопечатания в России. // У истоков русского книгопечатания. - М., 1959. - С. 10-40. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.sobomik.ru/artikl/uistokov/uistokov2.htm>

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Владимир Марьин

НЕПРЕРЫВАЕМАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЁН И РАССТОЯНИЙ

Среди многих талантливых учеников школы Фаворского, несомненно одно из ведущих мест в искусстве гравюры принадлежит московскому ксилографу Гершону Абрамовичу Кравцову, чей столетний юбилей как-то уж очень незаметно прошёл в 2006 году. В активе этого художника, который много лет отдал служению советской книге, свыше 400 изданий, оформленных и проиллюстрированных им по заказам разных книжных издательств. Ко всему прочему этим мастером награвировано и более трёх сотен экслибрисов.

Автору этих строк довелось вести переписку с Г.А. Кравцовым с начала 70-х годов прошлого столетия вплоть до его смерти в 1981 году. В конвертах с его лаконичными письмами находил я графические миниатюры разных лет, тоже, в основном, лаконичные, но при этом всегда ёмкие по содержанию. Многие из этих незаурядных работ, хранящихся в моём собрании, давно уже вошли в золотой фонд российской графики и по праву стали классикой экслибриса XX века.

Первый экслибрис из-под резца Г.А. Кравцова вышел в 1939 году. Последний датируется концом 80-х

ИЗ КНИГ ОЛЕГА ПОПОВА

Из книг Олега Попова, ксилография, 1962 г.

годов. Почти каждая графическая миниатюра графика – это знак-символ и знак-обобщение. Особенно наглядно подтверждают это экслибрисы 60-х годов, когда начался наиболее активный период его творчества (например, в 1968 году им было награвировано 45 книжных знаков). Экслибрисы космонавта Юрия Гагарина, художников Пабло Пикассо, Владимира Фаворского, Бориса Ефимова, Марии Чураковой, Вадима Фролова, искусствоведов Якова Бердичевского и Семёна Ивенского, артиста цирка Олега Попова... Это только лишь несколько жемчужин из богатого кравцовского ожерелья.

Из перечисленных людей больше половины уже нет в живых. А вот с тремя последними владельцами экслибрисов работы Кравцова, ныне здравствующими, я

13 КНИГ Я.Б.

*Из книг Я.Б(ердичевского)
Ксилография, 1968 г.*

давних связей не прерываю. С Я.И. Бердичевским, живущим в Берлине, общаемся довольно часто, в основном, конечно, по телефону. А многие экслибрисные новинки, увидевшие свет в России, приходят ко мне от моего берлинского друга, который с юношеской энергией ведёт общение со старыми и новыми российскими друзьями, а также с редакциями и издательствами.

Кстати, в вышедшей недавно книге Я.И. Бердичевского «Полвека с экслибрисом», иллюстрированной лучшими экслибрисами, выполненными для его библиотеки, опубликована и миниатюрка, награвированная московским мастером, и признание Якова Исааковича в том, что это один из любимейших его книжных знаков, тираж которого в пять сотен экземпляров давно, к сожалению, закончился.

А вот С.Г. Ивенский, живущий ныне в Израиле, во второй книге своих мемуаров «Дары Свободы» отмечает: «Строг, классичен и «деревянен» по фактуре его Пегас, летящий над протоком /1964/... Хотя Кравцов, ученик Фаворского, и кое-что /скажем, в шрифте/ есть у него от учителя, но его видение весьма своеобразно; резкость контура и теней позволяет угадывать его гравюры с первого взгляда. Кстати, именно Кравцов – автор книги об экслибрисах своего любимого учителя В. Фаворского – самого уважаемого и безгранично

почитаемого им человека. Он был удачен в персональных выставках: их было много, и почти все с хорошими каталогами. В ВОКГ в 1965 г. тоже: макет брошюры он сделал сам и обильно украсил подлинными оттисками ксилографии».

*Из книг Бор. Ефимова,
ксилография, 1962 г.*

Примечательно ещё и то, что в «Иерусалимском библиофиле» за 2006 год, к 100-летию Г.А. Кравцова, Семён Георгиевич опубликовал весьма неравнодушные воспоминания о московском художнике. А в одном из последних писем ко мне неутомимый пропагандист и исследователь экслибриса, которому в этом году исполняется 86 лет, сообщает, что подготовил на основе своего собрания ещё одну будущую выставку, которую намеревается экспонировать в Бердянске /Кравцов родился в Черкассах, детские годы провел в Кременчуге/, а после проведения выставки все кравцовские миниатюры передаёт в дар Бердянскому художественному музею имени И.И. Бродского.

Экслибрис для библиотеки Олега Попова был выполнен Кравцовым ему в подарок без малого полвека назад, когда карьера легендарного ныне «Солнечного клоуна» только начинала набирать разбег. А сейчас Олег Константинович вот уже почти 20 лет живёт в Германии, где у них с женой Габи под Нюрнбергом хороший уютный дом и что-то вроде маленькой фермы с разной живностью: лошади, пони, кролики, собаки, кошки, которые вместе с Олегом Поповым и Габи выступают на арене. Как оказался в Германии? По его

Liber Meus С.Г. Ивенский, ксилография, 1964 г.

словам, в своё время в России ему положили такую мизерную пенсию, на которую прожить было весьма проблематично. Ну и решил он не ждать милостей от родного отечества, а подался на заработки в Германию. А здесь, на Западе, на него большой и давний спрос. И хотя Олегу Константиновичу в этом году исполнилось 80 лет, арену покидать он не собирается.

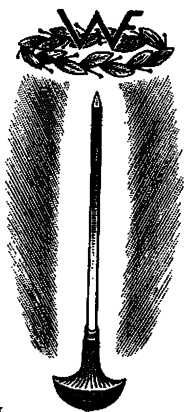
В годы моей работы в ганноверском издательстве «Контакт» Попов не однажды публиковался в наших изданиях. О чём писал? Конечно же, о своём любимом цирке, которому посвятил всю свою жизнь, рассказывал о друзьях-коллегах, вспоминал далёкие годы своей артистической молодости.

Недавно Олег Константинович в составе своего цирка был на гастролях в Ганновере, и наша с ним встреча проходила в его гримёрке между выходами на арену. Кстати, рассказал он мне очень развеселившую его публикацию в одной из московских газет, в которой некий борзописец поведал своим читателям

Владимир Марин в гостях у Олега Попова и его жены Габриэлы

о том, что, мол, бывший знаменитый клоун Олег Попов влачит теперь на диком Западе полунищенское существование и чтобы как-то свести концы с концами, регулярно ходит по «фломарктам», то есть по блошиным рынкам, где по дешёвке приобретает для себя всё необходимое для жизни. Не послужила ли поводом для этой лживой публикации моя статья «О пользе прогулок по немецким «фломарктам», напечатанная в четвёртом выпуске альманаха «Библиофилы России»? Рассказывая об этих живописных торжищах, на которых и сам люблю побывать да поторговаться за какую-либо старую книгу или гравюру, упомянул я, со слов Попова, разумеется, что по субботам-воскресеньям не упускает он возможности, наведаться на нюрнбергский «фломаркт», где выискивает что-то из реквизита для своих цирковых реприз, а однажды даже

EX LIBRIS

*Ex Libris В.А. Фаворского,
ксилография, 1964*

*Из книг Юрия Гагарина,
ксилография, 1963*

встретил и с удовольствием приобрёл своего двойника – великолепную куклу в образе... Олега Попова. И, естественно, как старый книжник, любит покопаться в книжных развалах. И рад бывает безмерно, когда среди книг откопает какое-либо издание, имеющее отношение к цирку, к его профессии. Да, именно на немецких «фломарктах» нередко можно встретить библиофильские редкости, а также найти нужные в обиходе словари или энциклопедии, того же, к примеру, многотомного Брокгауза.

К слову сказать, в Москве в своё время у Олега Константиновича была великолепная библиотека, стены одной из комнат были сверху донизу в полках с книгами. Всё это там и осталось, а здесь, в Германии, жизнь заново пошла, как говорится, практически с нуля.

Посетовал ветеран цирка, что давным-давно закончились у него оттиски симпатичнейшего книжного

знака работы художника Кравцова, на котором изображён он, балансирующим на канате, натянутом между двумя стопками книг. Что ж, дело поправимое: можно ведь при нынешних великолепных полиграфических технологиях сделать тираж экслибриса с сохранившегося оригинального оттиска. Возьму, пожалуй, на себя это дело и к очередному дню рождения Олега Константиновича сделаю ему приятный сюрприз. Думаю, что и строгий мастер Кравцов, автор этого экслибриса, не возразил бы против моей задумки. А за качеством печати, несомненно, проследить надо.

Когда прощался я с Олегом Константиновичем, подарил он мне альбом, иллюстрированный фото-снимками, посвящёнными ему и его цирку, пожелав в дарственной надписи быть здоровым и всегда радоваться жизни. Что ж, пожелание хорошее, хотя быть всегда здоровым, пожалуй, не получится, а вот радоваться жизни и каждому Божьему дню я никогда не устаю. Тем более, когда есть возможность не только жить настоящим, думать о будущем, но временами окунуться в далёкое прошлое.

А подаренный Поповым альбом украшает сейчас ещё и книжный знак, выполненный почти 50 лет назад – очень органично вписался кравцовский экслибрис в это издание.

*Ex Libris М.С. Чураковой,
ксилография, 1962 г.*

Григорий Босенко

НОВОГОДНЯЯ
ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ГРАВИЮРА – PF
(POUR FELICITER)

Много лет существует (с тенденцией угасания) такой интимный жанр малой графики как новогодняя поздравительная гравюра, так называемый «PF» (pour feliciter), что в переводе с французского – «для поздравления». Чем уникальна эта маленькая миниатюра? Единственностью первоисточника? Приоритетностью оригинала? Рукотворностью или тесной связью дара воображения художника и инициатора поздравления. Поздравительная гравюра выполняется по заказу частного лица или организации, а также художником для личных поздравлений. По сути своей «PF» – это малотиражная почтовая открытка, поэтому и рассматривать эту графику можно, как открытку.

*Dita, Wim Zwierts
Ксилография, 1949 г.*

*Художник М.Чуракова
Ксилография, 1966 г.*

Художник *Lenke Diskan*
Графюра на пластике, 1974 г.

Художник *А. Kmieliauskas*
Рельефная цветочная печать, 1993 г.

Первая почтовая открытка была выпущена в 1869 году в Австро-Венгрии. В Российской империи «открытые письма» появились в 1871 году. После вступления России во Всемирный почтовый союз на них появились надписи на русском и французском языках. С 1894 года министр внутренних дел России разрешил бланки открытых писем частного изготовления. С тех пор фантазии издателей не было предела. Открытка всегда была активной участницей событий. Открытка поздравляет нас со знаменательными датами и семейными праздниками. Открытка сохраняет для нас облик архитектурных и художественных шедевров. Открытка представляет нам целый мир во всём его многообразии.

Почтовая открытка – это многотиражная типографическая продукция, а моно-открытка, выполненная

*Художник В. Шерстяной
Линогравюра, 1983 г.*

*Художник М. Cinovsky
Резцовая гравюра на меди, 1990 г.*

графиком, имеет ограниченный тираж и авторскую подпись.

Какую роль можно отвести этой малой форме в просвещении, пропаганде и в воспитании художественного вкуса? Не является ли она частью общей художественной культуры? Не является ли она элементом материальной и исторической культуры жизни людей разных стран?

Малые формы графики – очень специфический по своим законам вид гравюры. Он включает в себя четыре основных раздела:

– малая станковая графика, – тематическая гравюра небольшого размера (до 20 см. по большей стороне), сюда же включается и афористическая графика, т. е. ёмкий, лаконичный графический афоризм на какую-либо тему;

– обстоятельственная графика – гравюра по обстоя-

тельству, по случаю торжества или мероприятия, где указываются даты его проведения;

– экслибрис – книжный знак, которым библиофил маркирует свою библиотеку (в переводе с латинского *ex libris*

означает «из книг»). Размеры его допуска не более 12 см по большей стороне;

– Новогодний «PF» (*pour feliciter*) – личная поздравительная гравюра, которая может выполняться художником для себя или по желанию заказчика в неповторимой художественной форме. Гравюруется и тиражируется по тем же законам, что и экслибрис. Как правило, на ней обозначены год и фамилия поздравителя и, конечно, «P.F.» в сокращённом или полном написании. Получая такую поздравительную гравюру, сразу, без дополнительного текста видишь, кто поздравляет и кто выполнил малую форму, т. к. исполнитель-гравёр всегда ставит свои инициалы на гравюре.

Всё реже и реже новогодняя «PF» становится предметом заказа, лицом владельца. Он приобретает новую социальную функцию метафорического портрета художника. Графики начинают сами для себя выполнять новогодние поздравления, сигнатуровать их и обмениваться ими. Это становится своеобразной школой мастерства, где можно продемонстрировать коллегам и коллекционерам свой вкус и умение. Тема свободная и бесконтрольная. Почти все художники экслибриса прошли через «школу поздравитель-

*Художник А. Сераускас
Офорт, 1987 г.*

*Художник Hugo Hiibus
Цинкография, 1983 г.*

ной открытки». Постепенно расширяется круг личной поздравительной гравюры «PF» и её «сувенирная» роль. Растёт число коллекционеров, набирает силу этот живой и отзывчивый на события жизни жанр. И всё же «P.F.» предпочитает праздник рождества Христова или Новый год.

Творческие биографии мастеров личной поздравительной гравюры разных поколений выстроены в убедительный ряд, говорящий о бурном росте этого явления и его международной популярности.

Попробуем пристальней рассмотреть некоторые поздравительные гравюры мастеров этого жанра.

Портрет-шарж Ханно Лепика, выполненный тушью для «PF-83» эстонцем Хуго Хиибусом (Hugo Hiibus), характерен своей композиционно-стилизованной манерой. Вихревые линии, интенсивная заливка и штриховка выявляют в совокупности, а не отдельно черты лица: линии надбровных дуг, носа, волос – всё прочитывается сразу, без пристального рассматривания частных деталей. Своеобразный «клубящийся» локон волос определяет связь текста и фигуры. В целом же, фигура решена в гротескном, статичном положении, которое рождается от тонких ног до немасштабной

*Художник Е. Антимонова
Офорт, 1990 г.*

*Художник Е. Skjoldborg
Рисунок, 1987 г.*

головы. Фигура производит впечатление внутренне напряжённой, но вместе с тем устойчивой. Наличие в руке фотоаппарата определяет основной род занятий, не говоря о коллекционировании экслибрисов.

Существует выражение «рисовать в темпе», то есть передавать квинтэссенцию явления. Имеется в виду не только физическую скорость выполнения рисунка, но, главным образом, художественную напряжённость, переданную в линии, штрихе. Это можно отнести к «PF-1987» Inge & Klaus Rodel, выполненному датским художником Ериком Сжолдборгом (Erik Skjoldborg). Рисунок городского пейзажа рождается из прихотливой линии: стремительной, нервной, то разреженной, то сгущённой до пятна. Она ложится вертикальными и горизонтальными штрихами, намечая как бы сюжеты городских пейзажей, памятников архитектуры или архитектурных обломов. А это определённый пласт

*Художник V. Jucys
Линогравюра, 1991 г.*

истории, культуры, зодчества. Античность удивительным образом сочетается с чувственной непосредственностью и эмоциональным состоянием. Не многие могут себе позволить взять эту тему в качестве

поздравительной гравюры.

Большой мастер немецкой гравюры, профессор Герман Хуфферт (Hermann Huffert), выполнил новогодний «PF-1990» для известного итальянского коллекционера экслибрисов Марио де Филипписа (Mario de Filippis). Лейтмотивом созданного им новогоднего поздравления послужил библейский сюжет, в котором мы видим идущих на поклонение с Востока в Вифлеем волхвов и звезду, которую видели они на востоке, которая вела их и, наконец, остановилась над местом, где родился Младенец. Умение художника донести до зрителя тему зависит от любви к изображаемому, от внутренней культуры и от мастерства. В данной ксилогравюре видится мудрый лаконизм формы, классическая ясность линий и впечатление просветлённости, полёта.

Ещё одну «PF-1993» библейского сюжета «Святое семейство» выполнил для себя известный литовский художник Антанас Кмеляускас (Antanas Kmieliauskas). Личная поздравительная гравюра отпечатана рельефной, цветной печатью, с картонного основания. Характер линии и штриха в данной манере иной, нежели в классических техниках.

Интересна работа эстонского мастера Велло Винна (Vello Vinn), выполненная по заказу Союза художников

Эстони в 1977 году. Это триптих из леса горящих свечей, «двенадцатиградусных» новогодних часов и вpletённого в светящуюся лампочку текста. Звенят в полную силу (почти лубочной простоты изображения), как бы разлетающиеся от центра листа к периферии, смысловые акценты. Смело задумана схематизированная композиция, уплотнённое пространство, ритмизованный рисунок. Заметны поиски выразительного графического стиля конца семидесятых. Для этого художника характерно построение «отстраняющего» будничного сюжета, иррационального или фантастического, с органическим применением реалистических элементов. Особенностью гравюры являются композиционные отношения, графическая пластика и лаконичная колористика (в данном случае цвет – умбра). Всё это скорее противостоит реальному событию, чем передаёт его, хотя бы и условно. Художник, видимо, и должен самой своей неожиданностью, свободой от предметного значения перевести запечатлеваемые сюжеты (какие-нибудь лампочки со свечами или бутылки с крыльями), из области простого рассмотрения в возвышенную сферу «большой» новогодней ночи.

В новогодней «PF-89» литовский художник Альфонсас Чепаускас (Alfonsas Cerauskas) изобразил царя Давида. Он создал синтезирующую картину эпоса, акцентируя внимание прежде всего на силе, мощи и мужестве царя. Найден свой ключ к решению образа и атмосферы в целом. График сознательно насыщает, уплотняет и осваивает пространство гравированной доски. Пропорции и масштабность фигур гиперболизируются. Декоративность, интенсивность цвета

Художник L. Lohmus
Резцовая гравюра на меди, 1990 г.

Художник L. Lohmus
Ксилография, 1985 г.

и строгость линий – характеризует стилистику миниатюры.

На одной из ранних поздравительных гравюр известного эстонского художника Лембита Лыхмуса (Lembit Lohmus) награвирован озорной сюжет: купидон с крылышками срывает со стены дату уходящего года, а за ней просматривается «PF-1985». Незатейливый сюжет на тему смены года искусно награвирован и очень тепло воспринимается.

Pour feliciter-1990, выполненная этим же мастером резцом по меди, отличается филигранным исполнением. 1990 определялся по восточному календарю как год «Лошади», и художник взял за основу изображения лошадей с фриза Парфенона. О личной поздравитель-

ной гравюре Лыхмуса можно писать много. Созданные им «PF» очень выразительны и содержательны. В них сочетается замысел и воплощение, впечатляет разнообразие сюжетов и образов. Всё это говорит о высоком профессиональном мастерстве творца.

Ещё одна поздравительная гравюра на тему знаков Зодиака, израильского художника-экслибрисиста Леонида Куриса (Leonid Kuris) «PF-84» – год Мыши. С чувством юмора выполнена эта гравюра на пластике. Изображение моде-

*Художник Л. Курис
Гравюра на пластике, 1984 г.*

ли: плечи, грудь, руки, держащие информацию, исполнены так, словно художник стремится выявить целое и частное, объём и пластику изображённого объекта. Интересно отметить, что портрет, созданный из линии и штриха, находится в удивительном спокойствии, в нём передана глубокая сосредоточенность и уверенность портретируемой перед наступающим годом.

Московский художник Мария Чуракова «PF-66» выполнила для Семёна Георгиевича Ивенского, известного пропагандиста, коллекционера и художника экслибриса. Морозная, хрупкая, нерастраченная природа рождественского леса и притаившаяся лисица, персонаж многих русских сказок и былин. Классическое моделирование ксилогравюры в лёгких и светлых

*Художник Г. Грак
Гравюра на пластике, 1987 г.*

штрихах, за которыми таится и уходит один год, и намечается и уже проступает другой.

Почти все свои Новогодние поздравления Валерионас Юцис (Valerionas Jucys) наделяет юмором и автопортретом. Так и «PF-1991», год «Козы».

Выполняя семейную «PF-1989» Лев Григорьевич Бекетов – крымский художник, тоже не упустил возможности озаглавить год «Змеи».

Новогодняя «PF-1987» Михаила Минкевича (M.Minkevich) выполнена белорусским художником

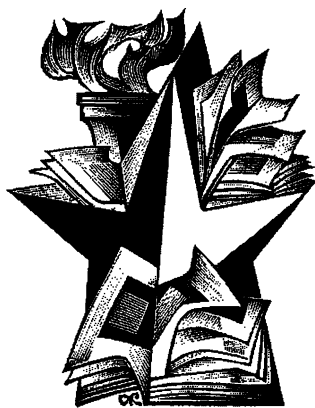
Геннадием Граком. Двухцветная линогравюра с тиражной атрибутикой: ночной город, кот, ёлка. Смысловой и визуальный акцент: полосатый кот – синоним домашних тапочек и покоя. Видимо, это относится к предстоящему желаемому году.

За основу поздравительной гравюры «PF-91» Владимир Шейко – художник из Молдовы, взял празднично-фольклорный элемент. Коляда – славянский праздник, символизирующий постоянную смену одного года другим. С этого дня «светлый день» начинает прибывать, а ночь становится короче. Солнце, круг, огонь – символы праздника. Колядовали девушки и парни обычно вечером. Ряженные надевали шкуры животных, с рогами и бородами. Выступал и ряженный козёл. Так цветной этнографической деталью художник подчёр-

кивает течение времени: от обрядов – до «PF».

Иногда художники не гравировать надпись «PF», а просто подписывают отпечатанную гравюру по этому поводу и сигнатируют её. Так представлена здесь работа известного мастера А.Калашникова иллюстрирует такую форму поздравления.

Поздравительная гравюра со временем эволюционировала настолько, что стала самостоятельным направлением, а её лучшие образцы демонстрируют виртуозность и филигранность мастерства, свойственные шедевр. Множественность форм исполнения «PF» не позволяет многогранно охватить все спектры развития праздничного приветствия и предсказать пути развития этого жанра.

*Художник А. Калашников
Ксилография, 1985 г.*

Игорь Мямлин

АВТОРСКАЯ ЦЕЛЬНОГРАВИРОВАННАЯ КНИГА Н. КАЗИМОВОЙ – СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО»

Как бы высоко я ни ценил библиофильские страсти и труды, всегда отношусь к любой книге спокойно. Но эту беру в руки, читаю, читаю и перечитываю, хотя, как многие, знаю это произведение («всего-то» одно стихотворение Пушкина!) наизусть: её можно – и нужно – рассматривать неспешно, тщательно – так изысканно она сделана во всех элементах: дизайн, бумага, печать. Что и неудивительно: это цельногравированная (типография к ней не имеет ни малейшего отношения) книга целиком (шрифт, иллюстрации, тиснение, фальцовка, сшивка листов) создана её авторами (художник Н. Казимова, печатник Г. Коробовской). Размер блока – 18 x15 см.

Так как я описываю её по авторскому экземпляру (№ XXV), подаренному мне её создателями, отмечу его нестандартность (книга сделана в традициях искусства Востока – поэтому ссылка на конкретную страну, будь то Китай или Япония, невозможна). Больше того, нумерация страниц сделана мной, ибо напечатана она на одной стороне сложённого вдвое листа. В этой связи, если появится «эталонный» авторский экземпляр книги, нумерация может быть иной.

Вот, кстати, полные выходные данные издания:

Обложка книги

«Книга отпечатана в количестве XXVII пронумерованных экземпляров, с двадцати одной медной авторской доски, выполненной в технике офорта и акватинты. Художник Нина Казимова. Экземпляр XXV (нумерация указана в картуше с монограммой).

Шесть экземпляров книги отпечатаны на бумаге чешской фирмы „Traditional classic handcrafts for high demands“. Остальные – на бумаге „Hahnemuhle – 230“. Печатал Георгий Коробовской».

Авторские пояснения художника к нумерации: «Все доски с IV по XV пронумерованы. Без нумерации оставлены только – титул, форзац, посвящение, колофон и обложка». (Записано со слов Н.И. Казимовой – июль 2007г.).

В книге нет случайных мелочей: даже цифра её некруглого тиража (27 экз.) имеет символическое значение: именно 27 мая был основан Санкт-Петербург.

Весь текст в прямоугольной рамке, в середине нижней линейки – чуть срезанный орнаментальный цветок, в центре которого монограмма «НК».

Портретов в книге всего три: «чернобровая жена», полногрудая красавица – С.13; сам «чудотворец-исполин» – С.6; и прощённый Меншиков – в парадном мундире (шитьё, ордена, лента) и в отличие от простоволосого, коротко стриженного государя – в немыслимо роскошном парике.

Ещё два портрета – вполне условные – две красавицы – Девы-аллегории петровской России и России нынешней, празднующей трёхсотлетие «Питербурга-городка». По мысли художника, это Наяды (С.1,2 и 20,21) – аллегории Невы.

Эти персонажи, хотя и символические, невероятно нарядные, окружённые звёздами, орденами и медалями, на фоне цветов и следов салюта, и обе вырастают

Петр I

Екатерина II

А. Меншиков

Наяда

из вод морских. Но если левая фигура правой рукой словно провожает в плавание парусный корабль, а другой рукой поднимает кубок с надписью, а на нём «1703», её «напарница», столь же прекрасная и нарядная, тоже держит в левой руке бокал с цифрами «2003», а в правой руке у неё роза – символ красоты и награды...

Н. Казимова строит свою книгу, как и каждую страницу в ней, как стихию праздника. Отсюда и «весёлый ритм» книги – от всего блока до внутреннего ритма в каждом листе.

Архитектура присутствует в листах в разных видах: это и карта с планом «Sankt-Peters-Burg» (С.4), и картуш на титуле с короной над словом «Пир», с парящим крылатым сердцем (С.5) и пейзажем Града Петрова, обогащённым деталями праздника (салют на небе, флаги на мачтах кораблей и – в нарушение

всех масштабов – чаши и кубки в размер домов (С.9), и ворота Петропавловской крепости с монограммой «РР» (С.11), и шпиль крепости, ставшей... грот-мачтой сказочного корабля, который (кораблик) палит из пушек, уверенно летя по послушным волнам (С.17).

Хотя исследователи Пушкина считают, что стихотворение – прозрачный намёк-просьба на великодушие Николая I («Надо бы простить декабристов – ведь уже 30 лет прошло»), оно существует как прекрасное самостоятельное произведение, одухотворённое идеей народного военно-морского праздника России, которая ногою твёрдой встала у моря, дав знак Европе о своём вхождении в число могучих морских держав.

Стилистически рисунки порождены двумя крайне интересными художнику явлениями – голландскими изразцами (их она отлично знает по интерьерам Меншиковского дворца) и праздничной стихией салютов и фейерверков, которая сопровождала самые яркие страницы ратной и морской доблести России в начале 18 века и которую так утверждал великий и безжалостный правитель.

Наяда

Хотя традиционный цвет голландских изразцов голубой, часть книжечек сделана в тоне сепии, что также выглядит убедительно.

Праздничный дух стихотворения, его почти частушечно-плясовой строй, весёлый, ритмичный, как бы загадочный («Отчего пальба и клики, и эскадра на реке?... Годовщину ли Полтавы торжествует государь?... Родила ль Екатерина? Именинница ль она, чудотворца-исполина чернобровая жена?») и сказочный одновременно.

Но эта голландская изразцовость, органично слившись со стихией морской героики и карнавала-праздника, не затмила и не заменила того народного духа ликования и нарядности, которым Н. Казимова сумела наполнить свои офорты. В этом – одна из особенностей стилистики работ художника. Казалось бы, отчеканенность мельчайших деталей её листов может «засушить» изображение. Ничуть не бывало: Нина Ивановна умеет видеть гравюру в деталях и книгу в целом – редкое качество, которым обладают только подлинные таланты. Поэтому так убедительны её орнаментальные решения, в которых национальная традиция «узорочья» сохраняется и развивается.

Это «узорочье» превосходно опробовано в первых листах серии (но не книги!) «Русские пословицы о любви» (1990 г.).

А эта книга была впереди...

Умное и тактичное использование традиций народного лубка в творчестве Н.Казимовой проявляется не менее очевидно, чем в превосходных (и, на первый взгляд, несколько огрубелых по рисунку) аранжировках

лубка в творчестве группы московских художников 60-70-х годов: Н. Воронова, Л. Курзенкова, А. Максимова, – людей, чрезвычайно одарённых и влюблённых в народное художественное творчество и на деле развивающих традиции русских народных лубочных картин (См.: Аранжировка русских народных лубочных картин: Каталог выставки. – М., 1973.).

Но Н.Казимова развивает их в соответствии со своей индивидуальностью художника. Она ищет путь к авторской книге. И находит его!

Первая авторская книга Н.И. Казимовой (лишь текст её наборный) – антология поэзии XX века «Сады моей души» (1994г.). Превосходная по макету, иллюстрациям и оформлению, она стала «первой ласточкой». Вторая, на этот раз цельногравированная, «Париж в стихах Максимилиана Волошина» (1997г.) – также прекрасная по художественному уровню, подтвердила правильность мысли её создателя-художника, блестящего мастера офорта, «королевы акватинты», как назвал её классик печатного дела Герман Пахаревский.

«Пир Петра Первого» – третий шаг на этом пути.
В добрый час, Королева!

Николай Яценко

ПУШКИНИАНА ХУДОЖНИКА Л.Н. НЕЦВЕТАЕВА

В Ульяновске живёт человек удивительно многогранных способностей. Его имя – Лев Николаевич Нецветаев.

Он почётный архитектор России, член Союза художников Российской Федерации, поэт, искусствовед, педагог, художник-пушкинист.

Родился Лев Николаевич Нецветаев в тот же день, что и Александр Сергеевич Пушкин, только на 141 год позже, и не в Москве, а в Ульяновске.

Окончил Московский архитектурный институт, успешно трудился на архитектурной ниве 15 лет, и мы, ульяновцы, гордимся его архитектурными постройками.

Многие архитекторы умеют рисовать, но немногие из них становятся художниками. Лев Николаевич стал признанным художником. Рисовал он с детства. Своим кумиром Нецветаев считает Анатолия Ивановича Зыкова, Народного художника России, действительного члена Академии художеств России, к сожалению, недавно ушедшего из жизни. Главным делом своей

Л.Н. Нецветаев

жизни А.И. Зыков считал цикл работ с названием «Сквозь штормы судьбы. Пушкин», удостоенный трёх золотых медалей.

В сентябре-октябре 2000 года в Доме художника города Ульяновска проходила персональная выставка художника Льва Николаевича Нецветаева, приуроченная к его 60-летию. Экспонировалось 170 работ, из них – более сорока посвящены пушкинской теме.

А в год 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина Л.Н. Нецветаев принял участие во Всероссийской выставке «Болдинская осень», представив восемь своих живописных и акварельных работ. И стал обладателем Золотой пушкинской медали творческих Союзов России. В дипломе в этой связи записано: «За вклад в развитие, сохранение и приумножение отечественной культуры».

Видимо, невозможно сказать лучше А.И. Зыкова, который в своей книге очерков «Отава» написал свои отзывы на некоторые пушкинские работы художника: «Удачи Нецветаева в пушкинской теме помечены разными годами, вплоть до давних. То есть он давно живёт Пушкиным, в нём давно творится тот невидимый таинственный процесс постижения его внутреннего мира, который только один может вывести художника на индивидуальную находку, никем прежде не использованный сюжет и духовное его содержание.»

К числу удач Нецветаева можно отнести акварель 1983 года «Мир вождеденный настал». Композиция листа, поза поэта, весь его облик, значительность внутреннего состояния, весь Пушкин тут не Тропинский, не Кипренского или Вивьена, не Серова,

Ульянова или Попкова – полностью нецветаевский Пушкин. Счастливым миг сверкнул художнику.

Удачей стала другая работа – «Доктора», из триптиха «Последняя зима». Думається, автор поступил правильно, посадив врача спиной к зрителю. Только Пушкин, ничего, кроме Пушкина, его лица. Ничего, кроме жизни на грани смерти, когда человек, уже отгороженный полосой отчуждения от остающихся жить, смотрит на них как бы издали, со стороны, из другого мира...

В нецветаевском измученном Пушкине уже и страдания ослаблены, боль изгрызла самоё себя. Последняя зима. Последний день. Последний час. Последняя ми-

нута. Позволю себе обратить внимание зрителя на не определяющую, но существенную деталь: волосы на голове Пушкина спутаны, притиснуты долгим лежанием на подушке, может быть, влажны от испарины. Ослабели кудри Пушкина от боли. Такая «работающая» деталь возможна только в результате длительного переживания темы художником.

Пушкину Нецветаевым отдано столько внимания, времени и сил, что, думается, вряд ли он отпустит художника и дальше. Заветные темы, они ведь держат цепко. К тому же, о Пушкине сказано далеко не всё... В конце концов, никем ведь не решена огромная тема «Пушкин и Волга»...

Мне приятно сознавать, что в наше время могла существовать такая великая дружба двух художников: москвича и ульяновца, Зыкова и Нецветаева.

Я частенько бываю на квартире и в мастерской художника Нецветаева: здесь чувствуется особая аура

творчества; много книг и альбомов по искусству, немало различных материалов о Пушкине.

Мне иногда кажется, что Лев Николаевич не только встречался с Пушкиным, но и дружил с ним, поскольку, слушая его восторженные рассказы о поэте, его стихи, я чувствую эту сопричастность.

В 1999 году в Ульяновске была издана его поэтическая книга «Симбирская гора» (стихи о Пушкине и его современниках) с собственными иллюстрациями.

Сам Л.Н. Нецветаев считает, что «писать стихи о Пушкине – это слишком самонадеянно, и то, что я пишу, стихами это не называется», – такова его строгость к себе.

В 1987 году в Москве, на Всесоюзной выставке «Пушкин в памяти поколений» демонстрировались пять работ Л.Н. Нецветаева: две акварели, пастельный портрет Пушкина, холст «Брожу ли я вдоль улиц шумных» и темпера «Пушкин и Языков».

В октябре 1991 г. в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве состоялась персональная выставка «Пушкин в творчестве Льва Нецветаева». Экспонировались 22 работы художника, в том числе пейзажи

Михайловского, Тригорского, Святогорского монастыря, исполненные летом того же года.

Неоднократно Пушкиниана Нецветаева экспонировалась и в его родном Ульяновске.

В различных газетах Ульяновска Л.Н. Нецветаев писал о своём друге-пушкинисте А.И. Зыкове, восхищаясь его искусством и его безвозмездным даром городу Ульяновску своей Пушкинианы.

Рассуждая о невозможности понять любого гения, А.И. Зыков выразился просто и талантливо:

«Пушкин – это дорога к горизонту».

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарольд Злочевский

КАК В МОСКВЕ ГОТОВИЛИСЬ И ОТМЕЧАЛИ СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

Подробности подготовки и проведения торжеств, посвящённых писателю, «аромат событий» сохранили две редкие ныне книги, приобретённые мною много лет назад.

Первая из них – изящно оформленное издание – «Отчёт о деятельности Комитета по сооружению памятника Гоголю в Москве» (М.: Гор. тип., 1915. 55с.: ил., 4 вкл. л. ил.). Светлый, цвета морской волны, полужокожанный издательский переплёт, на котором заглавие книги представлено золотым тиснением. Книга отпечатана на бумаге верже с дополнительными водяными знаками, обозначающими название фирмы, изготовившей её, – «МСК» – и качество бумаги – «Johannot Extra Super». Трёхсторонний золотой обрез. На четырёх вкладных листах – фотографии с изображением памятника писателю, общего вида части Пречистенского (с 1924 г. – Гоголевский) бульвара, где он сооружён, и далее – по два бронзовых барельефа с героями гоголевских произведений, украшающих постамент с четырёх сторон.

Титульный лист

Представляют интерес изображения памятной медали, отчеканенной в честь гоголевских торжеств. На одной её стороне изображён памятник en face с подписью под ним: «Сооружён в Москве в 1909 году». А на другой – профиль писателя и только одно слово – «Гоголь», хотя в книге сообщается, что указаны также годы его рождения и смерти.

Из этого издания узнаём, что идея о необходимости установить памятник Н.В. Гоголю в первопрестольной столице впервые была озвучена 8 июня 1880 года (здесь и далее все даты по старому стилю) на торжественном заседании Общества любителей российской словесности (ОЛРС, 1811–1930), приуроченном к празднованию открытия памятника А.С. Пушкину в Москве. Действительный член Общества драматург А.А. Потехин пред-

ложил начать всенародную подписку на сбор средств для сооружения памятника Н.В. Гоголю. Его призыв: «Да будет Москва пантеоном русской литературы, да воздвигнется памятник Гоголю в центре России, Москве», был поддержан всеми присутствовавшими литераторами.

Уже 1 августа того же года Общество, членом которого Н.В. Гоголя избрали в 1834 году, получило высочайшее разрешение императора Александра II открыть подписку повсеместно. Через семь лет было собрано 25 тысяч рублей, и ОЛРС, признав эту сумму достаточной для начала осуществления задуманного, 12 марта 1888 года избрало особую временную комиссию, которой поручили приступить к подготовительным работам. А 6 октября 1890 года Общество организовало Комитет по сооружению памятника. В его состав, который с годами менялся, вошли высшие городские чиновники и представители ОЛРС. В дальнейшем (в 1902 году) для работы в Комитете на правах его членов были приглашены сыновья поэтов: А.А. Пушкин, П.В. Жуковский и И.Ф. Тютчев. За время существования Комитета в его составе работали также: В.В. Каллаш, Ю.И. Айхенвальд, А.А. Кизеветтер, П.Н. Сакулин, И.А. Белоусов, А.И. Калишевский, Н.Д. Телешов и другие известные представители науки, литературы и культуры.

Деятельность Комитета была разрешена московским генерал-губернатором лишь 2 апреля 1894 года, а его первое заседание состоялось 6 апреля 1896 года. Между тем, сбор средств продолжался. В нём участвовала вся страна. Присылали деньги и из-за рубежа. В результате в распоряжение Комитета поступило более 110,5 тысяч

рублей. Общие расходы составили 105,4 тысячи рублей. Остаток в дальнейшем был передан Московской городской управе на содержание памятника.

Продолжительным стало обсуждение вопроса о месте для его установки. Предлагали: 1) Театральную площадь, у Большого театра, на фоне его колоннады; 2) Театральную площадь, сквер близ Китайгородской стены; 3) конец Пречистенского бульвара (Арбатская площадь); 4) конец Рождественского бульвара (к Трубной площади); 5) Никитский бульвар (против дома № 7); 6) Страстной бульвар; 7) угол Знаменки и Моховой, перед Румянцевским музеем (домом П.Е. Пашкова). 13 февраля 1906 года Комитет окончательно решил: просить Московскую городскую думу об отводе места в конце Пречистенского бульвара, близ Арбатской площади. Эта просьба была удовлетворена решением Думы 18 апреля 1906 года.

Вторая важная задача, которую предстояло решить Комитету, – разработка проекта памятника. Уже на первом заседании, 6 апреля 1896 года, было предложено осуществить проектирование на конкурсной основе. В 1901 году объявили конкурс. К участию в нём допускались все желающие российские граждане, а первое условие было сформулировано следующим образом: «Памятник должен представлять бронзовое изваяние Николая Васильевича Гоголя в сидячем положении, в costume времени жизни писателя, помещённое на пьедестале, соответствующем действительной обстановке того места, которое предназначено для постановки памятника» (с. 8).

Срок представления проектов на конкурс (в здание

Московской городской думы) был определён – 30 декабря 1901 года. Поступило 44 модели памятника. Обсуждение проектов членами Комитета планировалось не позже 15 февраля 1902 года, а с 21 февраля по 21 апреля того же года проекты, представленные на конкурс, следовало открыть для публичного обозрения, которое было организовано в императорском Историческом музее. Конкурс затянулся, так как все проекты, в том числе, четыре премированных (первой премии удостоился проект москвичей Я.П. Сергеева, В.А. Алмазова и А.Н. Шапочкина), не удовлетворили членов Комитета и не были приняты к исполнению.

Скульптор Н.А. Андреев

На заседании 12 мая 1905 года Комитет обратился к известным скульпторам с предложением представить свои проекты памятника к осени того же года. При этом все прежние ограничения были отменены. Но и этот конкурс не дал положительных результатов. А юбилей писателя приближался. В создавшейся напряжённой ситуации живописец и коллекционер И.С. Остроухов смог убедить членов Комитета в том, что только скульптор Н.А. Андреев (1873 – 1932) способен создать достойный памятник Н.В. Гоголю¹.

Чтобы склонить Комитет к принятию такого решения, он предложил жёсткое условие: отказаться в дальнейшем от проведения конкурсов, а поручить

создание памятника одному скульптору, проект которого должен непременно приниматься членами Комитета единогласно. В противном случае проект отвергается. Когда это предложение было принято, И.С. Остроухов назвал фамилию рекомендуемого им скульптора. Н.А. Андреев с названным условием Комитета согласился.

В результате 13 февраля 1906 года Комитет постановил «нового конкурса не устраивать, а поручить составление нового проекта скульптору Н.А. Андрееву, не связывая его никакими условиями, кроме стоимости» (с. 10). Экспертами по оценке художественной и технической сторон проекта были выбраны живописец В.А. Серов, архитектор Ф.О. Шехтель, драматический актёр и скульптор А.П. Ленский (его проект памятника Н.В. Гоголю получил на конкурсе вторую премию²).

К разработке проекта памятника Н.А. Андреев начал готовиться задолго до 1906 года. Известно³, например, что к 50-летию со дня кончины писателя он создал бюст Н.В. Гоголя, который демонстрировался на гоголевской выставке, устроенной членами кружка московских литераторов «Среда» (1899–1916) в 1902 году. Скульптор перечитывал произведения писателя, знакомился с воспоминаниями современников, иконографией Н.В. Гоголя. Дважды, в 1904 и 1906 годах, ездил на Украину для сбора материала: посетил места, связанные с жизнью писателя и героев некоторых его произведений, делал зарисовки. Он успел застать в живых младшую сестру Николая Васильевича, Ольгу Васильевну Гоголь-Головню, которая поделилась со скульптором ценными воспоминаниями о брате. Всё

это способствовало постепенному формированию образа Н.В. Гоголя у Н.А. Андреева. В 1904 году он выполнил бюст писателя для памятника на железнодорожной станции Миргород. Поэтому не случайно, что проект памятника для Москвы скульптор представил Комитету уже к его следующему заседанию 28 апреля 1906 года. Он разместил его в саду при доме И.С. Остроухова в Трубниковском переулке (дом № 17)⁴.

В результате обсуждения было принято постановление: «признать проект Андреева в общем удовлетворительным; барельефы, изображающие персонажей из произведений Гоголя и опоясывающие гранитный пьедестал памятника, увеличить с 15 вершков (0,67 м. – Г.З.) до 1 аршина (0,71 м. – Г.З.); в изменение первоначального проекта изобразить писателя с непокрытой головой; сделать на памятнике одну лишь надпись: «Гоголь»; обратить памятник лицевой стороной к Арбатской площади; вокруг него разбить цветник, а сзади посадить деревья» (с. 10).

9 марта 1907 года Комитет одобрил эскизы барельефов и проекты фонарей, представленные Н.А. Андреевым, а 5 апреля – модель фигуры памятника. Для детальной проработки рисунков барельефов скульптору разрешили брать костюмы гоголевской эпохи из костюмерного склада московских императорских театров. В результате на передней стороне памятника бронзовый пояс барельефов представил типы из «Ревизора». Это городничий с Анной Андреевной и Марьей Антоновной, Бобчинский и Добчинский, Хлестаков, судья Земляника, Хлопов и другие. На задней стороне изображены персонажи из «петербургских повестей».

Герои «малороссийских повестей» (Солоха, Хивря, Тарас Бульба с сыновьями, Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной, Иван Иванович с Иваном Никифоровичем) – с левой стороны, а с правой – типы из «Мёртвых душ» (Чичиков, Машилов, Собакевич, Ноздрёв, Коробочка, Плюшкин и другие).

Известно⁵, что среди персонажей, изображённых на барельефах, скульптор запечатлел актёра И.М. Москвина в образе Бобчинского, а сценические образы, созданные актёрами А.А. Федотовым и К.Н. Рыбаковым, Н.А. Андреев использовал соответственно для портретов Добчинского и Земляники⁶. В Тарасе Бульбе он воплотил бытописателя старой Москвы В.А. Гиляровского. Есть также сведения⁷, что в образах сыновей Тараса Бульбы, Остапа и Андрея, представлены писатели Д.В. Григорович и А.И. Куприн, а в лице Добчинского угадываются черты актёра Малого театра П.М. Садовского. Свой картуз Н.А. Андреев водрузил на голову Ивана Ивановича, который, как известно, поссорился с Иваном Никифоровичем. Себя же, по легенде, скульптор изобразил в образе художника из повести «Портрет».

27 мая 1907 года Комитет одобрил общую модель памятника. В тот же день состоялась его торжественная закладка: в фундаменте было сделано углубление, в которое положили золотые и серебряные монеты. Углубление закрыли медной доской с надписью: «Мая 27 дня в лето 1907-е благополучного царствования государя императора Николая II тринадцатое, при председателе Комитета по сооружению памятника Н.В. Гоголю в Москве московском городском голове

Н.И. Гучкове [1860–1935], членах того же Комитета и московском градоначальнике А.А. Рейнботе, заложен сей памятник Николаю Васильевичу Гоголю, воздвигаемый по модели художника Андреева на средства, собранные по всероссийской подписке» (с. 11). Доска была закрыта камнем с крестом, высеченным на его внешней стороне.

Краткую речь об истории сооружения памятника произнёс городской голова. Затем выступил А.Е. Грузинский (1858–1930) – председатель ОЛРС, историк литературы, профессор Московского университета. В книге приведён полный текст его речи, которая завершается символическими словами надежды, актуальными в то время: «Памятник Гоголю сооружается в беспокойную и тревожную пору русской жизни, когда многое тронулось с места, и всё застоявшееся пришло в движение. Это, как будто, благоприятный момент для культурного праздника. Но Гоголь был тонкий и строгий аналитик русской жизни и, может быть, есть свой смысл в том, что Россия вспомнит его тогда, когда ей особенно нужен анализ её жизни» (С. 12).

Поскольку ОЛРС задумало широко отметить и открытие памятника писателю, и столетие со дня его рождения, была создана юбилейная Гоголевская комиссия (избрана 20 октября 1907 года). А для разработки программы участия Москвы в торжествах Городская дума сформировала городской Исполнительный комитет. Оба эти образования приступили к работе в тесном сотрудничестве с Комитетом по сооружению памятника.

Из книги видно, как тщательно продумано всё, что

было связано с созданием памятника Н.В. Гоголю. На последующих заседаниях члены Комитета одобрили не только модели барельефов, но и модель нижней части фонарей (бронзовое литьё с чеканкой) с изображением трёх львов на каждом, как бы охраняющих эти светильники, и даже эскизы двенадцати железных кованых скамеек с дубовыми сиденьями. Были заключены контракты на установку решётки вокруг памятника, на поставку монолитов из светло-чёрного, зеленоватого гранита из Швеции для пьедестала (его автор Ф.О. Шехтель, 1859–1926) памятника. Но произошла задержка, и подрядчик отыскал необходимый гранит в Финляндии. В марте 1908 года монолиты поступили в Москву⁸.

Для отливки статуи наследниками П.П. Демидова, князя Сан-Донато, было пожертвовано 110 пудов (1,76 т.) красной меди. Из приведённого в книге подробного отчёта видно, что отливка фигуры и барельефов осуществлялась в Санкт-Петербурге на заводе Э.П. Гаккера из бронзы, содержащей до 90 процентов меди, что высота фигуры писателя на памятнике составляет 3 аршина 8 вершков (2,49 м.), а общая длина барельефов – 10 аршин 8 вершков (7,47 м.) при ширине в 1 аршин (0,71 м.), что барельефная часть чисто кованая. Отлитая в бронзе фигура Н.В. Гоголя была доставлена в Москву 15 ноября 1907 года. Модели памятника, премированные на конкурсе, а также модель Н.А. Андреева передали на хранение в Императорский Исторический музей.

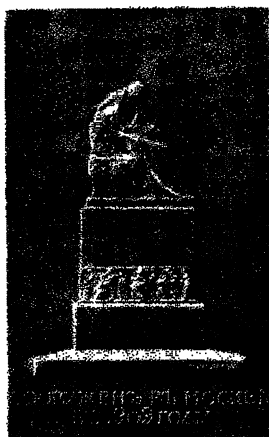
Торжественное открытие памятника состоялось 26 апреля 1909 года при большом числе приглашён-

ных (вместо предполагаемых полутора тысяч перед монументом собралось около четырёх тысяч человек). На нём присутствовали родственники Н.В. Гоголя, российские и иностранные учёные, писатели, общественные деятели, учащиеся различных учебных заведений Москвы. В 12 часов 30 минут «с памятника была съёрнута пелена, и над толпой, как бы склоняясь к ней, с скорбным лицом появился Гоголь. Все обнажили головы. Оркестр заиграл национальный гимн. Епископ Трифон окропил памятник святой водой»⁹. Затем Н.И. Гучковым был прочитан акт передачи его в ведение Московского городского общественного управления. Принимавший акт представитель города В.Д. Брянский выразил уверенность, «что Москва – издревле хранительница богатств русского народа, – несомненно, будет хранить и свято чтить передаваемый Комитетом памятник» (с. 14).

Далее произнёс речь А.Е. Грузинский от имени ОЛРС. После его выступления началось возложение венков (их было более 200) к подножию памятника от многочисленных deputаций. Во время этой церемонии на эстраде, устроенной с правой стороны площади, хором учащихся городских училищ в 2000 человек и

*Памятник Н.В. Гоголю
на Пречистенском бульваре.
Скульптор Н.А. Андреев, архи-
тектор Ф.О. Шехтель.
Фотография. 1915*

*Памятная медаль, отчеканенная по случаю открытия
в Москве памятника Н.В. Гоголю*

военным оркестром, состоявшим из 420 музыкантов, под управлением М.М. Ипполитова-Иванова (1859–1935) была исполнена кантата, написанная им в честь Н.В. Гоголя¹⁰ – «Гоголевская кантата».

В память о торжествах, связанных с открытием памятника писателю, были заказаны уже упоминавшиеся медали, выполненные петербургским медальером А. Жаккаром¹¹ по гипсовой модели, подготовленной Н.А. Андреевым¹². Из отчёта видно, что отлили одну золотую, одну серебряную и 300 бронзовых. Золотую, серебряную и бронзовую медали представили императору Николаю II. Остальные вручили высокопоставленным чиновникам, членам Комитета по сооружению памятника, членам Гоголевской комиссии ОЛРС, членам городского Исполнительного комитета, президенту Академии наук – поэту великому князю Константину Константиновичу, президенту Акаде-

мии художеств – великой княгине Марии Павловне, академику А.А. Шахматову, актрисам М.Н. Ермоловой и Г.Н. Федотовой, писателям Н.Н. Златовратскому и В.Г. Короленко, университетам, музеям, театрам, Малому и Александринскому, иностранным гостям и посланы за рубеж тем, кто был приглашён на торжества, но не смог приехать.

Москва хорошо подготовилась и достойно отметила юбилей писателя. Городская Дума приняла решение¹³: присвоить имя Н.В. Гоголя десяти начальным училищам, открывшимся в 1908–1909 учебном году, одному мужскому и одному женскому высшим начальным училищам, открытым в 1907 году; учредить библиотеку-читальню имени Н.В. Гоголя, а при Московском университете – стипендию имени писателя – почётного члена этого высшего учебного заведения; опубликовать популярную биографию Н.В. Гоголя для бесплатной раздачи в школах, предварительно ознакомив учащихся городских школ с жизнью и творчеством писателя; поместить во всех школах портреты юбиляра и разучить в городских школах кантату, написанную в честь него; организовать чтения о жизни и творчестве писателя в школах и народных аудиториях.

Музеи открыли выставки. Так, в экспозиции императорского Исторического музея были представлены рукописи Н.В. Гоголя, прижизненные издания его сочинений, лучшие портреты, все публикации, вышедшие к юбилею. Откликнулся на событие и Румянцевский музей, «где выставили всё, что имело отношение к торжествам: афиши, пригласительные билеты, открытки, ноты, бюсты, медали, даже сладости (кондитерские

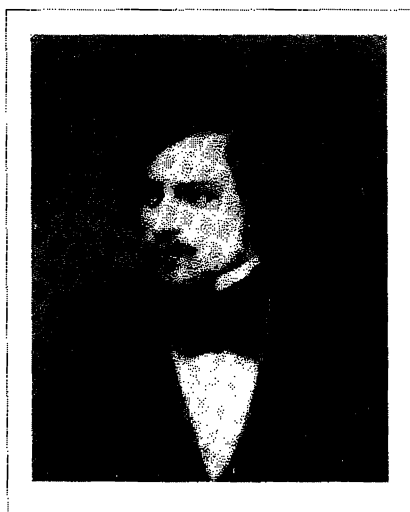
фирмы выпустили к празднику конфеты и печенье «Гоголь». – Г.З.) ... Но основу экспозиции ... составили гоголевские реликвии, среди которых были ложка писателя, перо, которым ... написаны «Мёртвые души», а также золотое кольцо и прядь волос Николая Васильевича»¹⁴, другие предметы, рисунки, документы.

В арендованном помещении частной гимназии (угол Поварской улицы и Мерзляковского переулка) 27 марта 1909 года была открыта городская библиотека-читальня имени Н.В. Гоголя, которая в послереволюционное время переехала в дом № 7а на Никитском бульваре, где и ныне работает. Широко отметили юбилей писателя и в учебных заведениях Москвы. Были организованы концерты, выставки книг Н.В. Гоголя и художественных работ учащихся по его произведениям. В связи с праздником «меню трактиров и ресторанов обогатились блюдами украинской кухни», а продажа спиртных напитков в дни торжеств была запрещена¹⁵.

Более подробное описание мероприятий, связанных с открытием памятника Н.В. Гоголю и празднованием столетия со дня рождения писателя, изложены в другой книге из моего собрания – «Гоголевские дни в Москве» ([М.]: О-во любителей рос. словесности, [1910]. 336 с.: ил.). Она представляет собой сборник в тонкой издательской обложке (бумага верже) серого цвета, такого же, как у журнала «Старые годы» (1907–1916), очень популярного тогда в среде российской интеллигенции. Графическое оформление обложки и титульного листа книги идентичны. Фамилия художника обозначена криптонимом К.О. Отпечатан этот солидный том в московской печатне А. Снегирёвой на бумаге верже

Титульный лист

Н.В. Гоголь. Фрагмент групповой фотографии. Рим, 1845

тиражом 1000 экземпляров¹⁶. Он содержит на отдельных листах портрет Н.В. Гоголя¹⁷ и фотографию памятника писателю.

Мысль об издании этой книги возникла во время самого торжества. В кратком предисловии отмечено: «К этому побуждало естественное желание закрепить следы нашего национального праздника, на который ... откликнулась не только Россия, но и западно-европейский, и славянский культурный мир» (с. 1). В связи с этим, сразу после завершения праздничных дней состоялось заседание ОЛРС, на котором было принято решение «издать описание гоголевских дней в Москве 1909 г.». Руководство Общества доверило эту работу своей Гоголевской комиссии, «которой была передана вся организация торжеств с самого начала»

*Могила Н.В. Гоголя на кладбище Данилова монастыря.
Начало XX в.*

*Могила Н.В. Гоголя
на Новодевичьем кладбище.
Начало 1950-х гг.*

(там же). План сборника разработал секретарь Комиссии, литературовед П.Н. Сакулин (1868 – 1930). Общее наблюдение за печатанием осуществляли председатель Гоголевской комиссии Н.В. Давыдов (1848 – 1920) и председатель ОЛРС А.Е. Грузинский.

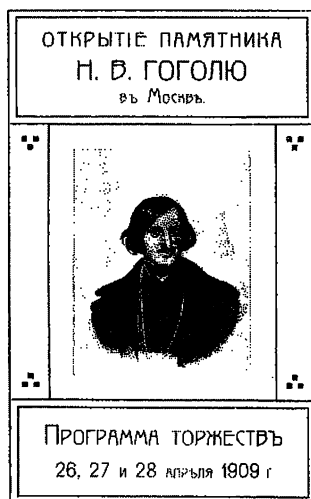
Сборник содержит: отчёт Гоголевской комиссии, подробное описание празднования столетней годовщины со дня рождения писателя, начавшееся 20 марта возле его могилы в Даниловом монастыре (прах Н.В. Гоголя перенесён на Новодевичье кладбище 31 мая 1931 года¹⁸), тексты речей, произнесённых там, церемонии открытия памятника на Пречистенском бульваре, «гоголевских юбилейных чествований», которые продолжались с 26 по 28 апреля. В виде приложений представлены тексты речей, звучавших в течение трёх праздничных дней, писем, адресов, приветствий, телеграмм, полученных от учреждений, обществ и частных

лиц из России и зарубежья. Завершает приложение большой список венков, возложенных депутациями на памятник Н.В. Гоголю 26 апреля.

В отчёте Гоголевской комиссии представлен её состав: В.Я. Брюсов, А.Н. Веселовский, Н.В. Давыдов (председатель), В.О. Ключевский, А.П. Ленский, М.Н. Розанов, П.Н. Сакулин (секретарь), М.Н. Сперанский (секретарь), А.И. Сумбатов (товарищ председателя – заместитель) и Н.Д. Телешов. В состав комиссии вошло также бюро ОЛРС

в полном составе (П.Д. Боборыкин, А.Е. Грузинский, В.В. Каллаш, Ю.И. Айхенвальд и А.А. Федотов). В разное время в состав Комиссии были введены: Н.А. Андреев, Н.Н. Баженов, М.М. Ипполитов-Иванов, Ф.Е. Корш, А.А. Мануилов, М.К. Морозова, Вл. И. Немирович-Данченко, И.С. Остроухов, Вл.Ф. Саводник, К.С. Станиславский и В.А. Серов.

Из отчёта видно, что благодаря активности Комиссии, которая отстаивала позицию ОЛРС, удалось приурочить открытие памятника Н.В. Гоголю к году столетия со дня его рождения. Комиссия стремилась придать этому событию не только характер национального праздника, но и привлечь к участию в нём представителей научного и литературного мира Евро-

*Программа гоголевских торжеств. Обложка.
Из собрания Л.И. Четкова*

Программа торжествъ

26 апрѣля (воскресенье).

1. Торжественная музыкальная лютурія въ Храмѣ Христа Спасителя—9 час. утра.
2. Церемонія открытия памятника на Арбатской площади—12 час. дня.
3. Торжественное заглавие ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета и Общества Любителей Россійской Славности въ актовомъ залѣ Университета—4 часа дня.
4. Торжественные спектакли (вечеринка) въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ—8½ часовъ вечера.

27 апрѣля (понедѣльникъ).

1. Торжественное заглавие Общества Любителей Россійской Славности въ Большой залѣ Московской Консерваторіи—1 часъ дня.
2. Спектакли (безплатно) въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ для учащихся год. Москвы—12½ ч. дня.
3. Музыкально-литературный вечеръ Общества Любителей Россійской Славности въ Московской Консерваторіи—8 час. вечера.
4. Ручьи для приглашенныхъ въ Городской Думѣ—10½ час. вечера.

28 апрѣля (вторникъ).

1. Торжественный спектакль (вечеринка) въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Маломъ театрѣ—12½ час. дня.
2. Заглавие Общества Любителей Россійской Славности въ Богоявленской залѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго университета—4 часа дня.
3. Банкетъ (по приглаженію) для приглашенныхъ на торжественное заглавие въ ресторани „Метрополи“—7½ час. вечера.

Программа гоголевскихъ торжествъ. Разворотъ

пы и Америки, что явилось бы показателемъ значенія, которое приобрѣла русская литература (и, въ частности, конечно, Н.В. Гоголь) въ глазахъ Запада. С этой целью было разослано различнымъ зарубежнымъ учреждениямъ и лицамъ 186 приглашеній, въ Россіи — 385 (учрежденіямъ 149, лицамъ 236). Родственники Н.В. Гоголя и почётные члены ОЛРС, въ томъ числѣ Л.Н. Толстой, получили специальное рукописное приглашеніе въ редакціи, близкой къ печатной.

Комиссія выработала программу гоголевскихъ торжествъ на 26-28 апрѣля, положенную въ основу той, которая окончателно была утверждена на объединённомъ засѣданіи въ день рожденія писателя 20 марта 1909 года. Она представлена въ сборникѣ. Въ отчётѣ приведена информация о томъ, что организацию музыкальной части торжествъ на музыкально-литературномъ вечерѣ, устроенномъ ОЛРС въ Московской консерваторіи 27 апрѣля, взялъ на себя С.В. Рахманиновъ. Подъ его управленіемъ, в

частности, была исполнена новая музыкальная пьеса А.К. Глазунова на гоголевские мотивы. Комиссия добилась от правления императорских московских театров решения о предоставлении в её распоряжение некоторого количества бесплатных билетов для почётных гостей и права на льготное получение билетов вообще на все гоголевские спектакли (26 апреля в Большом театре показывали «Майскую ночь» Н.А. Римского-Корсакова, а в Малом – «Ревизор» (в тот же день) и «Театральный разъезд» – 28 апреля).

Ко дню открытия памятника Гоголевской комиссией (по поручению ОЛРС) был издан тиражом 500 экземпляров альбом, составленный М.Н. Сперанским, – «Портреты Н.В. Гоголя: собр. и изд. под наблюдением О-ва любителей рос. словесности при имп. Моск. ун-те: исполн. и изд. художеств. фототипией К.А. Фишер» (М.: Типолитогр. И. Щетинина и Е. Мартынова, 1909. [2], 14, [1] с., [30 л. портр.]). Из 30 портретов, представленных в альбоме, 7 опубликованы впервые. Подбор картин был одобрен В.А. Серовым, Н.А. Андреевым и И.С. Остроуховым, который помог сделать хорошие копии с оригиналов. Обложку альбома выполнил Л.С. Бакст⁹. Из всего тиража 21 экземпляр предназначался для членов Гоголевской комиссии и лиц, привлечённых к работе в ней, 15 экземпляров – учреждениям и лицам, причастным к изданию альбома, 100 – поступили в распоряжение Общества и только 364 экземпляра К.А. Фишер пустил в продажу.

После открытия памятника в тот же день состоялось торжественное собрание Московского университета и ОЛРС в здании университета, подробно описанное

	<p>1809.</p>	<p>1909.</p>
<p>Торжественное собрание Императорского Московского Университета и Общества Любителей Российской Славянознания, в день открытия памятника Николаю Васильевичу Гоголю, в Москве.</p>		
<p>ПРОГРАММА.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Истиннейшее слово ректора Московского Университета. 2. Истиннейшее слово председателя Общества Российской Славянознания 3. Произнесение почтительных членов, избравших Общественных Любителей Российской Славянознания 4. Речь проф. Московского Университета С. А. Муромцева. 5. Речь проф. Московского Университета князя Е. Н. Трубецкого. 6. Речь проф. Московского Университета М. Н. Соеранского. 7. Приветствия и речи депутатов. <p>Алловый зал Университета. 26. IV 09.</p> <p>Начало в 4 ч. дня.</p>		

Программа торжественного собрания в Московском университете, состоявшегося 26 апреля 1909 г.

в сборнике. А 27 апреля торжественное заседание ОЛРС происходило уже в большом зале Московской консерватории. Перед его открытием хор Русского хорового общества исполнил а сарелла кантату в честь Н.В. Гоголя, сочинённую композитором В.А. Золотарёвым (1872–1964) на слова П.И. Вейнберга (1831–1908). А завершился этот день торжеств уже упоминавшимся литературно-музыкальным вечером, программа которого состояла из музыкально-вокальных пьес, написанных на сюжеты из произведений Н.В. Гоголя, чтения отрывков из «Тараса Бульбы» и «Мёртвых душ». В концерте участвовали симфонический оркестр, артисты М.Н. Ермолова, А.И. Южин и другие, хор императорской русской оперы.

Третий день гоголевских торжеств открыл спектакль «Театральный разъезд» в Малом театре. В нём играли А.И. Южин, А.А. Остужев, П.М. Садовский

*Общий вид местности, где был сооружен памятник Н.В. Гоголю в Москве.
Фотография. 1915*

2-й, А.А. Яблочкина и другие известные артисты. А в 16 часов в Московском университете состоялось заключительное заседание ОЛРС, на котором также звучали речи и приветствия. Назову темы ряда выступлений в праздничные дни: «Гоголь и Россия» (Е.Н. Трубецкой), «Н.В. Гоголь и Московский университет» (М.Н. Сперанский), «Эволюция художественного творчества Н.В. Гоголя» (Д.И. Богалей), «О комизме Гоголя» (Ф.Е. Корш), «Творческие муки Гоголя» (П.Н. Сакулин), «Гоголь и Тургенев» (Л.Ф. Маклакова).

Вечером, на банкете в «Метрополе» (в нём участвовало до 700 человек), завершившем последний праздничный день, городской голова Н.И. Гучков отметил, что торжества в память о великом писателе объединили «людей всякого звания». Сделал это «великий идсал правды и истины, завещанный нам Гоголем. Дай Бог,

чтобы такие объединения во имя общечеловеческих идеалов происходили почаще, и тогда человечество будет счастливее и лучше» (С. 106-107). Так Москва отметила столетие со дня рождения Н.В. Гоголя, о чём поведали всего две книги, изданные в начале XX века.

Послесловие

К столетию со дня рождения писателя выходили и другие интересные издания. Активно освещала юбилейные события периодическая печать того времени. Сообщалось, например, что памятник Н.В. Гоголю произвёл на современников неожиданное и сильное впечатление. Правда, в большинстве отзывы были отрицательные. Действительно, перед зрителями предстал образ писателя последнего периода жизни – одинокая согбенная фигура усталого человека, пугливо кутающегося в плащ. Поникшая голова, преодолеваемая тягостными думами. Заострённый нос, костлявая, будто замёрзшая, рука («для неё «позировала» рука скульптора В.Н. Домогацкого»²⁰), выступающая из-под плаща.

А на мастерски исполненных рельефах, опоясывающих пьедестал памятника, выдержанных в едином стиле и композиционном построении, герои произведений Н.В. Гоголя, полные жизни, подчёркивают трагическую раздвоенность человеческой души. Таким был создан памятник великому писателю, наделённый глубоким философским смыслом. Многие зрители, знакомые с его наиболее известными произведениями, насыщенными неудержимым юмором, очевидно, ожидали увидеть другой памятник.

*Никитский бульвар, дом №7а. Последняя московская квартира Н.В. Гоголя.
Рисунок Б.С. Земленкова. Начало 1950-х гг.*

Прошли годы, прежде чем замысел скульптора был оценён по достоинству, потому что он сумел найти и воплотить в бронзе образ, сущность которого раскрывалась постепенно и становилась всё более значительной во времени. Однако образ, созданный Н.А. Андреевым, не устраивал советское руководство сталинского периода. В центре столицы ему нужен был памятник, изображающий оптимистичного Н.В. Гоголя. И к 100-летию со дня кончины писателя, 2 марта 1952 года, такой монумент (скульптор Н.В. Томский, архитектор Л.Г. Голубинский) был установлен на месте Андреевского памятника, который в 1951 году демонтировали и убрали в Донской монастырь.

Лишь в 1959 году, к 150-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, памятник писателю скульптора Н.А. Андреева и архитектора Ф.О. Шехтеля был перенесён во двор дома А.С. Талызина, позднее Н.А. Шереметевой (Никитский бульвар, между домами № 7 и №

*Памятник Н.В. Гоголю
Н.А. Андреева и Ф.О. Шехтеля
во дворе между домами №7
и №7а на Никитском буль-
варе. Фотография автора
статьи. 2009 г.*

7а, представляющими единый архитектурный ансамбль). В этом доме (№ 7а) Николай Васильевич жил и работал в последние трагические годы жизни (декабрь 1848 – февраль 1852), находясь у давнего приятеля, графа А.П. Толстого, с которым поддерживал близкие отношения. Здесь он сжёг рукопись второго тома «Мёртвых душ», здесь окончил и свой жизненный путь. Вблизи расположена древняя церковь Симеона Столпника (1676–1679), которую писатель считал своей приходской. Священник этого храма причащал его перед смертью; в церковной метрической книге сделана запись о кончине писателя. Рядом шумит Арбатская площадь, а во дворе, где стоит памятник, уютно, много зелени – очень камерная среда, в которую образ Н.В. Гоголя, созданный Н.А. Андреевым, хорошо вписался.

Примечания

1. ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 793. Л. 95.
2. Ципельзон Эм. Второе призвание // Веч. Москва. 1968. 28 июня.
3. Порудоминский В. 26 апреля 1909 года: повествование-хроника // Панорама искусств 5. М., 1982. С. 94.
4. Тимофеева Н. Страницы биографии памятника Гоголю //

Куранты: ист.-краевед. альм. Вып. 3. М., 1989. С. 303.

5. Земенков Б.С. Гоголь в Москве. М.: Гос. изд-во культур.-просвет. лит., 1954. С. 118. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 4.

6. Тимофеева Н. Страницы биографии ... С. 304.

7. Титова Н. «Об Гоголя»: раз в сто лет / при участии Э. Егорова, В. Фесенко // Моск. наследие. 2009. № 8. С. 42, 45.

8. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811 – 1930. М.: АCADEMIA, 2002. С. 380.

9. Гоголевские дни в Москве. [М.]: О-во любителей рос. словесности, [1910]. С. 50-51.

10. ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 794. Л. 52-53.

11. Тимофеева Н. Страницы биографии ... С. 306.

12. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей ... С. 381.

13. ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 794. Л. 19.

14. Титова Н. «Об Гоголя» ... С. 49, 51.

15. Там же. С. 49.

16. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей ... С. 392.

17. Под портретом напечатано: «Фотог. П. Павлова», а ниже прописью – «Николай Гоголь». Изучение известных портретов писателя позволило мне сделать вывод, что представленный в книге – зеркальное изображение Н.В. Гоголя, извлечённое из даггеротипа 1845 года, увеличенное и профессионально отретушированное. На оригинале писатель сфотографирован в группе русских художников в Риме.

18. Шокарев С., Ястржембский Д. Тайна головы Гоголя // Подмосков. летописец. 2009. № 3. С. 38-45; Коструба Н. Великий меланхолик // Природа и человек. XXI век. 2010. № 2. С. 29.

19. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей... С. 383.

20. Турчин В. Памятник Гоголю – символ России // Наше наследие. 2009. № 89-90. С. 8.

Александр Тетерин

ПАМЯТЬ СЕРДЦА, ПАМЯТЬ НАРОДА...

(К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне)

«Истина о войне складывается из различных правд, – пишет во вступительной статье к книге П.Н. Никулина «Воспоминания о войне» директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, – она у каждого своя. Но для того, чтобы нести людям свою личную правду, надо иметь на это право».¹

Имею ли я право, рождённый после войны, говорить о ней? Буду ли достаточно объективен в своих суждениях? Эти вопросы волнуют меня, поскольку памятны слова отца, участника Великой Отечественной: «Подрастёшь – поймёшь». Немногословен он был.

Я давно вырос, воспитал дочь. Время далеко увело нас от грозных испытаний, выпавших на долю дедов, отцов, матерей. Но так мы устроены, что услышанное в детстве, западает в память на всю жизнь, а с годами начинает всё чаще напоминать о себе.

Рассказы родных и близких не изобилуют обширными фактами о войне. Памятны рассказы родной тетушки Екатерины Дмитриевны Беляевой, которая в годы Великой Отечественной войны достойно несла службу по обороне Ленинграда в акватории Ладожского озера на островах Зеленцы. Была представлена к государственной награде – ордену Красной Звезды. По-

Открытие блокадного Ленинграда

лучала его из рук командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова. По словам Екатерины Дмитриевны, спустя многие годы, она продолжала помнить крепкое рукопожатие командующего.

Вспоминаются немногочисленные рассказы отца о заключительных днях войны, его разговоры с Героем Советского Союза Николаем Михайловичем Поповым, который бывал у нас дома. Эти разговоры не носили героической окраски. Большею частью они шли о простых солдатских буднях. Однако до сего дня памятливы простые, но страшные слова Николая Михайловича: «Кого из нашего десанта не убили на берегу Днепра – всем Героя дали. А осталось нас – то ли девять, то ли двенадцать человек...».

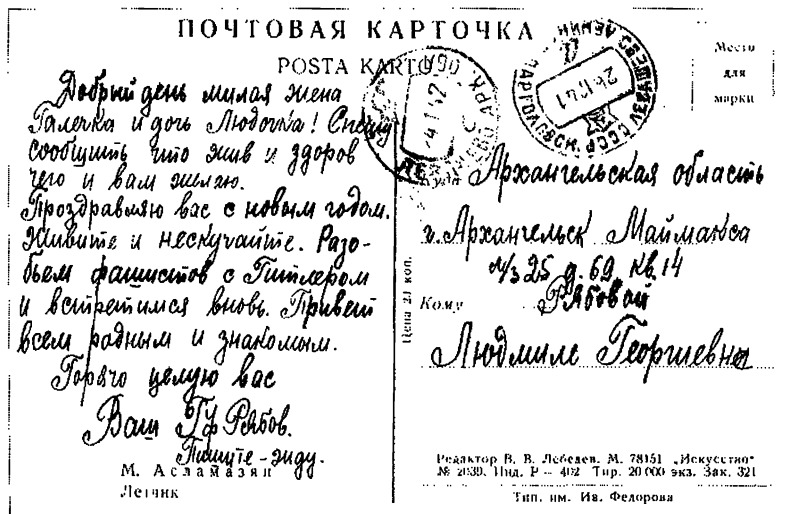
*Открытка блокадного
Ленинграда*

Сегодня посмертная маска с известного политика, учёного, писателя – документ, в котором нет (и быть не может!) досужего вымысла. Для меня боевые награды отца, книги, открытки, изданные в блокадном Ленинграде – такие же непреходящие документы, над которыми могу размышлять, не уносясь в мир фантазий. И, как следствие, поведать другим о своих наблюдениях и выводах.

Непредсказуемыми путями в домашнюю библиотеку пришли удивительные книги. Они необычны по времени своего появления. Война, а выходят аккуратно изданные книжечки в мягкой обложке в серии «Архитектурные ансамбли Ленинграда». Почему именно эта тематика?

Авторы – крупнейшие мастера зодчества и читатели хорошо понимали, что в любой момент архитектурные ансамбли под бомбами и снарядами могли превратиться в руины. Значит, необходимо найти те важные слова, которые отразят всю ценность самого ансамбля, его зданий, созданных выдающимися архитекторами Бартоломео Растрелли, Антонио Ринальди, Карло Росси, Андреем Ворониным...

Первая публикация была подписана к печати издательством «Искусство» 9 мая 1943 года. Это была книжка В.А. Каменского «Площадь Декабристов в

Весточка замполита Г. Рыбова родным с фронта

Ленинграде». Каменский В.А. Площадь Декабристов в Ленинграде. – Л.: «Искусство», 1943. – 30[2]с., 10л. фото. – (Архитектурные ансамбли Ленинграда).

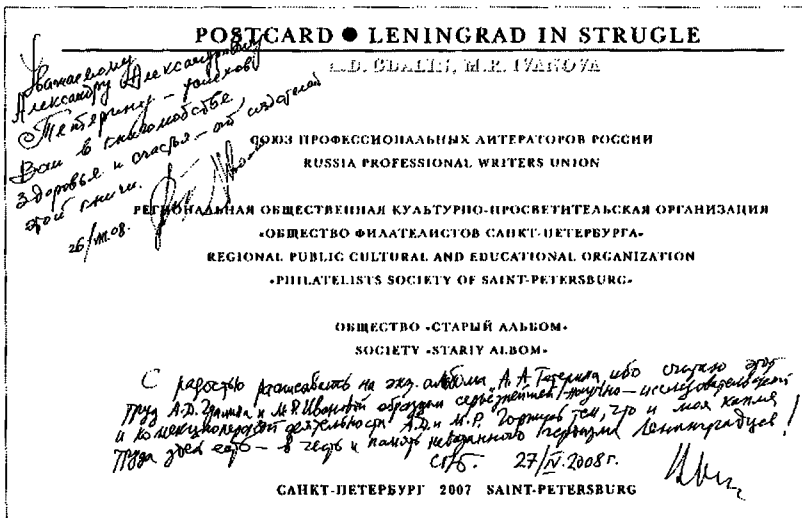
На титульном листе моего экземпляра:

В. Каменский. 14.10.74г.

На внутренней стороне верхней обложки – экслибрис И.Г. Мямлина работы М.И. Пикова.

Здесь же по экслибрису: «Дорогому А.А. Тетерину – для души. Сердечно. 23.08.2009г. СПб. И. Мямлин.»

Тираж составлял 10000 экземпляров. Автор писал не только об архитектурном ансамбле, но с болью говорил о разрушении врагом пригородных дворцов. Двухцветная печать придаёт изданию особую привлекательность. Отметим, что эта книжечка и последовавшая за ней «Невский проспект» Я.О. Рубанчика начинается строчкой «Смерть немецким захватчикам!».

Автографы И.Г. Мямлина, А.Д. Гдалина, М.Р. Ивановой
на книге «Сражающийся Ленинград»

Рубанчик Я.О. Невский проспект. – Л.: «Искусство», 1944. – 33 [3]с., бл. фото. – (Архитектурные ансамбли Ленинграда).

На титульном листе моего экземпляра автограф неизвестного неизвестной Вере Павловне: «Милой Вере Павловне от АКС. 18.10.44. г. Ленинград.» В этой книге вклеены три открытки, вышедшие в блокадном городе:

Худ. Тырса Н.А. Отражение врага. – Л.: «Искусство», 1941. – (Сер. Ленинград в дни Отечественной войны). Тир. 25000;

Худ. Морозов В.В. Ленинград в марте 1943г. (Из иллюстраций к книге Н. Тихонова «Ленинградский год»);

Худ. Будогосский Эд. Ранним утром. – Л.: «Искусст-

во», 1944. – (Сер. Ленинград в дни Отечественной войны). Тир. 15000.

Далее были выпущены «Дворцовая площадь в Ленинграде» В.И. Пилявского и его же «Главное Адмиралтейство в Ленинграде». Книжечку приобрёл в букинистическом магазине.

Пилявский В.И. Главное Адмиралтейство в Ленинграде. – Л.-М.: «Искусство», 1945. – 75[3]с., фото. – (Архитектурные ансамбли Ленинграда).

Художник В. Пакулин пишет на Невском проспекте, 1942 г.

Исторические очерки написаны с точной привязкой ко времени. Авторы этих книг в годы блокады занимались обмерами и фиксацией важнейших архитектурных памятников города. В результате сложнейших работ обнаруживались новые данные, делались интересные находки. Это находило отражение в книжках серии. Тем самым, они приобретали научное значение.

После войны, в 1946-1948 гг. издательство «Искусство» продолжило серию. Появились ещё четыре выпуска: Г.Г. Гримм «Ансамбли Росси», Н.И. Смирнов «Марсово поле», М.С. Бунин «Стрелка Васильевского острова», В.А. Каменский «Таврический дворец». Каждая книжка включала новые факты, сведения, сопровождалась иллюстрациями.

Все они оформлены однотипно и в одном формате. Заглавия на обложках даны красным цветом. Издания

сопровождаются небольшими гравюрами. Перед каждой главой – заставки. Книжечек всего восемь – своеобразный отчёт авторов, издателей, полиграфистов о работе в годы войны. При остром дефиците бумаги тиражи составляли от 3200 до 10 000 экземпляров.

В блокадном Ленинграде отношение к книгам было особое. Они согревали души защитников города, спасали от страха смерти. «В осаждённом городе удивительно много читали, – писал Н.К. Чуковский, – ...читали в землянках и дотах, читали на батареях и на вмерзших в лёд кораблях: охапками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промёрзших квартирах, при свете коптилок, читали, читали...»

Книги, изданные в те годы, – уникальные реликвии. Жизнь многих из них по ряду причин оказалась недолговечной, в том числе – уничтожение в период «ленинградского дела»...

К моей радости, обладаю ещё одним замечательным изданием, вышедшим в свет в 1943 году.

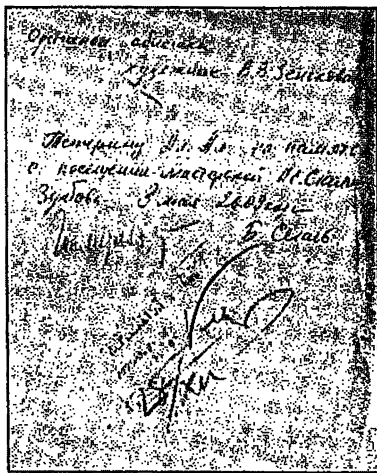
Инбер В. О Ленинграде: Поэма и стихи / Рис. А.П. Остроумовой-Лебедевой; Тит. и обл. В.В. Зенькович. – Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1943. – 80с.

Это необычный экземпляр, а, как говорили старые букинисты, с «колпачком». История «колпачка» такова. Однажды я посетил мастерскую петербургского художника Александра Сергеевича Сколозубова, ушедшего из жизни несколько лет назад. И вдруг зашёл разговор о книгах. Его жена Белла Ниссоновна Сегаль подарила мне оригинал обложки этой книжечки, созданной Верой Владимировной Зенькович.

Б.Н. Сегаль рассказала о творчестве В.В. Зенькович,

Оригинал обложки В. Инбер.
Художник В. Зенькович

Передаточная надпись Б. Сегаль
А. Тетерину, разрешение к набору, 1943 г.

об изяществе выполненной работы. Всё рассчитано, выверено... По её словам, «для тех, кто понимает – это является замечательным проявлением мастерства. К сожалению, сейчас мало людей, которые видят и ценят эту красоту, разве что „старики“»²...

Так получилось, что к концу жизни Вера Владимировна осталась одна. Её имя сегодня почти забыто... На обороте обложки: «Оригинал обложки. Художник В.В. Зенькович.»

Здесь же ниже: «Тетерину Александру Александровичу на память о посещении мастерской А.С. Сколозубова. 3 мая 2009года. Б. Сегаль.»

Здесь же коричневым карандашом: «Гослитиздат.»
Здесь же штемпель: «Разрешается к набору.»

По штемпелю красным карандашом: «28/ХІІ 1943» и роспись.

В выходных данных: «Подписано к печати 29/ХІІ 1943г.»

Внимательно рассматриваю оригинал обложки. Кажется, что через десятилетия чувствую трепет руки мастера, держащей колонковую кисточку.

Более трёхсот художников разделили со всеми горожанами судьбу жителей блокадного Ленинграда. Голодные, замерзающие, слабеющими руками они фиксировали его жизнь, чтобы навечно запечатлеть трагедию и мужество города.

Искусство сражалось с врагом. Рождались блокадные картины, графические работы, выходил знаменитый «Боевой карандаш», печатались политические плакаты, открытки.

На моём столе лежит книга, вобравшая воспоминания художников блокадного города, их думы, переживания, поиски, творческие неудачи и находки.

Художники города-фронта: Воспоминания и дневники ленинградских художников / Ред.-сост. И.А. Бродский. – Л.: «Художник РСФСР, 1973. – 444с.

Открываешь книгу – приходит реальное ощущение времени, которое несёт свою правду о тяжёлых испытаниях, выпавших на долю ленинградцев. Смеею полагать, что мой экземпляр является уникальным, поскольку подарен мне искусствоведом И.Г. Мямлиным и включает ряд автографов замечательных художников, работавших в блокадном городе.

На форзаце верхней крышки переплёта: «Дорогому А.А. Тетерину – книгу о великих страданиях,

надеждах, подвигах и о Победе! 1 января 2009г. СПб. И. Мямлин.»

В разделе справочного аппарата: Биографические справки об авторах (С. 433-438), чьи публикации вошли в книгу, рукой искусствоведа отмечено: «Люди, с которыми я был знаком, начиная с 1952г.»

На форзаде нижней крышки переплёта его же рукой: «Особо ценные автографы: Тихомировой. – С.220; Иогансена. – С.242; Рывиной. – С.289; Непринцева. – С.273; Блинкова. – С.373; Земцовой. – С.74.»

Воспроизведём их.

С. 74. «Дорогому Игорю Гавриловичу Мямлину, как память о жестоких днях блокады. 26 июля 1984г. А. Земцова.»

С. 220. «Игорю Гавриловичу Мямлину в память о легендарных, уже давних годах, когда даже фарфор работал на победу. М. Тихомирова. 6 янв. 1975.»

С. 242. «Время, о котором здесь рассказано, находится за пределами нашего знакомства. Тем более я ценю, дорогой Игорь Гаврилович, Вашу заинтересованность в нём. Иогансен, 1974 г.»

С. 273. «Игорю Гавриловичу от «древнего» моряка. 05.01.75 г.» Ю. Непринцев.

С. 289. Вот в осенней уже позолоте
Город мой – величав и хорош.
Пётр построил его на болоте,
А прочнее земли не найдёшь!
21.01.1975 г. Е. Рывина.

С. 373. «Игорю Гавриловичу от бывшего блокадника и партизана с глубоким уважением и пожеланием творческих успехов. А. Блинков. 21.03.1974 г.»

Открытка блокадного Ленинграда – разговор особый. Это, несомненно, реликвия сражавшегося города, его стойкости и героизма. Но будем помнить, что данное понятие реликвии распространялось далеко за пределы Ленинграда...

Свет увидел удивительный по содержанию и прекрасный по оформлению альбом, на подготовку которого потребовались десятилетия напряжённого труда двух замечательных петербуржцев – Александра Давидовича Гдалина и его жены Маргариты Романовны Ивановой.

Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка: Энциклопедический каталог. – СПб.: «Инфо-Да», 2007. – 528с., ил.

Авторы отмечают, что выпуск этого фундаментального труда удалось осуществить при поддержке и неоценимой помощи друзей, соратников и коллекционеров. Он включает 1400 открыток, вышедших в блокадном Ленинграде, прекрасный по глубине и охвату справочно-библиографический аппарат.

Отмечено, что книги в блокадном Ленинграде спасали от страха смерти. Не меньшую (если не большую!) роль играли открытки. Они были единственной ниточкой, которая связывала родных и близких людей. Открытки несли радость и надежду. Их берегли и перечитывали бесконечное количество раз...

Внимательное знакомство с книгой взволновало, когда обнаружил, что две открытки из старинного семейного альбома, доставшегося мне по наследству, вышли в блокадном Ленинграде. То, что хранил мно-

гие годы, увидел другими глазами. По-иному прочитал надписи на семейных реликвиях.

...В 1938 году в Архангельске мама встретила свою любовь – Георгия Фёдоровича Рябова, за которого вышла замуж. Из её рассказов я знал, что его мобилизовали в 1939 году, воевал с белофиннами, как говорили в то время. После окончания «северной войны» Г.Ф. Рябов продолжил службу, а в июле 1941 года его часть перебросили под Ленинград. Здесь он воевал до августа 1942 года. С тех пор известий от Георгия Фёдоровича не было. В альбоме осталось от него две открытки. После войны мама пыталась хотя бы что-нибудь узнать о нём, но усилия оказались напрасными. Многие годы она бережно хранила память о Георгии Фёдоровиче Рябове. Папа не ревновал – сам до конца испил чашу войны.

Хорошо помню, что 9 мая за праздничным столом он ежегодно поднимал рюмку водки в память о тех, кто не вернулся с войны, в том числе – за Георгия Фёдоровича Рябова...

Автор вступительной статьи к альбому «Сражающийся Ленинград» – авторитетный искусствовед, профессор, Заслуженный деятель искусств РФ, действительный член Петровской академии наук и искусств Игорь Гаврилович Мямлин. На обороте титульного листа моего экземпляра: «С радостью распишываюсь на экз. альбома А.А. Тетерина, ибо считаю этот труд А.Д. Гдалина и М.Р. Ивановой образцом серьёзнейшей научно-исследовательской и коллекционерской деятельности А.Д. и М.Р. Горжусь тем, что и моя капля труда здесь есть – в честь и память

невиданного героизма Ленинградцев!» СПб. 27/ IV-2008 г. И. Мямлин.

Надписав альбом, И.Г. Мямлин вклеил в него три открытки, вышедшие в блокадном Ленинграде. Некоторое время спустя здесь же появилась новая надпись: «Уважаемому Александру Александровичу Тетерину – успехов Вам в книголюбстве, здоровья и счастья – от создателей этой книги. 26/VIII.08. А. Гдалин, М. Иванова.»

Альбом получил признание не только специалистов, но и широкой читающей аудитории. В ноябре 2009 года труд создателей был по достоинству оценён присуждением Анциферовской премии.

Так проходят события, годы. Они оставляют песни, картины, книги и Память, без которой Жизнь во многом теряет свой смысл.

Примечания

1. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне / Государственный Эрмитаж. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 244с.: ил. – (Сер. «Хранитель»).

2. Рассказ Б.Н. Сегаль о замечательной плеяде довоенных художников, о творчестве В.В. Зенькович я записал на диктофон. А затем, на основе этого материала, для друзей-библиофилов была подготовлена малотиражная книжечка. См.: Тетерин А. Библиофилинки: II. – Тосно, 2009. – 12с., фото, цв. ил., 10 номер. экз.

Виталий Бакуменко

«ДРУКАРЮ КНИГ, ПРЕД ТЕМ НЕВИДАННЫХ» – 500 ЛЕТ

*В 1998 на Московском подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры была освящена икона, изображающая митрополита Макария и первопечатника диакона Ивана Фёдорова рядом с типографским станком – первое изображение печатной машины и первопечатника на православной иконе.
(Энциклопедия «Википедия»)*

Русский Первопечатник Иван Фёдоров – легендарная фигура отечественного средневековья. С течением времени его роль и значение в русской культуре возрастает и получает достойную оценку.

Как известно, имя и дело Ивана Фёдорова по-настоящему было открыто только в XX веке. Если ещё в XIX столетии Ивана Фёдорова считали всего лишь талантливым ремесленником, то в прошлом веке стало абсолютно ясно, что это был просветитель, общественный деятель, писатель, педагог, художник и первый русский блистательный полиграфист. Он первый дал соотечественникам печатные книги, понимая их огромное значение.

Жизнь и издательская деятельность Ивана Фёдорова отражена в монографиях, исследованиях, статьях. Мы, как будто всё о нём знаем, но в то же время до сих пор неизвестно, когда и где родился Первопечатник,

Художник А.Д. Силин
Рисунок, 1925 г.

какую фамилию носил – Москвитин, Фёдоров... И всё же то, что нам известно об этом человеке, заставляет с большим уважением и почтением относиться к нему и делу всей его жизни.

Скорее всего, правы те исследователи, которые идентифицируют Ивана Фёдорова с выпускником Краковского университета Иваном, сыном Фёдора Москвитина, удостоенным в 1532 году степени бакалавра, поскольку уже первая точно датированная книга «Апостол» свидетельствует о том, что её подготовил к печати высокообразованный человек. Не вызывает сомнений и то, что основы полиграфического мастерства Иван Фёдоров получил в московской Анонимной типографии, выпустившей до его «Апостола» несколько книг, без указания выходных данных. Вероятно, в Анонимной типографии Иван Фёдоров настолько ярко себя проявил, что именно на его кандидатуре остановил свой выбор великий библиофил средневековья, писатель-публицист царь Иван Васильевич Грозный, когда решил основать большую государственную типографию. Иван Грозный любил и высоко ценил книгу, понимал её значение в общественно-политической и культурной жизни. Он хорошо знал богословскую и мирскую литературу и книжность, имел большую и сложную по составу библиотеку. Чтобы понять уровень и масштаб образованности Ивана Грозного, достаточно познакомиться с его послани-

ями в Кирилло-Белозерский Успенский монастырь и с перепиской с Андреем Курбским. Благословил на этот подвиг Ивана Фёдорова Митрополит Московский и всея Руси Макарий (1481/1482–1563), автор грамот, посланий, инициатор и составитель крупнейших книжных сводов, в том числе и многотомного Лицевого Летописного свода. Всего несколько месяцев не дожил Митрополит Макарий до выхода в свет Фёдоровского «Апостола». Символично, что Митрополита и Первопечатника с типографским станком можно видеть на иконе, освящённой в 1998 году. В этом великом событии видится ещё одно доказательство торжества исторической справедливости.

Напомним главные вехи последних двадцати лет жизни Ивана Фёдорова. В 1564 году Иван Фёдоров выпустил первую, точно датированную русскую печатную книгу – «Апостол», снабдив её первым в России послесловием и рассказом о том, как была задумана и как издавалась эта книга.

Иван Фёдоров проделал большую предварительную текстологическую и редакторскую работу, превосходно оформил книгу. Тексту предпослал гравированный на дереве фронтиспис – изображение Апостола Луки. Поместил в ней 48 заставок, 22 буквицы и дру-

*Художник А.С. Мистецкий
Литографюра, 1984 г.*

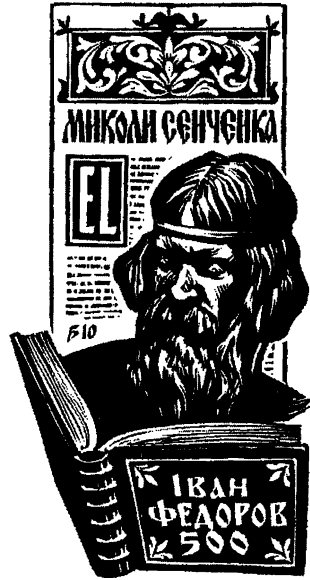
*Художник А.И. Миклодова
Гравюра на пластике, 1984 г.*

гие типографские украшения орнаментального характера. Исследователи установили, что Фёдоров творчески переработал «Большой прописной алфавит» Израэля ван Меке-нема, выгравированный на меди немецко-нидерландским гравёром в конце XV века, и орнаментальные мотивы школы Феодосия Изографа /около 1470 – 1-я четверть XVI века/ – первого русского гравёра, книгописца, иконописца, сына легендарного живописца XV века Дионисия. Опираясь на такие высокие образцы книжного искусства и графики, ему удалось создать уникальный старопечатный стиль, в дальнейшем получивший широкое распространение в художественном убранстве рукописных и печатных книг.

Вслед за «Апостолом» Иван Фёдоров успел напечатать в Москве «Часовник». В 1566 году он был вынужден бежать из столицы и перебраться в имение гетмана Г.А. Ходкевича в Заблудове. Здесь была основана вторая типография Ивана Фёдорова и напечатано «Учительное Евангелие», сборник бесед и поучений, с толкованием евангельских текстов.

В его состав вошло «Слово на Вознесение» Кирилла Туровского – первый опубликованный памятник древней восточно-славянской литературы. Там Фё-

доров напечатал также Псалтырь с Часословцем. Вскоре Г.А. Ходкевич принял решение прекратить издательскую деятельность по состоянию здоровья, а Фёдорову посоветовал заняться земледелием, выделив первопечатнику небольшую деревеньку Мизяковское (ныне Винницкая область, Калиновский район). Иван Фёдоров отказался от предложения гетмана, ибо видел своё призвание в другом деле. Позже, в послесловии к львовскому «Апостолу», он так сформулировал своё кредо: «Но не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян

*Художник Б.Н. Романов
Литографюра, 2010 г.*

сокращать время моей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен посеять семена духовные по вселенной и всем по чину раздавать духовную эту пищу».

Из Заблудова Иван Фёдоров переехал во Львов, где в 1573 году основал первую в Украине типографию. Здесь было напечатано новое издание «Апостола». В послесловии – «Повесть... откуда начася и како свершился друкарня сия» – помещено первое напечатанное произведение русской мемуарной литературы. В конце книги была воспроизведена геральдическая композиция /гравюра на дереве/ с гербом Львова и

*Художник Ф.Д. Молибоженко
Ксилография, 1973 г.*

типографским знаком Ивана Фёдорова, который до сих пор полностью не расшифрован и остаётся загадкой для исследователей.

Во Львове в 1574 году был напечатан и первый русский учебник – «Азбука». Первое издание этого учебного пособия сохранилось в двух экземплярах. Они находятся в библиотеке Гарвардского университета /США/ и в Британской библиотеке в Великобритании. Поскольку в этих экземплярах отсутствует заглавие и титульный лист,

исследователи называют пособие «Азбука», «Букварь» и даже «Грамматикия». Исходя из оглавлений разделов учебника Ивана Фёдорова, все эти названия вполне применимы и обоснованы. Но главное, учебник был так замечательно построен, что учил детей не только грамоте, но и давал первые уроки нравственности, поскольку его вторая часть, предназначенная для чтения, содержала великие образцы: божественные молитвы, изречения из притч Соломона, фрагменты из посланий Апостола Павла.

Это учебное руководство было оформлено Иваном Фёдоровым пятью заставками и тремя концовками. Украшения были настолько мастерски выгравированы, что их оказалось вполне достаточно для создания впе-

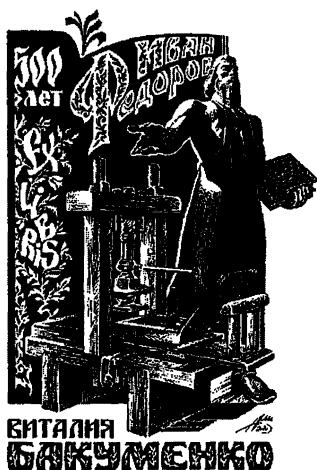
чатления, что учебник великолепно проиллюстрирован. Иван Фёдоров проявил себя не только незаурядным педагогом, но и человеком, который сумел отразить значительные достижения педагогической мысли своего времени.

В своём первом на Руси печатном пособии для обучения письму и чтению он опирался на наиболее авторитетные в то время грамматические руководства. Но ему удалось создать оригинальное пособие для первоначального обучения, дополнив традиционную методику новыми приёмами и новым методическим материалом, который способствовал ускорению и облегчению процесса обучения грамоте. Это был новаторский учебник. На протяжении множества лет он был образцом для последующих изданий подобного рода, включая и «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича, увидевшее свет в 1721 году.

Второму изданию «Азбуки» Ивана Фёдорова повезло больше. Работая в Остроге, Фёдоров в 1578 году осуществил новое издание «Азбуки». Она была дополнена параллельными греко-славянскими текстами, в ней впервые было напечатано «Сказание» Черноризца Храбра – памятник древне-болгарской литературы, в котором говорится о создании славянского письма Кириллом и Мефодием. Таким образом, Первопечат-

*Художник А.И. Калашников
Ксилография, 1977 г.*

*Художник А.Г. Шибанов
Рисунок кистью, 2010 г.*

ник стал первым публикатором старославянских текстов. Что касается второго издания «Азбуки» Фёдорова, то оно сохранилось по экземпляру в Копенгагене /Дания/, в Готе /Германия/ и есть фрагменты, которые хранятся в Российской Государственной библиотеке в Москве.

Четвёртая типография Ивана Фёдорова была основана в 1578 году в Остроге, в имении князя К.К. Острожского. Там Иван Фёдоров, кроме повторного издания «Азбуки», напечатал «Новый Завет» с «Псалтырью», а также «Книжку, собрание вещей нужнейших, вкратце скорога ради обретения в книзе Новаго Завета» – первый в истории отечественной библиографии и документалистики алфавитно-предметный указатель и одновременно сборник афоризмов и крылатых слов.

В Остроге Иван Фёдоров напечатал и первую полную «Библию», появление которой стало важной вехой в укреплении позиций родного языка и роста национального самосознания славянских народов.

Известно, что полный список «Библии» архиепископа Геннадия, который послужил основой для издания легендарной «Острожской Библии», был передан ему Иваном Грозным. Так судьба снова соединила имена Ивана Грозного и Ивана Фёдорова на книгоиздатель-

ской ниве в самом конце их жизненного пути. Круг замкнулся. Есть что-то символическое и в том, что оба Ивана и в мир иной ушли друг за другом: Первопечатник 5 декабря 1583 года, а Царь – 18 марта 1584 года.

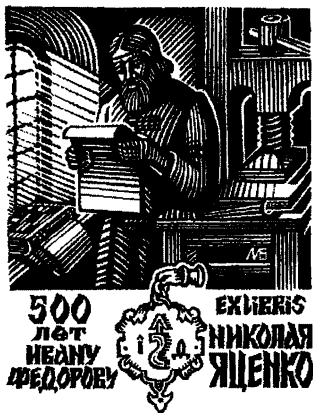
В 1582 году Иван Фёдоров снова поселился во Львове, где пытался организовать новую типографию, но все попытки оказались тщетными. Вероятно, крах дела всей жизни вскоре привёл Первопечатника к смерти. Похоронили Ивана Фёдорова в Свято-Онуфриевском монастыре...

Всего два десятилетия продолжалась издательская деятельность Ивана Фёдорова. И несмотря на постоянные гонения и преследования, вынуждавшие Первопечатника переезжать из одного города в другой, свершённое Иваном Фёдоровым поражает масштабом, совершенством воплощения каждого замысла и ярко выраженной просветительской направленностью.

* * *

Подвиг Ивана Фёдорова многообразно отражён не только в книгах, но и в изобразительном искусстве. Интересно увековечена память о русском Первопечатнике в графике малых форм – экслибрисе.

Впервые образ Ивана Фёдорова появился на экслибрисах замечательных художников 20–30-х годов Н.П. Дмитриевского /1890–1938/ и А.Д. Силина /1883–1942/. Это произошло в 1925 году в Вологде и Ростове-на-Дону. В композицию экслибриса «Из книг В.Я. Адарюкова» Николай Павлович Дмитриевский поместил фрагмент памятника Первопечатнику в Москве. Александр Дмитриевич Силин в миниатюре

Художник Б.А. Малинин
Рисунок, 2009 г.

«Из книг Н.П. Проскурнина» нарисовал поясной портрет Ивана Фёдорова, рассматривающего напечатанную им книгу. Следует отметить, что первые экслибрисы на эту тему были адресованы известным деятелям русской культуры прошлого века.

Выдающийся учёный, библиофил и коллекционер Владимир Яковлевич Адарюков /1863–1932/ оставил значительный след в отечественной

культуре, в том числе, и в экслибрисном движении своего времени, как автор книг, вошедших в число основополагающих для науки о книжных знаках. Николай Павлович Проскурнин /1888–1966/ был примечательной личностью в области русского книгопечатания. В первые послереволюционные годы он организовал в своём родном городе Ростове-на-Дону Полиграфическую школу. В ней он читал лекции, создавал для своих питомцев учебные пособия. Заведая этой школой, Проскурнин одновременно работал техническим руководителем типографии Южно-Донского союза кредитных обществ.

На складе этой типографии лежал своевременно полностью не реализованный тираж календаря на 1919 год. Поскольку оборотная сторона листов календаря была пустая, Проскурнин решил напечатать на этих листах свою книжку «Изобретение книгопечатания и

начало его в России». Так появилась единственная в своём роде и очень редкая книжка, поскольку тираж её был минимальный.

Всю жизнь Н.П. Проскурнин собирал старинные типографские шрифты. Он составил богатейшую картотеку шрифтов всех времён и народов. К сожалению, эта уникальная картотека до сих пор не издана. Если многолетний подвижнический труд учёного пропадёт, это будет ещё одна не восполнимая потеря для отечественной науки и истории искусства полиграфии. В последние годы жизни Н.П. Проскурнин жил в Москве и работал в Отделе новых шрифтов НИИ полиграфического машиностроения. Символично, что коллекция экслибрисов, посвящённых русскому Первопечатнику, открывается знаком для домашней библиотеки Николая Павловича Проскурнина.

Следующий экслибрис, запечатлевший памятник Ивану Фёдорову в самом центре Москвы, был создан в 1933 году. Эту классическую миниатюру выгравировал крупный мастер искусства ксилографии Михаил Иванович Пиков /1903–1973/. Книжный знак «Из книг Н.Н. Орлова» тоже был адресован незаурядной личности в отечественном книговедении. Николай Николаевич Орлов /1898–1965/ написал около 200 работ по библиографии, книговедению и библиофилии. Крупный учёный собрал уникальную научно-книговедческую библиотеку и передал её в фонды Академии наук СССР.

На сегодняшний день существует около 150 экслибрисов памяти Ивана Фёдорова. Основной их корпус был создан во второй половине прошлого века. Боль-

*Художник Н.И. Кофанов
Ксилография, 1983 г.*

шинство знаков приурочено к юбилейным датам Первопечатника: 400 и 425-летию русского и украинского книгопечатания и 400-летию со дня кончины Ивана Фёдорова.

Доминантой подборки экслибрисов памяти Ивана Фёдорова являются портретные знаки. И это при том, что изображение Первопечатника не сохранилось /а может его и вовсе не было/. Похоже, что та-

кое положение создало для художников безграничные возможности для решения непростой задачи. Многие художники в центр своих композиций помещают знаменитый памятник С.М. Волнухина. Появились знаки, запечатлевшие памятник Первопечатнику во Львове. Некоторые художники весьма удачно и изобретательно вводят в композиции миниатюр типографский станок и типографские знаки Первопечатника – их Иван Фёдоров воспроизводил в конце своих знаменитых изданий. Многие художники вполне уместно используют в композициях экслибрисов гравюры, фрагменты и детали художественного оформления книг, которые придумал, нарисовал и выгравировал Иван Фёдоров. Это придаёт их миниатюрам особую достоверность и оригинальность. Мастера искусства прикнижной графики прекрасно понимают перспективность этого пути, ибо Первопечатник оставил людям не только уникальные образцы печатного дела, но и бесценные

идеи для дальнейшего развития искусства книги и полиграфии в России.

Экслибрисы, посвящённые Ивану Фёдорову, увлечённо коллекционируют, включают в экспозиции книжных знаков и в персональные выставки памяти Друкаря. Большая часть этой коллекции адресована людям, много делающим для популяризации имени и творческого наследия человека, давшего людям печатные книги. Особо отметим мастерские работы

выдающихся русских художников А.И. Калашникова /1930–2007/ и Н.И. Кофанова /1943–1998/, адресованные профессору Е.Л. Немировскому. Широко известно, как много сделал этот выдающийся учёный для изучения издательской деятельности Ивана Фёдорова. Назовём лишь основные труды доктора исторических наук: «Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Фёдоров», «Начало книгопечатания на Украине. Иван Фёдоров», «Иван Фёдоров в Белоруссии», фундаментальные монографии: «Иван Фёдоров», «Иван Фёдоров и его эпоха. Энциклопедия» «Иван Фёдоров. Начало книгопечатания на Руси». Последняя книга вышла в 2010 году, она посвящена 500-летию Первопечатника и содержит в себе «Указатель литературы» об Иване Фёдорове с 1574 по 2010 гг. Это поистине уникальное издание.

*Художник Г.А. Еремеев
Ксилография, 1983 г.*

Художник И.М. Крислач. Литографюра, 1980 г.

Отрадно отметить, что книжные знаки памяти Ивана Фёдорова продолжают появляться и в XXI веке. Особенно активизировалась эта работа в преддверии замечательного юбилея Первопечатника – 500-летия со дня рождения. Не может не вдохновлять художников уже сам этот факт: сквозь гигантскую завесу времени, протяжённостью в пять столетий, прорвалось это великое имя, и всех нас продолжает восхищать его творческий подвиг. Иван Фёдоров жил с огромным опережением своего времени, поэтому он и сейчас справедливо воспринимается современником, для людей XXI столетия.

Отдельно отметим имена художников, создавших наиболее значимые книжные знаки в XXI веке, запечатлевшие образ первопроходца отечественного

просвещения XVI века Первопечатника Ивана Фёдорова: В.С. Житников (Москва), Н.С. Карасёв (Тула), И.Д. Кириакиди (Афины, Греция), Г.В. Бабич (Москва), Ю.И. Космынин (Москва), Г.А. Кулишов (Каргополь), Б.А. Малинин (Москва), Ю.Ф. Молибоженко (Новороссийск), С.С. Парфёнов (Благодарный), Е.А. Пилипенко (Екатеринбург), В.В. Покатов (Москва), Г.А. Сергеев (Киев), В.Н. Чекарьков (Тула).

«Первому на Руси мученику печатного дела», – так гласила надпись на одном из венков возле монумента скульптора С.М. Волнухина в день открытия памятника Ивану Фёдорову 100 лет назад в Москве. Если только схематично воспроизвести главные события этой подвижнической жизни, то можно вполне согласиться с таким утверждением.

Как загнанный волк, метался Иван Фёдоров по городам и весям своей Отчизны, гонимый и преследуемый за всё доброе, что он делал для людей. И так было всегда. Особенно жестоко страдают от человеческой несправедливости и косности, зависти и недоброжелательства Первопроходцы.

Наша статья посвящается 500-летию со дня рождения «Друкаря книг, пред тем невиданных», как было начертано на могильной плите Первопечатника. Будем помнить, что Иван Фёдоров свою подвижническую жизнь посвятил великой цели:

«Семена духовные по вселенной рассеять и всем по чину раздавать духовную эту пищу...».

Александр Архангельский

СУДЬБА ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА» – КОРАБЛЯ И КНИГИ

*Продолжение серии очерков «Библиофильские редкости»
под общим названием «Озёра, реки, моря, океаны...
и люди на них...»*

Фрегат «Паллада» – один из самых легендарных кораблей русского флота.

Корабль был заложен на Охтинской верфи в Санкт-Петербурге 2(14) ноября 1831 года. Строил его корабельный мастер полковник В.Ф. Стоке.

Фрегат предназначался для заграничных вояжей царской фамилии. Николай I лично предписал отделывать его «с особым тщанием».

Отделка была выполнена из ценных пород дерева – тика и дуба. Корабль отличался изяществом декора, а также высокими мореходными качествами. Фрегат мог развивать скорость более 12 узлов. Длина судна 52,8 м., ширина 13,6 м. Вооружение – пятьдесят два орудия 24 и 32 фунтового калибра.

Имеются сведения, что корабельная библиотека составлялась при участии самого А.С. Пушкина.

*И.А. Гончаров. Слитозаграфии
конца 1840-х гг.*

А 1 сентября 1832 года поэт присутствовал при спуске корабля на воду.¹

Фрегат был назван в честь греческой богини войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремёсел.

Первым командиром судна стал П.С. Нахимов.

В начале августа 1833 года «Паллада», своеобразный шедевр отечественного кораблестроения, вышла на внешний рейд Кронштадта. Своим стройным корпусом и чётким, «щёгольским», парусным оснащением она вызвала восхищение моряков всех близ стоявших кораблей.

Едва вступив в строй, «Паллада» сумела отличиться. Тёмной ночью 17 августа 1833 года эскадра вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена крейсировала в Балтийском море между островом Даго (Эзель) и полуостровом Ганге-Удд (Ханко). На фрегате, шедшем в конце колонны, сумели, несмотря на плохую видимость, определить своё местонахождение по маяку. По расчёту П.С. Нахимова, эскадра шла на каменную банку. Нахимов приказал дать сигнал адмиралу:

– Флот идёт к опасности!

«Паллада» сделала поворот на другой галс. Из-за дождя сигнал не сразу приняли на флагмане. Головной 74-пушечный «Арсис», выскочил на камни. Вслед за ним ещё два корабля коснулись камней и получили повреждения. Остальные выполнили приказание адмирала о повороте на другой галс. Благодаря сигналу, поданному с «Паллады», эскадра, состоявшая из восемнадцати вымпелов, была спасена.

По возвращении из плавания Беллинсгаузен в своём

приказе по эскадре дал высокую оценку находчивости Нахимова и отличным мореходным качествам нового фрегата. А спустя несколько лет, фрегат стал символом русского дружелюбия и стремления к добрососедству.

В октябре 1852 года корабль под командованием капитан-лейтенанта И. С. Унковского вышел из Кронштадта в кругосветное плавание. Экспедицию возглавил вице-адмирал Е.В. Путятин, направлявшийся на Дальний Восток с дипломатической миссией. В качестве секретаря вице-адмирала на фрегате находился известный русский писатель И.А. Гончаров.

Экспедиция имела определённую цель – заключение торгового соглашения с Японией.

В то время Япония была не только таинственной, но и безвестной страной, на берега которой почти не ступали европейцы.

На протяжении десятимесячного путешествия фрегат побывал во многих портах мира и везде оставил самую добрую память.

«Какое изящное, благородное судно», – писал И.А. Гончаров о «Палладе».

Фрегату, в конце концов, не удалось обойти вокруг света, но, несмотря на это, его имя сохраняется в памяти поколений.

Красавец русского военного флота не участвовал в великих морских сражениях. Он овсян не военной, а литературной славой.

Иван Александрович Гончаров – замечательный русский писатель – создал образец художественных

очерков путешествия на этом корабле под общим названием «Фрегат „Паллада“».

Почему Гончаров решил отправиться в это многотрудное путешествие – решить сложно. Возможно, в этом повинна игра воображения, влекущая к неизвестному, загадочному. Возможно, всплыли детские мечтания о путешествиях, навеянных чтением Магеллана. Как бы то ни было, он оказался в составе экспедиции.

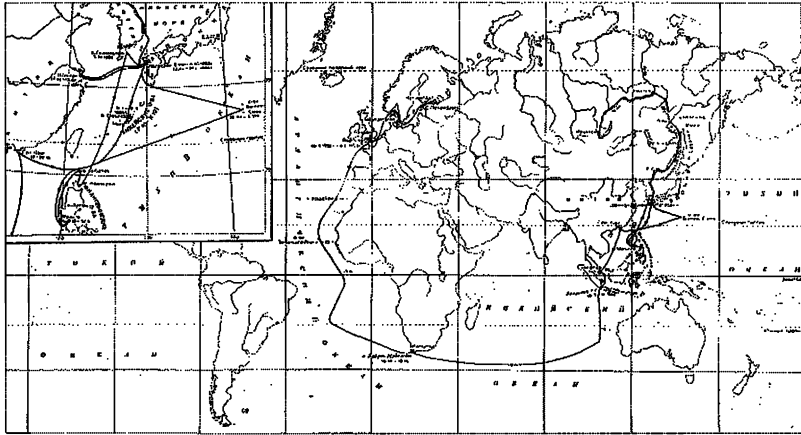
И.А. Гончаров уходил в плавание не просто чиновником департамента внешней торговли министерства финансов, а уже хорошо известным писателем.

К тому времени его литературный труд (в первую очередь – он автор «Обыкновенной истории») был высоко оценён В.Г. Белинским. Литературный критик отмечал изящество и остроту слова Гончарова. Язык писателя он называл «чистым, правильным, лёгким и свободным... Читая Гончарова, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерский изустный рассказ».

Плавание оказалось сложным. В начале похода в проливе Зунд в плотном тумане корабль сел на банку, повредив корпус. Более месяца корабль ремонтировался в Портсмуте. А затем – переход вокруг Африки, преодоление Индийского океана. Только в августе 1853 года фрегат вошёл в порт Нагасаки.

Переговоры с японским правительством проходили в течение двух лет. За это время фрегат побывал в Шанхае, Маниле, занимался гидрографическими работами близ Кореи.

С началом Крымской войны фрегат получил приказ

Карта плавания фрегата «Паллада»

следовать к берегам России. Так он оказался в Константиновской бухте.

В это время Гончаров обращается к адмиралу с просьбой освободить его от должности литературного секретаря, которая при военных обстоятельствах становилась практически ненужной.

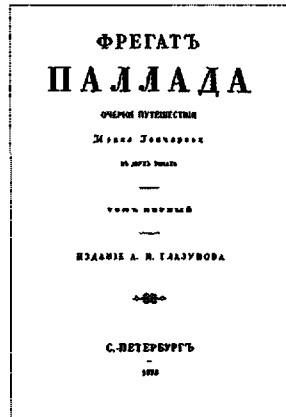
Путятин пытался удержать при себе полюбившегося ему Ивана Александровича, но просьбу всё же удовлетворил. Гончарова откомандировали «сухим путем» в Петербург.

Война обошла «Палладу» стороной. Казалось, что всё было в порядке – команда здорова, провианта достаточно. Но, опасаясь захвата фрегата англо-французской эскадрой и учитывая его ветхость, военный губернатор Камчатки отдаёт приказ – затопить фрегат. Это решение представлялось весьма спорным – навигация к тому времени уже закончилась и непосредственной угрозы захвата судна неприятелем

не было. Приказу этому попытался воспрепятствовать исследователь Дальнего Востока капитан Г.И. Невельской, однако все усилия оказались тщетными.

С фрегата сняли орудия, снаряжение. Пробив во льду канал, его при помощи собачьей упряжки отбуксировали на середину бухты и прорубили в нескольких местах днище.

31 января 1856 года морская вода навсегда сомкнулась над «Палладой».

*Гончаров И.А.
Фрегат «Паллада». Издание
А.И. Глазунова, 1858 г.*

И.А. Гончаров, вчерашний путешественник, прибыв в Петербург, обложился бумагами, дневниковыми записями, книгами. Началась работа по описанию путешествия. Он ощущал прилив бодрости. Много, по сути, было готово со времени путешествия, а теперь легко излагалось набело.

Первый очерк «Ликейские острова» удалось опубликовать в журнале «Отечественные записки» — в четвёртом номере за 1855 год. Это произошло всего через месяц после возвращения в Петербург!

В дальнейшем очерки — главы будущей книги «Фрегат „Паллада“» — печатались в самых разных журналах. А в 1858 году появилось, наконец, отдельное издание книги: Гончаров И.А. Фрегатъ «Паллада». Очерки

путешествія Ивана Гончарова. Въ 2-хъ т. Т.1-2. Спб., А.И. Глазуновъ, 1858.

Уместно напомнить о литературных произведениях подобного рода, которые были известны в то время: В. Боткин «Письма об Испании», П. Ковалевский «Путевые письма из Италии». Однако по художественному значению на первое место читатели поставили «Фрегат „Паллада“». Изобразительное мастерство Гончарова было признано блестящим, а книга принята с восторгом.

По словам Д.И. Писарева, её встретили «с такой радостью, с какой редко встречают на Руси литературное произведение».

Рецензенты наперебой хвалили автора, превознося то «живость и красоту изложения, свежесть содержания и художественную умеренность красок» (Н.А.Некрасов), то верность Гончарова «своему воззрению, своему краю, поэзии своего сердца, смыслу своего таланта» (А.В.Дружинин).

Сам Иван Александрович, несколько обескураженный таким успехом, признавался: «Это единственная книга, которая, как роза без шипов, принесла мне самому много приятного или, лучше сказать, одно приятное, не причинив ни одного огорчения».

Через четыре года из типографии Морского министерства выходит 2-е издание книги. А 3-е (1879г.), 4-е (1886г.), 5-е (1895г.) – вновь работа издательства Глазунова.

После 1917 года в Советском Союзе «Фрегат „Паллада“» издавался многократно.

Хорошо иллюстрированное издание увидело свет

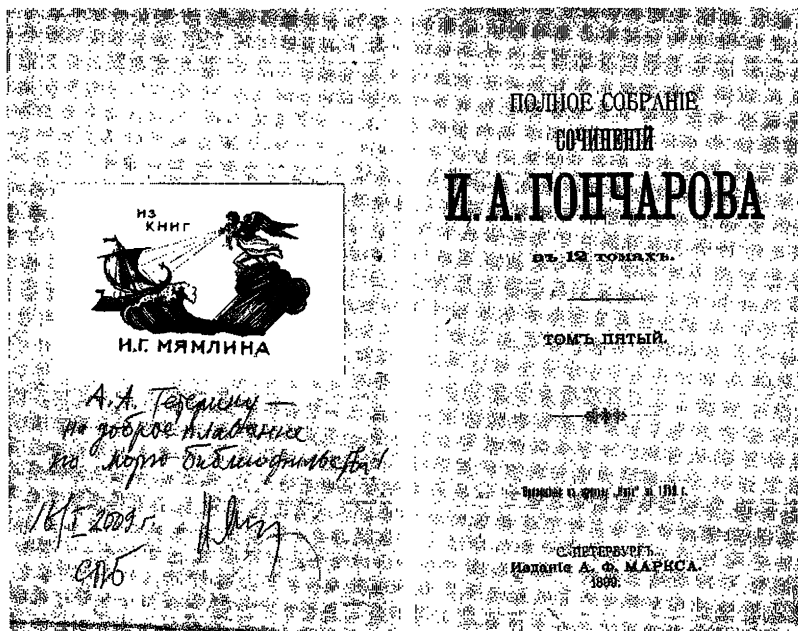

Рисунки художников Б.К. Винокурова, В.Д. Цельмера

в 1949г.: Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. Сокр. изд. / Под ред., со вступит. статьей «И.А. Гончаров и его плавание на фрегате «Паллада», С.3-60 и коммент. С.Д. Муравейского; Рис. худ. Б.К. Винокурова и В.Д. Цельмера. – М.: Гос. изд. геогр. лит., 1949. – 26 л. ил. и карт. – 710с.

Иллюстрированные переиздания последовали в 1950, 1951, 1957гг. Книга неоднократно выходила в региональных издательствах. В 1986 году была издана в серии «Литературные памятники».

На моём столе лежат два аккуратных томика в полужокожном переплёте: Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествія въ двухъ томахъ. Томъ I / Полное

Автограф И.Г. Мямлина. Пятый том полного собрания сочинений И.А. Гончарова. Издание А.Ф. Маркса

собр. соч. въ 12 томахъ. Т.5. Прилож. къ журн. «Нива» на 1899г. – СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1899. – 392[2].

Гончаров И.А. Фрегат Паллада. Очерки путешествія въ двухъ томахъ. Томъ II/ Полное собр. соч. въ 12 томахъ. Т.6. Прилож. къ журн. «Нива» на 1899 г. – СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1899. – 288[2].

Более тридцати лет назад они были приобретены в одном из букинистических магазинов Ленинграда.

На форзаце верхней крышки переплёта тома №5 – экслибрис петербургского искусствоведа, библиофила И.Г. Мямлина работы М.И. Полякова.

Здесь же по экслибрису надпись:

«А.А. Тетерину – на доброе плавание по морю библиофильства! 16/1-2009г. СПб. И. Мямлин.»

На форзаце верхней крышки переплёта тома №6 – экслибрис И.Г. Мямлина работы М.И. Полякова.

Здесь же по экслибрису: «Была из книг И.Г. Мямлина, а стала из книг А.А. Тетерина. Доброго им обоим плавания! 16/1-2009г. СПб. И. Мямлин.»

Сегодня «Фрегат „Паллада“» продолжает своё благополучное плавание. Книга востребована читателями, к ней обращаются литературоведы.²

Историку литературы Е.А. Соловьёву,³ принадлежат слова, сказанные об этом произведении:

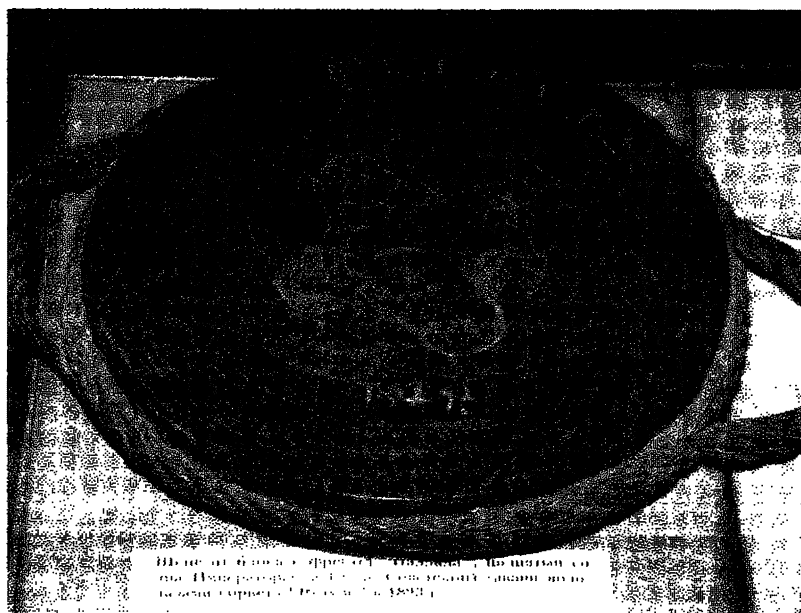
– «Фрегат „Паллада“ – несомненно, одно из лучших произведений описательной литературы, – редкая книга, доступная и образованным и необразованным, взрослым и детям... Она не затруднит ничьего понимания, не поработит ничьего воображения, но даст простор мысли и фантазии всякого читателя. С этой точки зрения «Фрегат «Паллада» обладает неоценимыми достоинствами.⁴

А что же сам Фрегат?

Среди моряков стало традицией, плавая в дальневосточных водах, посещать место нахождения «Паллады». Впервые это сделал экипаж клипера «Джигит» в 1885 году.

Первое же детальное обследование корпуса затопленного фрегата провёл летом 1888 года экипаж корвета «Витязь» под командованием капитана 1 ранга С.О. Макарова.

Из сохранившегося отчёта об этом обследовании следует, что «Паллада» лежит на твёрдом грунте, густо

Шлюзовая крышка фрегата «Витязь». Изготовлена со-
ставом: Пихта-сосна-берёза. Со временем изделие изне-
жилось и треснуло. Взята в 1893 г.

поросшем растительностью, носом к береговой черте и от неё в 37 саженьях (78,94 м). Промеры показали глубину у форштевня 7 саженьей (14,9 м), а у кормы 9 (19,2 м). Поднятые на «Витязь» со дна куски дерева корпуса оказались очень хрупкими.

В 1914 году повторное водолазное освидетельствование фрегата провёл водолазный офицер Петров.

Есть сведения, что в период гражданской войны и интервенции на палубу «Паллады» спускались японцы.

В 1923 году ледокол «Красный Октябрь» случайно зацепил один из якорей «Паллады». Его подняли на поверхность и доставили во Владивосток.

В 1940 году ещё одно освидетельствование фрегата

предприняли специалисты Тихоокеанского отряда ЭПРОНа, на основании которого воентехник 1 ранга Винокур составил проект его подъёма, но начавшаяся Великая Отечественная война помешала его осуществить.

Произведённый в 1947 году осмотр «Паллады» показал, что корпус более чем на 6 метров «всосало» в грунт и он значительно разрушен. Специалисты признали подъём фрегатанецелесообразным.

Ряд предметов с «Паллады» и фрагментов её корпуса как драгоценные реликвии хранятся в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге. К примеру, шкиф от блока, поднятый с фрегата водолазами корвета «Витязь» в 1893 году.

В 90-е годы прошлого столетия в средствах массовой информации обсуждался вопрос о подъёме фрегата со дна бухты. Но финансовые вопросы, как зачастую бывает, не позволили осуществить намерение энтузиастов.

По сей день это остаётся лишь благим пожеланием.⁵

А замечательная книга И.А. Гончарова продолжает передавать новым поколениям искру исторической памяти.

*Макет фрегата «Паллада».
Центральный военно-морской
музей, СПб. Фото 2009 г.*

Автор благодарит сотрудника Российской национальной библиотеки Г.Р. Ридер и сотрудника Центрального военно-морского музея П.Н. Тарасенко за оказанную помощь во время подготовки этого материала.

Примечания

1. Российская газета. – 1991. – 7 мая. – С. 3.
2. Покатилова Н.В. «Фрегат „Паллада“» в творческой эволюции И.А. Гончарова 1840-1850 годов: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / ЛГУ. – Л., 1989;
3. Ван Лицзю Образы Китая и Японии в художественной концепции «Фрегата „Паллада“» И.А. Гончарова: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Московский ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1991.
4. Михайлова М.В. Соловьёв Евгений Андреевич // Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия. – (Русские писатели 11-20вв.); Т.5: П-С. – 2007. – С. 744-748.
5. Соловьёв Е. Иван Гончаров // Кантемир. Белинский. Добролюбов. Писарев. Гончаров: Биогр. повествования / Сост. общ. ред. и послесл. Н.Ф. Болдырева. – Челябинск: «Урал», 1997. – С. 445-528.: портр. – (Жизнь замечат. людей. Биогр. б-ка Ф. Павленкова; Т. 20.
6. Лукьянов А. Хотим открыть Америку // Книжное обозрение. – 1990. – 30 апр. – С.6;
7. Жданова М., Алексеева Ю., Смирнова И., Лобкарева А. Щепки от фрегата // Советская культура. – 1990. – 27 окт. – С.6;
8. Цепляев В. Баллада о «Палладе» // Российская газета. – 1991. – 7 мая. – С.3;
9. Меренов И.В. Конец фрегата «Паллада»: К 300-летию Российского флота // Привет, Петербург. – 1994. – 1 июня. – С. 5.

PERSONALIA

Виталий Маркович

ПАМЯТИ УВЛЕЧЁННОГО ПРОПАГАНДИСТА ЭКСЛИБРИСА

*В своей основе книжный знак, экслибрис –
это выявление любви и уважения к книге.
Это сгусток мыслей и чувств, посвящённых книге.
А.А. Сидоров.*

Такой эпиграф к своей миниатюрной книжке «Пятьдесят книжных знаков» заслуженный работник культуры России Яков Лазаревич Бейлинсон /1922–1990/ взял не случайно. Он полностью разделял эту мысль выдающегося учёного, это было и его личное кредо.

Издание своей последней книжки – альбома Я.Л. Бейлинсон финансировал сам, но увидеть её ему не было суждено: незадолго до кончины он узнал, что книжка подписана в печать...

Предваряет миниатюрное издание «Пятьдесят книжных знаков» вступительное слово составителя. Пожалуй, это одна из лучших статей Бейлинсона. Так пишут только лишь в последний раз, подводя итоги. По духу это – исповедь, по содержанию – завещание.

Перед мысленным взором читателя проходит жизнь

*Худ. А.И. Калашников
Ксилография, 1972*

человека одарённого, тонкого, умного, доброго, скромного, дружелюбного, трудолюбивого. Даже тяжело заболев и уйдя на пенсию, Яков Лазаревич продолжал, не щадя сил, напряжённо трудиться. Он готовил новые книги, писал статьи, по всей стране искал и открывал новые таланты художников-графиков, вёл колоссальную переписку, выступал на вечерах и заседаниях, посвящённых книге и экслибрису. Работоспособность этого ув-

лечённого человека и восхищала, и поражала. Масштабы его деятельности, итоги сделанного так велики и значительны, что трудно понять, где он находил на всё это время. А ведь Яков Лазаревич ещё и умудрялся внимательно следить за новинками литературы, перечитывать классику. Вся вступительная статья к книжке пронизана чувством восхищения, благодарности и преданности «великой силе великого чуда по имени Книга».

Каким страстным книголюбом был Я.Л. Бейлинсон можно понять, прочитав только одно его признание: «Особая моя приверженность на всю жизнь, сколько себя помню, – к Лермонтову. Ещё до школы я получил в подарок небольшую книжицу его стихов. Потом были новые и новые открытия. Лермонтов буквально овладел мною, моими чувствами, настроением, моим

мировидением. И до сих пор не могу до конца понять, что и как произошло, но в течение многих лет было это: ни дня без Лермонтова. Потрясли сознание лирика и поэмы, потом «Герой нашего времени» и «Испанцы»... Стодами, естественно, произошло более глубокое осмысление его творений, их философской и человеческой сущности, и Лермонтов стал ещё ближе мне».

Своим примером Яков Лазаревич Бейлинсон ярко доказал, что настоящую творческую жизнь можно начать и после сорока лет.

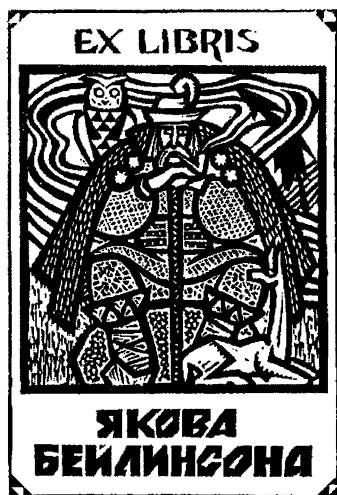
До этого возраста он жил, как большинство его сверстников: учился, воевал, образование завершил в институте после войны; работал учителем, пропагандистом, журналистом.

После сорока жизнь Якова Лазаревича заполнило страстное увлечение: он стал коллекционировать книжные знаки. По собственному признанию, он не мог тогда знать, что экслибрис, его сущность, значение, история станут главным делом самого активного периода его жизни. Более того, со временем увлечение, органично слившись с профессией журналиста, сделало его имя широко известным по всей стране. Целенаправленная пропаганда этого жанра искусства графики стала смыслом жизни журналиста и коллекционера.

Тогда же Я.Л. Бейлинсон стал членом Московского клуба экслибрисистов, который способствовал его

*Худ. А.И. Калашиков
Ксилография, 1970*

Худ. О.М. Оброца
Литография, 1972

Худ. И.М. Филищенко
Цинкография, 1987

активному включению в изучение и популяризацию искусства экслибриса. Главная трибуна для этого у Бейлинсона была просто великолепная – газета «Книжное обозрение», где он был заведующим отделом, членом редколлегии и одним ведущих журналистов.

Я.Л. Бейлинсон привлёк в мир экслибриса очень много талантливых художников – графиков, которые раньше не уделяли внимания книжному знаку. К его мнению прислушивались не только молодые, но и маститые художники. Часто Бейлинсон не довольствовался только ролью пропагандиста книжных знаков – он активно вторгся в творческий процесс по созданию новых экслибрисов. Он советовал, рекомендовал, подсказывал, направлял поиски творцов. Нередко предлагал идеи, сюжеты или даже целиком

Худ. Ю.А. Баранов, граюра на металле, 1987

завершенные композиции книжных миниатюр. Выступая порой, по сути дела соавтором художника, он делал это очень тонко и чутко.

За последнюю четверть века своей жизни Яков Лазаревич Бейлинсон опубликовал свыше тысячи статей и заметок на экслибрисные темы. Круг его интересов не ограничивался одной тематикой. Так, широкую известность получили прекрасные статьи журналиста на библиофильские темы, циклы статей Бейлинсон посвятил миниатюрным книжкам, увлечённо он рассказывал о работе выдающихся мастеров книжной иллюстрации.

Но главный подвиг Яков Лазаревич Бейлинсон совершил в последнее десятилетие своей жизни. Он сумел

Худ. Б.Н. Романов
Линогравюра, 1987

Худ. В.Г. Шапиль
Ксилография, 1969

пробить совершенно непробиваемую стену – убедил чиновников книгоиздательского дела в необходимости выпускать миниатюрные книжечки по искусству экслибриса. Вероятно, помогло ему в этом блестящее ораторское искусство и военный опыт майора – орденосца. Но не трудно догадаться, сколько сил, нервов и лет жизни это ему стоило... Но результат усилий, борьбы и сражений превзошёл все ожидания: «Книжная Москва в экслибрисе», «Пушкинский экслибрис», «Спортивный экслибрис», «Киев и киевляне в экслибрисе», «Космический экслибрис», «Ленинград в экслибрисе», «Вильнюс, Рига, Таллинн в экслибрисе» – вот не полный список миниатюрных книжек – альбомов, которые удалось выпустить в свет Я.Л. Бейлинсону. Все они давно стали раритетами и являются пределом мечтаний страстных библиофилов, коллекционеров, собирателей миниатюрных изданий.

В своей последней миниатюрной книжке «Пятьдесят книжных знаков» Бейлинсон писал:

«Смею утверждать, что в экслибрисах, выполненных для моей библиотеки разными художниками, отразилось не только её содержание, отношение ко мне лично, но и моя позиция в пропаганде искусства экслибриса. Считая этот вид графики оригинальным и достаточно сложным в силу его специфики, авторитетным и перспективным, как это показала его полутысячелетняя история, ярким свидетельством характера Времени и Людей, я всегда стремлюсь подчеркнуть эти значимые черты книжного знака. Как и непреложность его художественных достоинств, его книжности».

Последняя миниатюрная книжка Я.Л. Бейлинсона получилась очень красивой, изящной и элегантной. Этому способствовал известный московский художник В.В. Покатов, много лет плодотворно сотрудничавший и друживший с автором книги.

Заключительные строки вступительной статьи к книжке «Пятьдесят книжных знаков» представляются завещанием автора идущим вослед:

«Отбором, систематизацией, надлежащим исследованием экслибриса у нас, к сожалению, не занимаются – ни в Союзе художников, ни в Обществе книголюбов.

Худ. Ф.Д. Молибоженко
Ксилография, 1973

*Худ. В.В. Потапов
Литография, 1986*

Однако необходимость такого систематизированного исследования настойчиво требует реализации. Как, впрочем, надо решить и ряд проблем, связанных с использованием книжных знаков, их коллекционированием, организацией выставок, пропагандой.

Само искусство эксlibриса предполагает чистоту, компетентность во всём, что его касается. Всегда помнить об этом – святой долг каждого, кто посвящает графической миниатюре своё творчество и досуг, страсть души, а по существу – часть жизни».

В качестве иллюстраций статьи помещаем несколько эксlibрисов из последней книжки Якова Лазаревича Бейлинсона «Пятьдесят книжных знаков». Они дадут читателям яркое представление о том, какие замечательные мастера искусства графики подарили её автору свои миниатюрные графические произведения. Это знаки не только дружбы, но и глубокой признательности и благодарности журналисту и искусствоведу за его бескорыстный подвижнический труд на ниве современной книжной культуры.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИЖНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В САМАРЕ

В конце мая 2010 года прошел Международный фестиваль «Книжная графика и экслибрис» в Самаре, приуроченный к 150-летию Самарской областной универсальной библиотеки и 20-летию Организации российских библиофилов. В праздничных мероприятиях приняли участие библиофилы, художники, коллекционеры из США, Израиля, Латвии, Беларуси, а также из Вологды, Воронежа, Санкт-Петербурга, Москвы, Челябинска и других городов России. В рамках фестиваля прошли выставки: «Современный российский экслибрис», «А.И. Калашников» (к 80-летию со дня рождения), детская миниатюрная книга, ретроспективная выставка об истории СОУНБ, а также выставка графических работ самарских художников.

В насыщенной праздничной программе фестиваля нашлось место и для серьезных встреч. В библиотеке Новокуйбышевска прошел круглый стол по проблемам книги и чтения с участием писателя А.Я. Дегтярева, встреча с самарскими писателями в Самарском обществе книголюбов, которую организовала зам. Председателя Правления Самарского общества книголюбов Т.С. Ручкина.

ЖУРНАЛУ «БИБЛИОТЕКА» – 100 ЛЕТ

Учрежденный 100 лет назад по инициативе Санкт-Петербургского общества библиотекведения журнал явился первым в России специализированным изданием для работников библиотек, учреждений народного просвещения, библиофилов, владельцев книжных собраний. Начал выходить в 1910 г. под названием «Библиотекарь». С 1923 г. назывался «Красный библиотекарь», с 1946 г. – «Библиотекарь». Нынешнее название – «Библиотека» носит с 1992 г.

Исторически рождение журнала по времени совпало с периодом активного формирования и началом практической деятельности самой библиотечной отрасли. Это уникальное обстоятельство позволило новому журналу стать своеобразной летописью передового опыта библиотечной работы. В тесном контакте со специалистами журнал оперативно ставил и обсуждал злободневные вопросы многогранной деятельности библиотечных коллективов, вместе с ними принимал деятельное участие в общественно-политической и культурной жизни страны. На протяжении целого столетия он был и остается общедоступной трибуной для огромного числа истинных подвижников библиотечного дела.

Сегодня «Библиотека» – это авторитетный печатный орган, оказывающий постоянную научно-методическую и информационную поддержку значительной армии специалистов из 130-ти тысяч библиотек. Его выписывают и читают в странах СНГ и дальнего зарубежья.

Журнал целенаправленно освещает актуальные темы реформирования отрасли. Из номера в номер публикуются статьи, интервью, репортажи и другие оригинальные материалы, посвященные острым проблемам жизнедеятельности профессионального сообщества: реализация государственной политики в области библиотечного дела; развитие библиотечных сетей; подготовка и закрепление кадров; сохранение и пополнение книжных фондов; повышение оплаты труда специалистов; улучшение материально-технического оснащения учреждений культуры. В центре внимания редакции – вопросы информационного обслуживания населения, формирования гражданского общества, воспитания молодежи в духе патриотизма и уважения к героической истории страны, организации правового и экологического просвещения, освоения современных электронных технологий, внедрения инновационных процессов в библиотечную сферу.

В постоянно действующих рубриках (тематических разделах) журнала находят глубокое отражение разнообразные формы профессионального поиска библиотечных специалистов – активизация деятельности библиотек как культурно-образовательных и досуговых центров; реализация национальной программы чтения; создание модельных библиотек, библиотек-музеев; организация всероссийского движения по составлению летописей сел, деревень, хуторов и родословной отдельных семей; увековечение памяти павших в годы Великой Отечественной войны и др.

Журнал работает в тесном контакте с Российской библиотечной ассоциацией. Многоплановая деятель-

ность Ассоциации, в число учредителей которой входит и журнал «Библиотека», обогащает её содержание, делает компетентным помощником в осуществлении своей культурно-просветительской роли, в изучении зарубежного опыта. Во многом этому способствует и вхождение журнала в Международную федерацию библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА).

Вся редакционная политика журнала строится на теснейшем союзе с работниками библиотек, профессиональных, общественных и творческих объединений и фондов, государственных органов по вовлечению в процесс подготовки материалов широкого круга авторов – библиотечных специалистов разного профиля, деятелей культуры, науки и образования, видных ученых и практиков, юристов и экономистов, представителей законодательной и исполнительной властей. Сейчас в «базе данных» журнала «Библиотека» и в «Приложениях» к журналу значатся авторы из всех регионов России, а также стран СНГ.

«Приложения» к журналу (а их в настоящее время зарегистрировано тринадцать) возникли на протяжении последних пятнадцати лет как ответ на общественную и профессиональную потребность специалистов-практиков в получении более объемной информации по конкретным направлениям библиотечной работы, в повышении уровня своих знаний.

Издательские проекты оказались успешными. Сейчас выходят журналы: «Библиополе» (для муниципальных библиотек), «Мир библиографии», «Библиотека и закон», «Независимый библиотечный адвокат», «Знаменательные даты», «Читаем, учимся, играем» (для

школьных учреждений), «Книжки, нотки и игрушки...» (для учреждений дошкольного образования), детская серия «Библионяня», книжная серия «Библиотекарь и время. XXI век.» (только за шесть лет в серии вышло 130 книг общим тиражом 400 тысяч экз.). Большинство «Приложений» находятся на полном хозяйственном расчете.

В 1973 году журнал «Библиотекарь» был удостоен ордена «Знак почета». Под названием «Библиотека» наград не имеет.

Главным редактором журнала последние 25 лет (с 1985 г.) является Самсонов Станислав Иванович, имеющий большой опыт работы в средствах массовой информации, издательствах, пресс-службах ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Станислав Иванович – член Союза журналистов и Союза писателей России, Заслуженный работник культуры России, Президент Российского фонда чтения имени Н.А. Рубакина, член Совета Международного Союза книголюбов, действительный член Международной академии информатизации. Награждён орденом Дружбы (1997 г.) и 13-ю медалями.

Журнал под его руководством вступает во второе столетие своего существования. У редакции и издательства немало перспективных проектов и планов, в реализации которых очень заинтересованы библиотечные работники. Поэтому любая поддержка журналу будет с благодарностью воспринята миллионами российских книголюбов, специалистов и читателей библиотек.

О МОСКОВСКОМ МОЛОДЕЖНОМ КЛУБЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГ (ММКЛК).

17 ноября в Музее экслибриса открылся Молодежный Клуб. На его первую встречу пришли в основном студенты. Просмотр британско-американского фильма режиссера Марты Фрайнс «Онегин» плавно перешел в его обсуждение. Зрители нашли фильм забавным и даже полезным, несмотря на то, что по их почти единому мнению, он абсолютно ничего общего с романом А.С. Пушкина не имеет. А ведь и правда, любая экранизация – это другое произведение. Под десерт в виде снека, книголюбы решили, что этот фильм полезно посмотреть тому, кто не читал Пушкина совсем, чтоб захотелось познакомиться с настоящим творчеством гениального русского писателя.

Зажженные энтузиазмом, молодые люди предполагают на просмотрах экранизаций не останавливаться, а на будущих встречах клуба читать стихи, исполнять авторские песни, проводить песенные фестивали и капустники на тему произведений любимых писателей. Любителям самодеятельности и литературы, советуем обязательно посетить.

Члены клуба собираются 2 раза в месяц, в 1-ю и 3-ю среду в 16-00 по адресу: г. Москва, ул. Пушечная, 7/5, 2-й этаж, МСК, Музей экслибриса.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ БИБЛИОФИЛОВ

22 октября 2010 года в помещении Литературного музея в Высокопетровском монастыре состоялось учредительное собрание нового библиофильского объединения – Национального союза библиофилов. Новой эта организация является условно. НСБ – наследник Всероссийской ассоциации библиофилов – Организации российских библиофилов, чья славная история насчитывает уже 20 лет. В 1990 г., на заре перестройки в Воронеже, по инициативе нескольких крупных советских книголюбов, состоялось учредительное собрание Всероссийской ассоциации библиофилов. Новая организация создавалась под эгидой Добровольного общества любителей книги России. В ассоциацию вошли крупные коллекционеры книг со всего Советского Союза и других стран. Планов было громадье. Это и издание библиофильской литературы, и проведение выставок из частных библиотек, и выпуск своего периодического органа, и ежегодные встречи коллекционеров. Что-то удалось осуществить, что-то нет. Но самое главное, ежегодные встречи и общение друзей оставалось неизменным. Менялись города, менялся круг участников, но ежегодно во второй половине мая собирались единомышленники, чтобы обменяться библиофильскими новостями, накопленными за год, похвалиться покупками и открытиями. Неизменно проводился дружеский аукцион. В середине 90-х годов, из-за юридических тонкостей, ассоциация была переименована в Организацию российских библиофилов. За эти годы библиофилов приветствовали многие

города. Это – Воронеж, Киров, Ярославль, Вологда, Москва, Самара, Нижний Новгород, Санкт-Петербург (неоднократно) и многие другие. С 2007 года при Организации стал выходить журнал – «Библиофильские известия». На последней, XX-й встрече ОРБ, было принято решение о регистрации сообщества, как общественной организации и выбрано название – Национальный союз библиофилов. В планах создание сайта, проведение конференций и выставок, издание библиофильской литературы. Союз приглашает всех любящих и собирающих книгу.

IN MEMORIAM

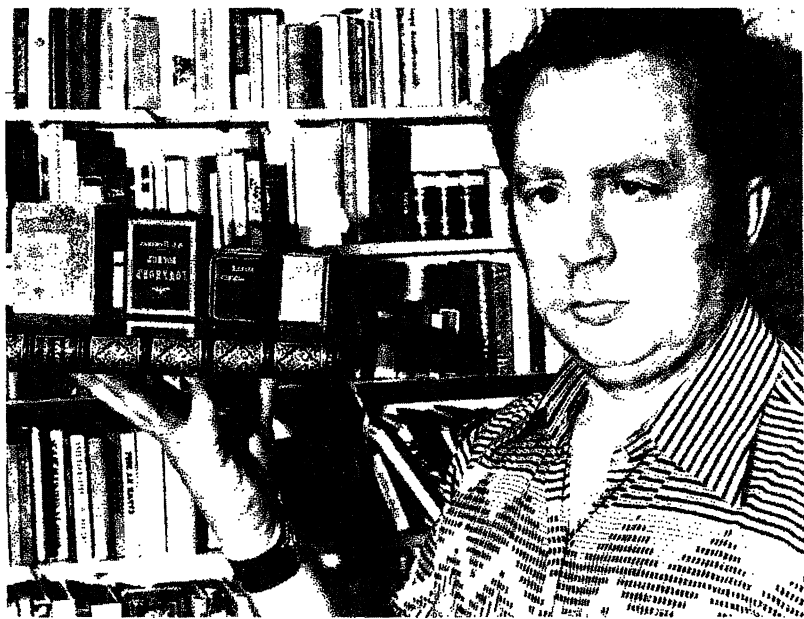
ГАЛУТИН ГРИГОРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ

(05.02.1931-17.07.2010)

Среди любителей миниатюрных книг Григорий Вениаминович был известен, как работник книжной торговли, а среди букинистов – как коллекционер и обладатель необычного собрания миниатюрных книг.

Эти интересы тесно переплелись в его жизни, и трудно сказать, что было главнее. Если Ставрополь был городом, где он родился, то Москва стала местом, где он сформировался профессионально. Свою книжную деятельность он начал помощником продавца в одном из московских магазинов в центре Москвы. Потом стал продавцом, киоскером. В дальнейшем география его «книжных домов» расширилась – Солянка, Ленинский проспект, Арбат. Со временем стал приходить опыт – ему уже поручали принимать на комиссию личные библиотеки прямо на дому коллекционеров.

Вместе с этим росла и личная библиотека Григория Вениаминовича. Помимо интересных и редких книг (в т.ч. прижизненных изданий писателей) стали появляться необычные издания малого формата. По его личным воспоминаниям, о Московском клубе любителей миниатюрных книг он узнал в 1971 году и «тут же вступил в него». Возможно, о клубе он узнал

Г.В. Галутин

от Поливановского Сергея Ерофеевича, директора «Москниги» (в магазинах этой организации и работал в те годы Григорий Вениаминович). После этого и до конца своей жизни он никогда не разлучался с клубом, старался не пропустить ни одного заседания. Было видно, что общение с книголюбями, любителями миниатюрных книг приносило ему внутреннее удовлетворение. Он участвовал во всех книжных выставках миниатюрных книг, организованных клубом.

Со временем разрослась и его личная коллекция, составившая к концу жизни около 3000 книг-малюток. Правда, материальные затруднения и неважное здоровье (астма!) в последние годы вынудили его нередко

продавать из «неприкосновенных запасов» довольно редкие и ценные издания.

Любовь к старой, антикварной книге логически привела его в Организацию российских библиофилов, куда он вступил в 1999 году и на съезды которой ездил с удовольствием.

Интересные случаи из своей практики работы в букинистических магазинах Григорий Вениаминович не только рассказывал на клубных встречах, но и сумел запечатлеть в двух своих авторских книжках (миниатюрных!): «Большое собрание маленьких книг» (Москва, 1996) и «Дорога длиною в полвека» (Москва, 2003).

В нашей памяти Григорий Вениаминович Галутин останется не только, как коллекционер миниатюрных книг и библиофил, но и как порядочный человек, любивший людей и книгу в одинаковой мере.

*Ярослав Костюк, председатель Правления
Московского клуба любителей миниатюрных книг*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Сераuskas A. 109
Lenke Diskan 107
Cinovsky M. 108
Адарюков В.Я. 177, 178
Лйхенвальд Ю.И. 133, 147
Акинъшин А. 74
Александр I 44
Алиханян С.Т. 78
Алмазов В.А. 135
Амфитеатров А.В. 39, 40, 41
Андреев Л.Н. 42, 46
Андреев Н.А. 135, 136, 137, 138, 140, 147, 149, 153, 154
Андроников И.Л. 59, 60, 61, 62
Антеос П. 56
Антимопова Е. 111
Апостол Лука 171
Арсений иеромонах 15,
Арцыбашев М.П. 34, 43
Баженов Н.Н. 147
Бакст Л.С. 149
Бакуменко В.М. 89, 169, 197
Бальмонт К. 43
Банников А. 72
Бант Г. 45
Баренбаум И.Е. 59
Барышев И. 45
Бахрушин А.А. 34
Бейлиссон Я.Л. 197-204
Бекетов Л.Г. 116
Белецкий А. 70
Белинский В.Г. 187
Белоусов И.А. 133
Белоусова И. 54
Белый А. 43
Беляева Е.Д. 156, 157
Бердичевский Я.И. 99, 100
Берков П.Н. 65-67
Бессараб М. 62
Блишков А. 165
Блок А. 43
Боборыкин П.Д. 146
Богалей Д.И. 150
Бойков М.П. 38,
Большаков Л.Н. 51-84
Большакова Т.Л. 51-84
Болян З. 79
Боровский П. 16,
Босенко Г.Н. 106
Боткин В. 189
Бродский И.А. 164
Бродский И.И. 101
Бруновский А. 117
Брюсов В.Я. 33-35, 41, 43, 49, 50, 84, 146
Брянский В.Д. 141
Будогосский Эд. 160
Бунин И. 42
Бунин М.С. 161
Вейнберг П.И. 149
Венгерова З. 44
Вербицкая А.А. 43
Версаев В.В. 35, 37
Верстников В.В. 52, 83
Веселовский А.Н. 146
Винн В. 112
Винокуров Б.К. 190, 191
Винский Г.С. 51, 63, 64
Волпухин С.М. 180
Волоцкий И. 16,
Воронихин А. 158
Воронова Н. 124
Востряковы Р.Д. и Б.Д. 36, 37
Гагарин Ю. 99, 104
Гаккер Э.П. 140
Галич А. 72
Гальцев Л. 81
Гарибджанян Г. 78
Гдалин А.Д. 166, 167, 168
Герцен А. 54
Ги де Мопассан 39, 40

- Гнярловский В.А. 36, 37, 138
Глазунов А.И. 189
Глазунов А.К. 148
Гоголь Н.В. 131-154
Гойская А. 17, 19,
Голубинский Л.Г. 153
Гончаров И.А. 184-195
Гортман В.А. 14
Горький А.М. 42
Готье Ю.В. 34
Грак Г. 116
Григорович Д.В. 138
Григорян А. 79
Гримм Г.Г. 161
Грозный И.В. 96, 170, 176
Грузинский А.Е. 138, 141, 145, 146
Гусев Н.Н. 59
Гучков Н.И. 138, 141, 151
Давыдов И. 81
Давыдов Н.В. 146
Дамаскин И. 11
Дейч А. 67, 70
Дейч Е.К. 53, 70
Демидов П.П. 140
Дживелегов А.К. 34
Дзюба И. 70
Дикупина Н. 78
Дионисий 171
Дмитревский Н.П. 177
Домогацкий В.Н. 152
Достоевский Ф.М. 44, 54
Дружинин А.В. 190
Дуров В.К. 93
Дьяков В. 54, 56, 72
Едемский В.У. 91
Ермолова М.Н. 142, 150
Ершов Б. 101
Ефимов Б. 99
Жаккар А. 141
Железо И. 10, 15, 20,
Житников В.С. 182
Жуковский П.В. 133
Жур П.П. 70
Зайцев Б. 42, 43
Земцова А. 165
Зенькович В.В. 162, 163
Зиновьев Л. 44
Златовратский Н.Н. 142
Злочевский Г.Д. 131
Зыков А.И. 126, 130
Ивакин Ю. 70
Иванова М.Р. 166, 167, 168
Ивсенский С. 99, 100, 102, 115
Инбер В. 162, 163
Ипполитов-Иванов 141
Йовенко С. 71
Казимова Н.И. 118, 119, 123, 124
Калашников А.И. 107, 117, 181
Калишевский А.И. 133
Каллаш В.В. 133, 147
Каменский В.А. 158, 159, 161
Капутикян С. 79
Карасев Н.С. 182
Кизеветтер А.А. 133
Кириакиди И.Д. 182
Ключевский В.О. 146
Кмеляускас А. 112
Кнебель Й.Н. 35
Ковалевский П. 189
Колесников В.П. 57
Колупаев В.Е. 9,
Конан-Дойл А. 46
Коробовский Г. 118, 119
Короленко В.Г. 46, 142
Корш Ф.Е. 147, 151
Кофанов Н.И. 181
Кошелевич В. 44
Кравцов Г.А. 98, 100, 101
Кузнецов А. 88, 89
Кулишов Г.А. 182
Куприн А.И. 42, 43, 46, 138
Курасникова Л. 124
Курис Л. 115
Курочкин Ю. 62, 81
Курочкина Н. 54
Лажо Г. 29

- Ласунский О.Г. 60, 74
Левочкин И.В. 15,
Ленский А.П. 136, 146
Лепик Х. 110
Лермонтов Ю.М. 198, 199
Лесков Н. 54
Лествичник И. П
Лукарис К. 13
Лыхмус Л. 114
Львов М. 81
Любичанковский С.В. 75
Макаров С.О. 193
Маклаков Л.Ф. 151
Маковицкий Д.П. 54
Максименко В. 21, 22, 23, 24
Максимова А. 124
Малинин Б.А. 182
Мануплов А.А. 147
Марно де Филиппис 112
Марков А.С. 73
Мартынова Е. 149
Марьян В. 98, 103
Массон К. 64
Мейлах Б. 54
Меньшиков А. 121
Мережковский Д.С. 44, 45
Мерцков К.А. 157
Метерлинк М. 43
Микешин М.О. 14,
Минкевич М. 116
Митрополит Макарий 169, 171
Митрополит Московский и всея Руси
171
Молибоженко Ю.Ф. 182
Морозов В.В. 160
Морозова М.К. 147
Москвин И.М. 137
Москвитин Ф. 170
Мстиславец П. 96
Муравейский С.Д. 190
Мямяин И.Г. 118, 159, 160, 164, 165, 167,
168, 192, 193
Мясницкий И.И. 45
Нахимов П.С. 185, 186
Невельский Г.И. 188
Некрасов Н.А. 190
Немирович-Данченко В.И. 45, 147
Немировский Е.Л. 14, 181
Непринцев Ю. 165
Нецветаев Л.Н. 125-130
Нечкина М.В. 54, 56
Никитин А. 80
Николай I 44, 184
Николенко Н.К. 83
Никулин Н.Н. 156
Овчинников Р.В. 72, 73
Орлов Н.Н. 179
Освященный С. 11,
Островская Е. 76
Островский А.Н. 46
Островский Н. 76
Острожский К.К. 12, 13, 14, 15, 29,
Остроумова-Лебедева А.П. 162
Остроухов И.С. 135, 136, 147, 149
Остужев А.А. 150
Павел I 44
Пакулин В. 161
Панфилов М.М. 29
Парфёнов С.С. 182
Пахаревский Г. 124
Пашков П.Е. 134
Пестель П.И. 55
Петлюра С.В. 21,
Пётр I 118
Петрицкий В.А. 55, 74, 75
Петровский И.Ф. 73
Петряев Е.Д. 82
Пикассо П. 99
Пиков М.И. 159, 179
Пилипенко Е.А. 182
Пиллявский В.И. 161
Пиотровский М.Б. 156
Писарев Д.И. 190
Плещеева А. 54
Покатов В.В. 182
Поляков М.И. 192

- Поляничко В.П. 80
Попов В.Т. 95,
Попов Н.М. 157
Попов О.К. 99, 101, 102, 103, 105
Потехин А.А. 132
Праг И. 82
Прево М. 45
Преподобный Иов Почаевский 9-30
Пришвин М. 43
Проскурнин Н.П. 178, 179
Путятин Е.В. 186, 188
Пушкин А.С. 73, 118, 126, 129, 130, 132,
133, 184
Пыжов К. 25,
Пятницкий И.А. 42,
Радонезжский С. 28
Растрелли Б. 158
Рахманинов С.В. 148
Рейснер Р. 43
Ридер Г.Р. 195
Римский-Корсаков Н.А. 148
Ринальди А. 158
Розанов М.Н. 146
Розенталь Е. 32
Росси К. 158
Ротач П.П. 70
Рубанчик Я.О. 160
Рыбаков К.Н. 138
Рывина Е. 165
Рябов Г.Ф. 167
Саводник Вл.Ф. 147
Садовский П.М. 150
Сажин Н.П. 92
Сакулин П.Н. 133, 145, 146, 151
Сапожников С. 72
Сатаев А. 80
Сегаль Б.Н. 162, 163
Секрет М. 73
Серафимович А. 42
Сергеев Г.А. 182
Сергеев Я.П. 134
Сергеев-Ценский С. 42
Серебренников В.И. 95, 96
Серебровская Е.С. 59
Серов В.А. 136, 147, 149
Сидоров А.А. 197
Силин А.Д. 177
Скжолдборг Е. 111
Сколозубов А.С. 162
Скоропадский П. 21,
Скутин А. 60
Смирнов Н.И. 161
Смотрицкий Г. 13,
Смотрицкий М. 13, 19,
Спегирёва А. 144
Соловьёв Е.А. 193
Сологуб Ф. 43
Сперанский М.Н. 146, 149, 150
Стациславский К.С. 147
Стельмах Б. 70
Стоке В.Ф. 184
Сумбатов А.И. 146
Сумбатов-Южин А.И. 33
Талызин А.С. 153
Тарасенко П.Н. 195
Таратута Е. 62
Тарновская С. 13
Телешов Н.Д. 133, 146
Терьян В. 78, 79
Тетерин А.А. 156, 159, 163, 164, 167,
168, 184, 192, 193
Тихомиров М.Н. 95, 96, 165
Толстая А.Л. 41
Толстой А.П. 42, 154
Толстой Л.Н. 41, 51, 54, 57, 58, 59, 77,
83, 147
Томский Н.В. 153
Траушкин Н.С. 73
Тырса Н.А. 160
Тычина П. 51
Тютчев И.Ф. 133
Унковский И.С. 186
Утков В.Г. 83
Фаворский В. 99, 100
Фадеев А. 77, 78
Фёдоров А.М. 43,

- Фёдоров И.Ф. 14, 96, 169-183
 Федотов А.А. 35, 138, 147
 Федотова Г.Н. 38
 Федотова Н.А. 38
 Ферлей А. 17, 18,
 Финер К.А. 149
 Флобер Г. 43
 Франс А. 43
 Фриче В. 44
 Фролов В. 99
 Хиibus X. 110
 Ходасевич В.Ф. 49
 Ходкевич Г.А. 171
 Коментовский А.С. 83
 Храповицкий А. 21,
 Хуфферт Г. 112
 Цельмер В.Д. 190, 191
 Чабров Г.Н. 73
 Чекарьков В.Н. 182
 Чепанаскас А. 113
 Черный С. 43
 Чехов А.А. 46, 54
 Чубач А. 71
 Чуковский К. 43
 Чуковский Н.К. 162
 Чуракова М.С. 99, 105, 106, 115
 Шаблюновский Е.С. 70
 Шамбинаго С.К. 35
 Шапочкин А.Н. 135
 Шахматов А.А. 142
 Шевченко Т.Г. 51, 54, 64, 65, 66, 69, 77
 Шейко В. 116
 Шереметева Н.А. 153
 Шерстяной В. 108
 Шехтель Ф.О. 136, 140, 153
 Шишков В. 43
 Шмаков А. 81
 Шредер И.Н. 14,
 Щетишина И. 149
 Эйдельман Н. 62
 Южин А.И. 150
 Юцис В. 116
 Яблочкина А.А. 150
 Янко М.Д. 81
 Яценко Н.И. 125
 Яцюк В. 72

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Бакуменко (Маркович) Виталий Маркович (р. 1937), певец, всероссийский артист Большого театра; коллекционер, библиофил. Автор множества публикаций о библиофильских находках на литературные и музыкально-театральные темы. Выпустил альбомы-каталоги «Есениниана Василия Леоненко», «Валерий Покатов – художник книги и экслибриса», «На рубеже веков, или Итоги XX века» и ряд миниатюрных книжек.

Большакова Татьяна Леонидовна, преподаватель педагогического колледжа им. Н.К. Калугина г. Оренбурга, член Союза журналистов России.

Босенко Григорий Николаевич (р. 1947). Окончил Кишинёвский политехнический институт, в 1975 г. – член Союза архитекторов СССР. Графикой занимался со студенческих лет. С 1977 по 1988 гг. возглавлял секцию малой графики и экслибриса Общества книголюбов Молдавии. В 1988 г. на основе личной коллекции Г. Босенко был создан музей экслибриса в Кишинёве. С 1992 года Босенко Г.Н. – президент Союза дизайнеров и Гильдии производителей

рекламы Республики Молдова. В 2006 году восстановились утраченные связи с обществом книголюбов. В 2007 году – прошла его персональная выставка в Музее экслибриса МСК, вышел каталог.

Злочевский Гарольд Давидович (р. 1936), кандидат технических наук, старший научный сотрудник ОАО «ВНИИ АЛМАЗ», член Союза писателей Москвы, автор более 100 публикаций по библиофильской тематике, истории Москвы, Подмосковья, русской усадьбе, истории общественных организаций в области краеведения, культуры и искусства, в том числе 4 книги. Член-учредитель Общества изучения русской усадьбы, член его Правления.

Колушаев Владимир Евгеньевич, (р.1964), выпускник МГИК в 1985 г. по специальности «Библиотекосведение и библиография», специализация - ОПЛ (общественно-политическая литература), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник в НИО книговедение РГБ, печатался в профессиональных изданиях «Библиотекосведение», «Библиография», «Мир библиографии», «Библиотечное дело», автор монографии «Русские в Магрибе» (Пашков дом, 2009), научные интересы - изучение истории книги и культуры в целом Русского Зарубежья XX века.

Костюк Ярослав Николаевич (р. 1955), по специальности инженер-механик. В 1980-х гг. работал в области производства и испытания специальной техники. С 1990-х гг. – на административно-хозяйственной работе. Коллекционер мини- и микрокниг. Председатель Правления Московского клуба любителей миниатюрных книг, член Miniature Book Society, член Организации российских библиофилов.

Кузнецов Александр Васильевич (р. 1962), учитель, литератор, художник, краевед. Работает учителем географии в Усть-Печенгской основной школе Тотемского района Вологодской области. Автор 22 краеведческих книг и монографий, многие из них проиллюстрировал сам. Автор более 80 экслибрисов, выполненных в технике бумага, перо, тушь. Выпустил серию из четырёх буклетов «Экслибрисы Александра Кузнецова».

Марьин Владимир Алексеевич (р.1941), художник-график, журналист, литератор. Более тридцати лет был заведующим отделом иллюстрации областной газеты «Красное знамя» в Томске. Библиофил, коллекционер экслибрисов, автор около 400 книжных знаков, вошедших в золотой фонд отечественного искусства экслибриса. Участник множества Всесоюзных и Международных конгрессов и выставок экслибриса. С 1994 года В.А. Марьин живёт в Германии. Многие годы был главным редактором газеты «Контакт» и литературно-художественного журнала русских писателей Германии «Родная речь». Член Союзов журналистов России и Германии.

Мямлин Игорь Гаврилович (р. 1931), историк искусства, художественный критик, педагог, библиофил. Член Союза художников России с 1959 года. В 1986 году ему присвоено звание – Заслуженный деятель искусств России. В 1999 году избран действительным членом Петровской академии наук и искусств

(СПб). Автор более двухсот научных работ по классическому и современному изобразительному искусству, ряда монографий, в т.ч. о Ю.М. Неприщеве, В.В. Пинчуке, М.И. Пикове В.И. Шухасеве.

Розенталь Елизавета Исааковна – музейный работник, экспозиционер с полувековым стажем в Государственном Историческом музее. В 1950-1970-х годах участвовала в создании первых экспозиций по истории России второй половины XIX в., конца XIX – начала XX в., а также тематических выставок, в том числе и зарубежных. Кандидат исторических наук, автор многочисленных публикаций по истории революционного движения и общественной жизни конца XIX – начала XX в. в России, напечатанных в научных изданиях ГИМ и исторических журналах.

Тетерин (Архангельский) Александр Александрович (р. 1954). Окончил Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской. По образованию - библиограф. Муниципальный служащий. Краевед, библиофил, коллекционер. Один из авторов альбома «Земля Голосенская. История и современность». Публикуется в периодической печати Ленинградской области.

Шустрова Людмила Владимировна (р. 1955), кандидат педагогических наук, председатель Исполкома Совета МСК, член Союза журналистов России, главный редактор «Российского экслибрисного журнала», «Альманаха библиофила». Автор многочисленных публикаций в альманахах, сборниках и периодической печати, а также учебного пособия «Практическая стилистика русского языка».

Яценко Николай Ильич (р. 1934), штурман гражданской авиации, Президент Международного клуба друзей Сент-Экзюпери, Заслуженный работник культуры России. Член Союза журналистов России, член Правления ассоциации друзей Франции, член Организации российских библиофилов.

СОДЕРЖАНИЕ

Каково же наше будущее?.....	7
ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ	
Владимир Колупаев. Образ преподобного Иова Почаевского и книгоиздательские традиции русской православной церкви на родине и в зарубежье.....	9
БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ	
Елизавета Роленталь. Библиотека московского литературно-художественного кружка и её читатели	32
Татьяна Большакова. Писатель в зеркале библиотеки. Поиски и обретения Леовида Большакова	51
ПОИСКИ И НАХОДКИ	
Александр Кузнецов. А был ли «Тотемский летописец»?	88
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ	
Владимир Марьян. Непрерываемая связь времён и расстояний.....	98
Григорий Босенко. Новогодняя поздравительная гравюра – PF (Pouq Feliciter).....	106
Игорь Мямлин. Авторская целногравированная книга Н. Казимовой – стихотворение А.С. Пушкина «Пир Петра Первого»	118
Николай Яценко. Пушкиниана художника Л.Н. Нецветлева	125
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	
Гарольд Злочевский. Как в Москве готовились и отмечали столетие со дня рождения Н.В. Гоголя	131
Александр Тетерин. Память сердца, память народа	156
Виталий Бакуменко. Друкарю книг, пред тем невиданных – 500 лет.....	169
Александр Архангельский. Судьба фрегата «Паллада» - корабля и книги	184
PERSONALIA	
Виталий Маркович. Памяти увлечённого пропагандиста экслибриса	197
ХРОНИКА	
Международный книжный фестиваль в Самаре	205
Журналу «Библиотека» - 100 лет.....	206
О Московском молодежном клубе любителей книг (ММКЛК).....	210
Национальный союз библиофилов.....	211
IN MEMORIAM	
Галутин Григорий Вецнамилович.....	213
Именной указатель.....	216
Коротко об авторах	220

Альманах библиофила

Выпуск тридцать четвертый

СОСТАВИТЕЛИ

Дегтярёв А.Я., Котомкин И.А., Шустрова Л.В.

КОРРЕКТОР

Ларченко Н.Н.

ВЁРСТКА

Шипилов А.

Сдано в набор 15.09.2010. Подписано в печать 25.11.2010.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1457.

Международный союз книголюбов
107031, Москва, ул. Пушечная 7/5 стр. 2
<http://www.knigoluby.ru>
e-mail:knigolub@co.ru
Тел.: (495) 621-82-21,
факс: (495) 621-46-26

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел.: 8(817-2) 72-61-75; 8(817-2) 72-60-63.